

СМЕНА

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1982

ТВОРЧЕСТВО И МОЛОДОСТЬ

«Любите живопись, поэты!» — воскликнул Николай Заболоцкий, восхищенный картиной Рокотова. И в этой строчке не столько призыва, сколько утверждения, что поэзия и живопись имеют незримую связь. Что-то близкое есть в труде стихотворца и художника.

Действительно, поэзия учит нас не только мыслить и чувствовать, но и видеть. Многие поэты пробовали себя в родственном деле — брали кисть и садились к холсту. И у них неплохо получалось.

Сейчас, с развитием техники, в мире прекрасного прочное место заняла художественная фотография. Выбрать свое, неповторимое мгновение и остановить его. Чудо! И тут недостаточно одного мастерства. Тут требуется вдохновение поэта, талант художника.

Владимира Калиниченко больше знают как поэта. Он живет в Донецке, за его плечами Львовский университет, работа на шахте, в редакциях газет. В этом году в местном издательстве вышла его третья поэтическая книжка. Но Владимир не только пишет стихи. Он смотрит на мир, как художник, стараясь запомнить все, что его радует и печалит, волнует и тревожит. И оказывается, не все может слово. И тогда на помощь приходит фотокамера.

Запомнить все... Может, эта мысль впервые пронзила его давным-давно, когда семилетним ребенком он был отправлен в один из фашистских концлагерей в Австрии, где ему пришлось пройти через все испытания ада...

Перо и фотоаппарат. Владимир не разлучается с ними никогда. Он не представляет своей жизни без фотографии и поэзии. Ему есть что сказать, его зоркий объектив знает, когда щелкнуть. В этом убеждаешься, знакомясь с его работами.

Играли Баха

Играли Баха...
Это было в Лейпциге,
когда, устав от монотонных лекций
экскурсовода, знатока истории,
устав от фешенебельной «Астории»,
я брел, куда брелось,
куда взбредется...

Казался город
дном глубокого колодца.
Красивый город, но чужой,
как все в разлуке.
И вдруг меня остановили звуки.
Собор Фомы Святого был пустынен.
Темнели лавки старые. Простые.
Звучал орган...
Все объяснялось просто:
играл «Токкату» худенький подросток.
И запершило что-то в моем горле —
я перестал чужим быть в этом городе,
далеком городе,
старинном Лейпциге,
где что ни шаг — история и лекция.

ЖИЗНЬ И МИР

Владимир КАЛИНИЧЕНКО

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ В СТИХАХ И ФОТОГРАФИЯХ

Герб моей Родины

Герб моей Родины —
молот и серп, —
красной звездой осененный.
Это —
и мир на земле для всех
и человек, от рабства спасенный.
Это —
помноженное на доброту
братства единого чувство,
это —
взметенное на высоту
подлинное искусство!

Камчатская береза

Стоит под ветром шалым,
Над крутизной дорог —
И людям не мешало б
Не падать
в бурю с ног.
Готовым быть
к ударам
И продолжать
маршрут...
Березу,
нет, недаром
Здесь каменной зовут.

Преодолев себя

Мальчик боялся моря...
Плывать еще не умел он,
но каждый день
у прибоя
примеривался к волне.
Он маленьким был,
этот мальчик,
не знал он,
как знают взрослые:
можно решиться на что-то,
преодолев себя.
Но, верно, недаром мальчик
примеривался каждодневно:
однажды он разбежался,
прыгнул в волну
и — поплыл!

Одна на всех похожа

*Все женщины похожи на тебя!
И взглядом, и улыбкой,
и движеньем неспешным рук,
когда, подняв к затылку,
прическу поправляют машинально.
Все женщины похожи на тебя —
на улицах, в трамваях, на экранах —
всесильной беззащитностью своей,
непостижимой, как и материнство.
Все женщины похожи на тебя...
А ты — одна —
на них на всех похожа.*

Перед сменой

*Уже в шахтерке,
перед сменой
горняк не прочь на полчаса
уютно, даже по-семейному
присесть,
чтоб солнышко в глаза.
Чтоб помолчать,
вдыхая воздух
привычный,
кисловатый чуть...
Необходим,
но как непрост он,
по штреку
ежедневный путь.*

Припомните

*Чем пахнет елка?
Детством и смолой,
размеренным законом смены года,
холодным апельсином,
хороводом,
огнем бенгальским
с дымной синевой,
наивными надеждами на чудо
и легким звоном елочных шаров,
дразнящим паром маминого блюда
и сложным смыслом
односложных слов,
улыбкой чьей-то,
мимолетным взглядом,
вином игристым,
блеском хрусталя,
морозным снегом,
павшим на поля,
леса, дома, чугунные ограды,
и солнцем — тоже.
И еще — весной.
Да, да, весной!
И первыми цветами...
А если не согласен кто со мной,
припомните —
и убедитесь сами.*

Узнаю войну

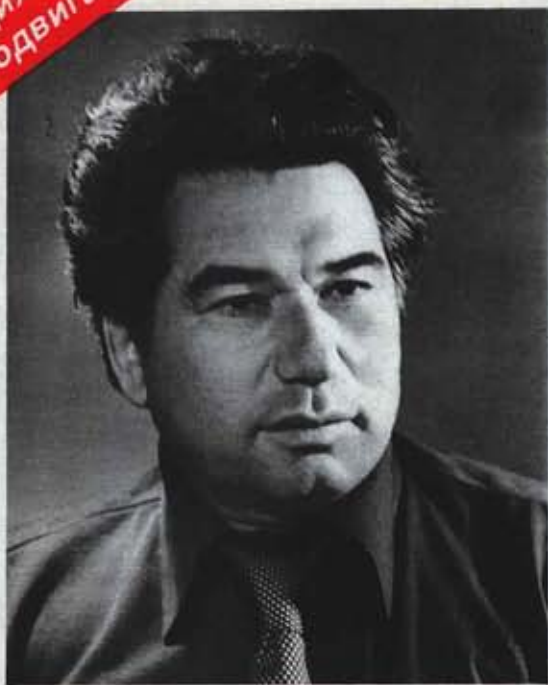
*Войну —
не по кино, не по парадом,
а ту войну
с бомбежками в ночи,
где тишина —
нечастая награда
и где бессильны лучшие врачи,
где смерть
нетороплива и мгновенна
(и хорошо, когда она — быстрой),
где мужество людей обыкновенно,
а ненависть
оружия острей.
Вот ту войну,
что смолкла в сорок пятом,
но до сих пор мне снится по ночам,
я узнаю
по костылям солдата,
по замершим в граните и базальте,
навекі распахнувшимся очам.*

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция.
«Эстафета Дружбы и подвига»

Чингиз АЙТМАТОВ:

«Тот день, когда я перестану беспокоиться и мучиться, искать и волноваться, будет самым тяжелым днем в моей жизни».

УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ ПАМЯТЬ

Несколько лет назад в предисловии к повести Мужтара Ауэзова «Лихая година» Чингиз Айтматов писал: «...даже задним числом мне было страшно представить, какой могла оказаться судьба кочевых казахов и киргизов, если бы не Октябрьская революция!

И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция, родившись в России, сокрушила имперский колониализм и тем самым спасла мои народы от физического и духовного прозябания, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю: считать началом дней наших — Октябрь!»

Несомненно, что этим всепроникающим и всеобъемлющим чувством, идеей, одухотворено и все творчество самого Ч. Айтматова, писателя, публициста, общественного деятеля, напряженно и страстно размышляющего над острейшими и сложнейшими проблемами современности — путях социального и духовного прогресса, гуманизма и интернационализма, войны и мира, в чем, по словам Айтматова, выражается природа и суть современного мышления человечества.

В мире ни на минуту не смолкает диалог мировоззрений. В искусстве он проявляется с не менее осязаемой остротой. Художник не может оставаться в этом случае бесстрастным. И произведения Айтматова, его герои — не безгласный предмет спора. Или, допустим, только повод для него. Отнюдь. Они по-своему принимают в нем живейшее участие. Последнее слово остается за ними.

Айтматова читают и перечитывают. О нем спорят. Мы спорим потому, что знаем: читатель будущих времен станет судить о нашем времени, о нас и по лучшим произведениям Чингиза Айтматова.

Не менее интересные суждения писателя о времени и о себе, в которых раскрываются сложные нравственно-философские искания человека XX столетия, его сокровенный духовный мир, его бескорыстная и самоотверженная любовь к жизни, к людям, неиссякаемая вера в то, что в борьбе за социальную справедливость и гуманизм человек обретет свое истинное достоинство, которое, по выражению Айтматова, есть ум, окрыленный свободой.

Итак, говорит писатель:

— Сегодня, как никогда, перед нами стоят острейшие социально-нравственные проблемы, в том числе и

такая страшная, как угроза существованию самого человечества: быть или не быть? Сможем ли мы, мыслящие люди, победить эту стихию, не дрогнуть перед охватывающим все существо ужасом, бездонным отчаянием, отнимающим душевные силы и веру, не отречься от будущего ради «последних мгновений», чтобы прожить их с истеричным, самозабвенным весельем самоубийц? Что можно противопоставить этой философии отчаяния или равнодушия, что зависит и что требуется от человечества, от каждого человека, чтобы остановить эту угрозу? От искусства, от литературы тут зависит очень много: тревожить, будить в человеке совесть, мужество, гуманизм, раскрывать перед ним весь мир, чтобы он не забыл, не смог и не смел забыть, что он — человек, что его духовное самочувствие — один из главных факторов достойной жизни на нашей планете. Что бы я ни писал, какие бы герои, образы, сюжеты ни возникали передо мной в процессе творчества, — все это продиктовано моей верой в торжество человеческого духа, разума, что человек обязан не просто устоять перед лицом мира даже в «последнюю минуту», но и, главное, обратить свою нравственно-духовную энергию в энергию активного добра, исторического оптимизма, мира, — тогда он победит.

В 1977 году в Софии состоялась международная встреча литераторов, проходившая под девизом: «Писатель и мир: дух Хельсинки и долг мастеров культуры», на которой прозвучало слово о мире и Чингиза Айтматова:

— Я далек... от мысли убеждать кого-либо здесь в необходимости бороться за мир на земле — это аксиома. Разве существует какая-то альтернатива этому? Надо ли сомневаться, что каждый из нас в полную меру своих возможностей делает и будет делать все ради сохранения жизни на земле? В наши дни конкретная форма этой борьбы заключается в воплощении — в поступках и устремлениях — решений, принятых в Хельсинки, за превращение разрядки международной напряженности в необратимый процесс. Нет альтернативы духу Хельсинки на сегодня. Коллективный разум человечества не изобрел пока ничего иного. Опять же возникает перед нами жесточайший выбор «или — или», ибо по сути своей это глубоко взаимосвя-

занные вещи — мир и человечность. Не в этом ли заключается одна из важнейших задач писателей — видеть жизнь через призму Хельсинки?!

Так утверждает писатель. Так думают и его герои. Они не произносят свои мысли вслух, но олицетворяют эту идею своим трудом, своим миропониманием, отношением к жизни и к человеку, тем, что на них «земля держится».

— То, чего не скажет Эдигей, должен был сказать я, писатель. У каждого свой долг.

...Зачем Эдигею война? Он мечтает вернуть «рай» в мертвые сарозекские степи, какими они были когда-то. Об этом поведал ему друг, русский геолог Елизаров. Что может быть интереснее, чем творить живой, прекрасный сад в песках? Уничтожить планету, вероятно, легче при нынешнем вооружении.

Но это не для Эдигея. Это не для нормальных людей. Я хочу, чтобы такие люди, как Эдигей, жили долго и, дождавшись внуков, а может, и правнуков, могли бы передать им красоту своей души.

Герой Чингиза Айтматова — тот, кто взял на себя ответственность за будущее, которое видится ему в торжестве взаимопонимания — единства всех людей.

— Я учу детей... Я преподаю историю от древнейших времен до сегодняшних и всеми силами стараюсь, чтобы история человечества была для них уроком жизни, а не просто — когда, какие войны совершались. Я стараюсь вложить в их сознание, в их души понимание того, как и какими образом, какой ценой исторической практики пришло человеческое общество к идее интернационального содружества народов, и что они именно — ученики мои, наследники великого опыта, единственного способа общежития, достойного свободных, равноправных людей.

Я не вкладывал свои слова в уста учителя Мамбета, одного из героев пьесы «Восхождение на Фудзияму». (Пьеса написана в соавторстве с казахским драматургом К. Мухамеджановым. — В. К.) Скорее наоборот. Вообще же так думает большинство людей. Но, я уверен, эту мысль должен был выразить историк. И обязательно — учитель. Это, собственно, его исповедь перед лицом будущего — детьми. Я завидую тем, у кого был и есть такой вот учитель.

Тема УЧИТЕЛЯ — одна из главных и дорогих тем для писателя.

— Я имею в виду не обязательно школьного учителя, но всякого человека, будь то чабан, землемет, кузнец, — люди, которые, не подозревая, что учат, тем не менее своим мастерством, преданной любовью к делу и просто достойным поведением преподают окружающим людям мудрые уроки жизни.

Кто был таким первым его учителем?

— Аильские старики. Обычно они испытывали мальчишек: «Ну-ка, батыр, скажи, из какого ты рода, кто отец твоего отца? А его отца? А его? А какой он был человек, чем занимался, что говорят люди о нем?» И если окажется, что мальчик не знает свою родословную, то нарекания дойдут до ушей его родителей. Что, мол, за отец без рода, без племени? Куда он смотрит, как может расти человек,

не зная своих предков, и т. п. Здесь есть свой смысл преемственности поколений и взаимной моральной ответственности в роду. Быть может, кто-нибудь обратил внимание: в повести «Белый пароход» я попытался сказать об этом устами мальчика — когда он разговаривает с приезжим шофером.

Это был урок памяти.

— То, что мой отец в первые годы революции оказался грамотным человеком (позже он еще дважды учился в Москве), то, что он стал одним из первых коммунистов-киргизов, был на руководящих постах, живо интересовался политикой и литературой, к тому же моя мать — Нагима Хамзеевна Айтматова — тоже была грамотной, вполне современной женщиной, позволило им сразу приобщить меня к русской культуре, русскому языку и, стало быть, к русской лите-

ратуре, — разумеется, детской литературе.

С другой стороны, бабушка, постоянно увозившая меня, внука своего, к себе в горы, на летние кочевки, женщина исключительно обаятельная и умная, всеми уважаемая в аиле, оказалась для меня кладом сказок, старинных песен, былей и небылиц...

Пожалуй, сама того не подозревая, бабушка привила мне любовь к родному языку. Родной язык! Сколько об этом сказано! А чудо родной речи необъяснимо. Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу познанием, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков...

В то же время должен сказать, по крайней мере исходя из собственного опыта, что в детстве человек может органически усвоить два параллельно пришедших к нему языка, а может быть, и больше, если эти языки были равнодействующими с первых лет.

Для меня русский язык не в меньшей степени родной, чем киргизский. Родной с детства. На всю жизнь.

Интересное наблюдение над своеобразием языка у Ч. Айтматова мы находим у С. Залыгина: «В «Белом пароходе» Чингиза Айтматова меня удивляет такая особенность: отдельно взятый абзац его повести то и дело звучит как сказка, однако же в целом — это вполне реалистическое произведение, написанное чистым и красивым русским языком».

Отвечая на вопрос, как шло его становление как писателя, Ч. Айтматов с особой благодарностью говорит об уроках русской классической и советской литературы:

— Эпиграфом ко всей дореволюционной русской литературе я поставил бы пронзительные, до боли сердечной щемящие слова Александра Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страдала от человечества уязвлена стала». С этих пор русская литература, смею думать, превратилась в дело гражданского подвига и, все более осознывая себя общественным поприщем борьбы за человека, взяла на себя роль поистине героической. «Одна, но — пламенная страсть» — неутолимая жажда свободы — стала ее пафосом, залогом, в конечном счете, ее непреходящей современности, ибо высокий, подчас

беспощадный реализм русской литературы явился прежде всего воплощением ее идеино зрелости, в частности, сохрощенной идеи дружбы и братства народов.

Не могу припомнить, когда впервые услышал имя Пушкина, но мне кажется, что Пушкин всегда был и всегда будет. Я не представляю себе культуру современного человечества без гения Пушкина...

Поэзия Пушкина — лучший пропагандист и глашатай русского языка. Кто полюбит Пушкина, тот не может не полюбить русский язык.

Возьмем краеугольный камень русского реализма — «Мертвые души». А что же — это ли не величественный мир символики, гиперболизма, фантазмагории, всеобъемлющий пожар поэтического воображения? Гоголь, чей реализм я назвал бы магическим, гипнотизирует читателя, понуждая его поверить в, казалось бы (да так и есть на самом деле), невероятное — в то, например, что «редкая птица долетит до середины Днепра» или в захватывающий дух сказочно-аллегорический образ «птицы-тройки»...

«Война и мир» — величайшая вершина в мире. К ней нужно готовить всю жизнь, как к восхождению.

Способность к состраданию Достоевский возводит до наивысшего мерила человечности, как первейшего качества души, свойственного только *homo sapiens*. И в сегодняшнем мире с его атомными бомбами, в мире, раздираемом расовыми проблемами и разгулом насилия, тревожный набат Достоевского гудит немолчно, взывая к человечности, гуманизму. В этом, мне думается, суть его вселенского сострадания. И в этом, пожалуй, его вечность и всевозрастающая популярность.

В моем представлении Шевченко и Днепр — два родных брата, две могучие стихии — гениальный поэт и великая украинская река. И чем дальше с годами, тем больше раскрывалось перед мысленным взором величие Тараса Шевченко — художника огромного таланта, революционного глашатая свободы и равенства людей, подлинного гуманиста и национального героя украинского народа.

Горький вошел в литературу с неугаанной душой о России, с ожиданием и жаждой коренных перемен в народных судьбах, с предчувствием революционной ломки в стране. И все, что было в России, со всеми ее взаимоиисключающими противоречиями, с ее цепями и свободолобивой мыслью, с ее униженностью и яростными порывами к новой жизни, с ее патриархальной смиренностью и неукротимым бунтарским духом — все это с болью, тревогой и надеждой он вобрал в свое большое сердце и исторгнул слово о России с такой эпической силой, с таким знанием жизни народа, с такой верой в его революционное предназначение, что увиденное и сказанное им явило новую страницу русской литературы, новое открытие в развитии художественной мысли XX века.

Творческий опыт Горького, традиции Горького стали основополагающими принципами советской литературы и искусства...

Горький явился отцом дружбы культур советских народов. Он — знамя нашего интернационального братства, идейного единства всех деятелей советской культуры.

Горький продолжается, Горький с нами.

Грозы революции и раскаты гигантских сражений Великой Отечественной войны, муки социальных преобразований и горькие плоды первых побед — все, что произошло над головой человека в XX веке, все, что он сумел и достиг, утверждая социализм, — все это нашло свое реалистическое, доподлинно художествен-

ное воплощение в творениях Михаила Шолохова.

Если взять всю литературу как единый мировой сказ о человеке, то представление о современной художественной культуре уже не может быть полноценным без творчества Шолохова. При его жизни, при нем, что случается чрезвычайно редко.

Дело в том, на мой взгляд, что в этом многоустном, многоязыком, давно зародившемся и нескончаемом сказе о человеке есть вещи, наиболее точно очерчивающие коренные проблемы и главную судьбу времени — человек и его эпоха, народы и эпоха, — это слово художников века. Шолохов принадлежит именно к этой породе художников.

— Нет нужды доказывать, что современная литература социалистического реализма не могла бы развиваться, не опираясь она на прогрессивные традиции мировой и в первую очередь русской классики XX века с ее мощно разработанным психологизмом, глубочайшим нравственно-философским анализом человеческой души, высотой гуманистических идеалов, эстетикой реализма.

— Но именно: развиваться!

Я говорю о реализме толстовского толка, реализме, способном слить воедино, в художественном образе изображаемого мира человека, общество, историю, будущее. Такой реализм — великая река человеческого познания и поэзии, которая несет нас в космический океан, в поразжающее воображение «незнаемое», в глубины человеческой души — бесконечной, как бесконечна вселенная.

В настоящей, подлинно реалистической литературе — будь то условно называемая «деревенская проза» Астафьева, Белова, Носова, Распутина, «военная» — Бондарева, Быкова, Богомолова, интеллектуальная — Катаева, Трифонова — стоит одна из важнейших нравственно-философских проблем — человек перед лицом мира... Герои этой прозы — люди страстного нравственного поиска, душевной красоты, постоянства, мужества, устремленности в завтрашний день.

И таких людей будущего писателям сегодня нет необходимости придумывать: они приходят из жизни.

Изображение страсти — неременное содержание и смысл искусства, считает писатель.

Помнится, как озадачило и даже шокировало некоторых из критиков такое выражение чувства Алтынай, героини «Первого учителя»: «Встаньте, несчастные, из могил, встаньте, призраки поруганных, лишенных человеческого достоинства женщин! Встаньте, мученицы, пусть содрогнется мрак тех времен! Это говорю я, последняя из вас, перешагнувшая эту судьбу!»

Действительно, накал чувства Алтынай, на рационально-прагматический взгляд, может показаться неправдоподобным, чрезмерным. Кто в силах вынести его, слившего в себе воедино испепеляющую ненависть, сострадание, проклятие и клятву?

— Его нельзя представить и понять вне Истории, вне Революции. Алтынай — сон и явь революции в киргизской степи.

Если понимать так, как в то же время писал другой критик, все становится объяснимо.

— А как же можно понимать иначе? — говорит Айтматов. — Искусство — это прежде всего революция души. Чувство освобождения, которое испытывает человек, — самое великое и прекрасное чувство, ибо оно рождено в результате борьбы всего человечества за высшие идеалы. В этом его историчность. Ее можно стало быть, выразить в слове, которое вбирает в себя судьбы мира. И, конечно, говорить о слове — значит говорить о том, что

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1328) СЕНТЯБРЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: Участники народного ансамбля песни и пляски «СИБЕРКО» Архангельского областного управления профессионально-технического образования, лауреаты премии Ленинского комсомола Татьяна ЛОГИНОВА и Сергей АБРАМОВ.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

- 1** «ЖИЗНЬ И МИР». Лирический репортаж в стихах и фотографиях Владимира КАЛИНИЧЕНКО.
- 2** 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: «ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА». Чингиз АЙМАТОВ. «ПАМЯТЬ, УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ».
- 4** Рассказ Отара ДЕМЕТРАШВИЛИ «ГУГУЛИ».
- 6** «ПЕРЕД ЛИЦОМ СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ...» ПОДВИГУ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ — 40 лет.
- 7** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ». Давид ТУХМАНОВ. «НЕ СКОРО ПЕСНЯ ЛАДИТСЯ».
- 9** НАДО ОБСУДИТЬ. Михаил ПЕТРОВ. «ПРЕДИСЛОВИЕ К БЕДЕ».
- 11** УЧАСТНИКИ МАРША МИРА-82 НА УЛИЦАХ МОСКВЫ. «ЗАЩИТИТЬ ПЛАНЕТУ!»
- 12** «КАРТОШКА». Фотоочерк Юрия ГРИНЬКО и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 18** «СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ». Обзор зарубежной печати.
- 20** «ТАМ, ГДЕ ШУМЕЛА АГОРА». Фотоочерк Людмилы КОХАНОВОЙ и Валентина ГУКОВА.
- 22** ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ». «ИСТИННОЕ И МНИМОЕ».
- 24** Винфрид ЛЕШБУРГ. ПОХИЩЕНИЕ «МОНЫ ЛИЗЫ».
- 28** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ. «ТРУДНЫЕ СТРАНСТВИЯ ОТ РОЛИ К РОЛИ».
- 30** Рассказ австралийского писателя Банумбира УОНГАРА «ТРЭКЕР».
- 31** Стихи Владимира БУТА.
- 32** КОНКУРС «НАША РОДИНА». «ЛЕТОПИСЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

удержала в себе память человечества, память искусства.

— В таком случае «память» неизбежно будет обозначать и «совесть»?

— Вне всякого сомнения. Память — это значит и мужество остаться наедине с собственной совестью, не заглушая ее голоса, не пытаясь уйти от ответа на ее настоячивые и нередко беспощадные вопросы...

Человек, у которого нет или который добровольно отказался (последнего я стремился показать в образе Сабитжана в романе «И дольше века длится день») от памяти, от истории, от, в конечном счете, духовной биографии, запечатленной в образах великого искусства — древних мифов, легенд, классики, — обречен на духовную нищету; он не готов к восприятию сложнейшей современной жизни.

Сегодняшний реализм, по мнению писателя, как раз одухотворен стремлением вернуть человеку историю, цельность мироощущения, развернуть перед ним необозримые духовные горизонты.

— Могли бы вы, Чингиз Торекулович, сформулировать свой нравственный принцип, определивший вашу жизненную и творческую биографию?

— Может быть, он заключается в том, что я инстинктивно избегал праздных и беззаботных людей, к тому же говорящих громко, широко-вещательно.

Судьбу надо, думает Айтматов, строить своими руками. А писатель ты или нет — это в данном случае не имеет никакого значения.

— Что же касается писателя, особенно молодого, худо, если он насилует свою биографию, пытается выжать из нее свое творчество или искусственно строит свою биографию. Я имею в виду некоторые книги, написанные молодыми литераторами, становящимися на время строителями, шоферами, официантами и т. д.

Это прекрасно, когда молодой писатель едет на БАМ или КамАЗ. Но — по зову сердца! А не за «темой». Если у него нет внутренней темы, того, что, говоря словами Твардовского, он «знает лучше всех на свете», ехать вообще куда не следует: он просто-напросто не писатель. Она из бед нашей молодой прозы — журнализм, некий отчет на заданную тему: «Как я провел лето... в колхозе, на стройке». Это школярство, иллюзия творчества, сказать резче — профанация, чреватая оплошанием нередко дорогих для нас понятий, таких, например, как трудовая героизм.

Как всегда, от разговора о литературе писатель переходит к разговору о жизни.

— Достоинство всякого человека проявляется и в том, что он должен быть самим собой, не подражать чьему-либо образу жизни, поведению, привычкам. Копия, как правило, карикатура на оригинал.

Ведь кто такой эпигон в принципе? Человек без собственной судьбы. Хуже: человек, взявший чужую судьбу напрокат. Когда, как не в юности, вступить в поединок за право на судьбу? Юноша мужает в борьбе, в том числе и с самим собой.

Выбор — это и отказ от чего-то в личном поведении, что, может быть, искушает, соблазняет человека. Например, тяга к сомнительным удовольствиям.

— Что вы запретили себе?

— Зависть. В чем бы она ни выражалась. Особенно к удаче собрата по перу. Кстати, о даре восприимчивости искусством замечательно говорил ныне покойный критик Гурам Асатиани. Увы, как нередко нам этого не хватает. Тем самым мы обедняем самих себя.

Но, добавляет писатель, зависть может проявляться и в других сфе-

рах жизни. Ее необходимо запретить себе как постыдную черту характера, ибо она — производное многих, если не всех, отвратительных, по его выражению, черт.

Об этом, настаивает Айтматов, нужно подумать вовремя. Именно в юности. От этого зависит и вся дальнейшая судьба человека.

— Не случайно о волшебстве рождения и развития истинно прекрасных отношений говорил Бернард Шоу. К этому не грех прислушаться и взять себе за правило.

Каким он представляет своего читателя?

— Предполагаю, что среди моих читателей большинство молодых людей. Почему я так думаю? Подросток или даже юноша — тот, кто искренне (но вовсе не простоудушно) верит в идеальное, что может восприниматься как «сказочное»: любовь, дружбу, чистоту и благородство человеческих отношений. И он абсолютно прав.

Какой герой, по его мнению, наиболее интересен читателю — и «взрослому» и «юному»?

— Который преодолевает себя. Испытывает себя, почувствовать свои внутренние силы — без этого невозможно полноценная жизнь. А что значит жить полноценно? Пережить те необыкновенные ощущения и впечатления, которые составляют сокровенную сущность духовной жизни XX века. Принципиально важно здесь то, что эти ощущения и чувства — не привилегия некоей интеллектуальной элиты, взявшей на себя «заботу» по сохранению духовно-нравственных основ жизни и по этой причине требующей себе как-то особых преимуществ. Нет, суть в ином. Революция высвободила колоссальную творческую энергию масс, создала необходимые предпосылки для всестороннего развития человека. Достоинство, которое олицетворяют люди труда, — это достоинство земных тружеников — творцов, тех, кто мечтает о социальной справедливости и о счастье для всех.

Страстность этой мечты, ставшей смыслом жизни, делает обыкновенного человека равным тому, кто открывает звезды. Разве не ощущает сегодняшнее поколение людей «звездной тоски»? И, мне кажется, неудовлетворенность, которую мы подчас чувствуем, не умея объяснить ее причин, происходит в значительной мере оттого, что человек оказывается как бы замкнут в самом себе, в кругу личных интересов и забот, что в конечном счете является выражением социального эгоизма.

Вот почему я лично больше всего ценю в герое и в человеке чувство достоинства и стремление к внутренней свободе.

Не «встречался» ли Чингиз Айтматов со своими героями в жизни уже после выхода той или иной книги?

— Дело, пожалуй, в другом. Я стал глядеть на людей глазами моих героев, стараясь угадать в них черты, свойства, мысли, которые мне были особенно дороги, когда я пытался дать жизнь литературным образам. И когда такое случается, я, естественно, искренне рад.

Чувство семьи единой, возникшее благодаря Октябрю, нужно беречь и укреплять, честно относиться друг к другу (что касается литераторов), не обмануть ожидания читателя, ждущего от тебя правдивого рассказа о «времени и о себе», а стало быть, прежде всего о нем, твоём современнике, озаряя его жизнь «внутренним солнцем», чем, по выражению Тихонова, является мировоззрение писателя, помогая человеку жить и бороться, чтобы все мы могли оправдать свое величайшее призвание перед будущими — быть людьми, во имя чего и свершилась Октябрьская революция.

Публикации и комментарии
Владимира КОРКИНА.

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

ГУГУЛИ

Отар ДЕМЕТРАШВИЛИ

РАССКАЗ

Гугули был нашим кумиром. Мы, четверо пацанов, смотрели на мир его глазами.

Верили, что Земля действительно круглая только потому, что так нам сказал Гугули, верили, что лучший футболист в мире — Рикардо Замора, а самый плохой сосед — дядя Аршалус. Тот самый близорукий и рябой дядя Аршалус, который застал Гугули курящим в саду и наябедничал его маме.

Соберет, бывало, Гугули нас, четверых двоюродных братьев, оглядит с ног до головы, повернет и поставит в ряд по возрасту: Бичико, меня, Нодари, Гиви.

Затем подойдет к нам, замеревшим у стены, и начнет сыпать вопросами: то из таблицы умножения, то на сложение и вычитание, то еще из теории относительности Эйнштейна, и, дай бог памяти, по-моему, доходил до гелиоцентрической системы Птолемея. «Перестань мучить детей!» — сердилась тетья и, всучив сыну потрепанный учебник, говорила: «Почитай лучше, может, хоть что-нибудь останется в твоей bestолковой голове!»

Как бы не так!

Гугули прятал учебник за спину и скалил зубы. Потом шурил глаз и начинал сыпать такими головоломными вопросами из философии Канта и, кажется, Фейербаха, что по коже мурашки начинали бегать.

На свои бессвязные вопросы Гугули никогда не требовал правильных ответов. Главное было не растеряться и как можно быстрее, бойко ответить.

Эти ответы, по словам Гугули, постепенно развивали в нас способности к независимому мышлению, обогащали нашу лексику, приучали к риторике, приобидали к дадаизму и еще ко всякой чертовщине.

Победителю в ответах на вопросы Гугули торжественно вручал выпеченный тетей пирог, а тому из нас, кто занимал последнее место, доставались щелчки в лоб. Количество их устанавливал Гугули. Чем более bestолковым, коротким и запоздалым был ответ, тем больше щелчков попадало проигравшему.

Гиви от щелчков был освобожден. А больше всех, чего скрывать, доставалось по огромной стриженной голове старшему из нас — Бичико.

— Сопляк, — сказал однажды Гугули взбунтовавшемуся Бичико, который опротестовал количество щелчков, — ты же видишь, что пирога не много. Гиви мал. У Нодари нет отца. У Отари мать в больнице. Пусть они поедят. У тебя и отец есть и мама, пусть они тебе и испекут.

Ну, что я тогда понимал?! Сейчас, когда я смотрю на фотографию Гугули, в полубезыбытых воспоминаниях все четче вырисовываются его статная фигура и ясное лицо. Перед глазами появляется его добрая улыбка. Не думайте, что хвастаю своим близким. Клянусь всем самым святым, у нас, четырех пацанов, был такой двоюродный брат, который мог собой украсить затененный кленами

проспект Руставели! Понятней и ближе мне становится великая, глубокая печаль Теи.

Гугули был уже в восьмом классе, а все еще держал вместе с нами палочку-выручалочку. В девятом прыгал цалики-малики. Когда перешел в десятый, играл с нами в войну и боролся, устраивал нам соревнования на вопросы и ответы и щелкал по лбу...

Эх!

Хорошим был парнем Гугули, хорошим!

Однажды, дождливым вечером, из четверых двоюродных братьев Гугули почему-то выбрал именно меня, позвал в комнату и закрыл двери.

— Кто я такой? — спросил он.

— Гугули.

Я тут же получил щелчок в лоб.

— Кто я такой? — повторил вопрос Гугули и прищурил глаза.

— Великий повелитель.

— Правильно.— Гугули опустил руку, которой снова приготовился меня щелкнуть, и вытянул из кармана сложенный вдвое конверт.— Это письмо ты должен отнести в десятый второй класс. Понял?

— Понял.

Гугули пристально посмотрел мне в глаза.

— Знаешь, где находится десятый второй класс?

Как было не знать! Наша школа была трехэтажной. Я и Нодари были во втором классе и учились на первом этаже; четвероклассник Вичико учился на втором этаже; десятый первый, где учился Гугули, и десятый второй находились рядом на третьем этаже в конце коридора.

— Спросишь Тею.

— Кого?

— Тею. Такая, среднего роста, смуглая девушка. Понял?

— Понял.

— Ничего ты не понял.

Гугули усадил меня рядом с собой. Долго объяснял, рассказывал, втолковывал и, наконец, закончил свои наставления такими словами:

— Запомни если с кем-нибудь хоть одним словом заикнешься об этом, то получишь по бестолковой голове пять тысяч пятьсот пятьдесят пять щелчков! Кто я такой?

— Великий повелитель.

Я перепрятал письмо к себе в портфель и собирался выйти из комнаты, но Гугули остановил меня.

— Если Тея спросит, почему я не пришел в школу, скажи...— Гугули задумался.— Скажи, мол, из-за тебя не пришел! Понял? Ну, а если понял, то повтори-ка все без запиночки.

Я повторил, да настолько хорошо, толково и без запиночки, что Гугули всего один раз меня и щелкнул по лбу.

— Молодец.— сказал довольный Гугули и сунул мне в карман мелочь.— Поешь булок.

С того самого дня я стал почтальоном. Тайным, глухим, слепым и немым почтальоном.

Поссорятся, бывало, Гугули и Тея, возникнут между ними какие-то разногласия, и начинал я бегать трусцой туда и обратно, обратно и туда с тщательно спрятанными в портфеле письмами.

Тею я видел еще раньше. Мы с Нодари еще учились в первом классе, когда однажды на большой перемене в школьном буфете увидели Гугули со смуглой девушкой среднего роста.

Они стояли и пили лимонад. Пили и смеялись. Шептались и смеялись. Все смеялись и смеялись.

Тея была немного странной девушкой. Могла неожиданно грустить. Мрачнела, уединялась на балконе и, думая о чем-то своем, смотрела во двор. Потом вдруг просветлеет. Тряхнет головой, поправит упавшие на лоб волосы. Улыбнется, и вскоре на всех трех этажах нашей школы уже раздастся ее заразительный звонкий и приятный смех.

Учебный год уже кончался, когда Тея сшила себе голубое платье в белый горошек.

Оно ей очень шло. Она и сама догадывалась об этом. Догадывалась, и глаза ее постоянно искали Гугули. Позовут ребята Гугули, отведут в сторону, заведут беседу. Тея уже ищет его глазами. Спустился Гугули во двор, станет играть в мяч. Тея не отводит от него глаз. Тея и тогда была одета в голубое платье в белый горошек, когда мы провожали Гугули.

Близился полдень. Потеплело.

Маленький Тбилисский вокзал постепенно наполнялся людьми.

Около стоявшего в тупике поезда толпились провожающие.

Шум, гам и неразбериха, беготня; только что остриженные парни без конца обнимались; тут и там слышались нескончаемые наставления.

Гугули стоял, окруженный родными, время от времени снимал кепку, гладил свою бритую голову, щелкал каблукми и, присоветившись, отдавал честь по-кавалерийски.

— Вы только посмотрите на него! — с печальной улыбкой говорила тетя, глядя на сына.— Окончил среднюю школу, в армию идет, а в голове все еще одни только науки носятся.

Отец Гугули, бывший офицер русской царской армии, дядя Васо, с трудом сдерживал улыбку, хмурил брови и назидательно говорил сыну:

— Перестань дурачиться. Ты уже не ребенок. Знаешь ведь, какая сейчас напряженная обстановка в мире.

Как бы не так!

— Когда Гитлер узнает, что меня призвали в армию, он не посмеет начать войну,— засмеялся Гугули и кивком головы подозвал нас, четверых двоюродных братьев.— Можете пощелкать меня по бритой голове, и будем квиты.

Дежурный в красной фуражке три раза ударил в танционный колокол. Началась суматоха. Снова перемешались объятия и наставления, в окна вагонов бесконечно передавали свертки, не прекращалась беготня.

Когда Гугули уже расцеловал всех родных и поднимался в вагон, то на секунду задержался, бросил взгляд в сторону лимонадной будки и кому-то радостно улыбнулся.

Я, только я знал, кому так радостно улыбался Гугули. Я, и только я знал, какие мысли, какую грусть увозил с собой Великий повелитель.

Поезд тронулся. Сначала он шел медленно. Потом все быстрее и быстрее. Вот-вот должен был скрыться из вида предпоследний вагон, когда я поднялся на носки и, вытянув шею, как утенок, еще раз увидел Гугули.

Он стоял в открытых дверях. Махал нам рукой. Я напряг зрение, и мне показалось, будто бы в самую последнюю секунду Гугули поднес руку к губам и послал в сторону лимонадной будки свой последний поцелуй.

Начал накрапывать дождь.

Люди, собравшиеся на перроне, постепенно расходились.

— Пойдемте,— задумчиво произнес дядя Васо и бросил в урну потухший в руках окурочек.— Ребята через несколько дней уже будут в Бресте.

Тея все еще стояла у лимонадной будки. Уткнув слегка растрепанную от ветерка голову в плечо какой-то девушки и обняв ее обеими руками, она горестно всхлипывала.

Когда мы поравнялись с будкой, я нашел какую-то причину, чтобы отстать и остановиться.

— Не плачь,— услышал я глухой голос Теиной подруги,— три года пролетят так быстро, что ты даже не заметишь. Вернется он, и будешь ты счастливой...

Гугули погиб в первый же день войны.

Страшное, непоправимое несчастье неожиданно потрясло до сих пор счастливую и дружную семью тети.

Мы сидели. Сидели и молчали. На стене висела увеличенная фотография Гугули. В вазе с высоким горлом стояли гвоздики. На краю длинного стола лежал сложенный пополам лист бумаги. Вот в этой проклятой, безжалостной черной бумаге ясно было написано, что Гугули погиб на западных подступах к Бресту.

— Мальчики, наверно, еще спали, когда с рассветом на них посыпались бомбы,— горько вздохнула занятая своими мыслями тетя Маро.

— Нет,— дядя Васо поднял глаза на фотографию Гугули и встал.— неожиданность исключается! От передовых пограничных частей наверняка уже был получен сигнал тревоги.

Дядя Васо подошел к вазе с высоким горлом. Поправил распутившиеся гвоздики и, не поворачиваясь, пробурчал:

— Ребята, наверно, и одеться толком не успели, когда вступили в бой с самолетами.

Дядя Васо был прав.

Наш Гугули ни в коем случае не мог принять смерть, лежа в постели.

Нет, нет и нет!

Гугули, конечно же, первым вскочил с постели. Первым бросился к зенитному пулемету. Первым сбил самолет со свастики.

По-другому быть не могло!

Нет, нет и нет!

Тетя не плакала. Сидела одеревеневшая. Уставилась потускневшими глазами в одну какую-то точку и молчала. Молчала и таяла от горя.

Эх!

Все так и было, ни слова вымысла!

Время брало свое. День увязался за днем, месяц последовал за месяцем. Как бусы в ожерелье, проследовали один за другим и ушли года.

Все сидела и сидела у увеличенной фотографии сына убитая горем тетя. Сидела и нещадно била себя в грудь, от горечи сильно шипала себя за посиневшее бедро.

Сидела и молчала. Молчала и таяла от горя. Таяла и постепенно кончалась.

После гибели Гугули я всего несколько раз видел Тею. Она всегда была одна. Шла спокойно, поправляя падающие на лоб волосы и слегка потрясая плечами.

При виде Теи меня охватывало какое-то странное чувство, которое не передать словами. Меня радовало ее одиночество, приятно было смотреть на ее нахмуренное лицо, в карие глаза, в которых застыли большое горе и непреходящая печаль.

В последний раз я видел Тею за несколько часов до того, как сестра за этот рассказ.

Стояла осень.

Тбилисская теплая и золотая осень.

Смеркалось.

Проспект Руставели был переполнен людьми.

Перед Дворцом пионеров, у наполовину оборванных виноградных лоз, по спокойной походке, манере поправлять падающие на лоб волосы и привычному легкому потрясыванию плеч я еще издали узнал Тею.

Тея!

Не среднего роста, смуглая, а чуть ниже среднего роста Тея. Повседневная Тея. Не то чтобы красивая, но с остатками красоты ушедших дней Тея.

Она была опять одна.

Шла спокойно. Шла с потухшими глазами, поседевшими волосами, морщинистым лицом. Шла, олицетворяя собой незабвенную память о Гугули.

Эх!

Что стало с Теей?!

С рожденной для любви, для радости и семьи Теей! С изящной и смешливой, жизнерадостной, красивой Теей!

Говорят, что мужчинам трудно плакать. Неправда! Горе и печаль, боль души и подступившая к горлу горечь не только мужчину, но и камень, оказывается, заставят заплакать!

Сидел я и плакал. Смотрел на фотографию, и слезы душили меня. Плакал и не сразу понял, что вместе с Гугули я оплакиваю и Тею.

Оплакиваю безвременно погасшую жизнь Гугули и пролетевшую в любви и печали юность седой Теи, которая так и не смогла забыть любимого!

Эх!

Могла ведь, ну скажите, могла ведь пуля, убившая Гугули, пролететь немного в стороне.

Э-эх!

Впрочем, пуля, выпущенная, чтобы сеять смерть, все равно сделала бы свое дело. Ходила бы, ходила, пока не нашла чью-то грудь. Тот, чью грудь она нашла, был бы другим Гугули. У того, другого Гугули, была бы своя Тея. И у них обоих были бы свои переживания, мысли, чувства и своя любовь...

Нет.

Пуля, сразившая Гугули, не должна была быть выпущена вообще!

Не должно было быть этого выстрела и тогда...

Великий повелитель любил осень.

Сейчас стоит осень.

Наша по-южному золотистая осень.

Высокий, широкий в плечах Гугули шагает по проспекту Руставели.

Идет и шутит. Радостно и заразительно смеется его шуткам Тея.

Они прогуливаются. Безмолвно смотрят друг на друга и смеются. Шепчутся и смеются. Радостно им, вот и смеются.

Смеются и смотрят на идущих впереди парня и девушку. Эти парень и девушка — потомки Гугули и Теи, их наследники, их преемники.

Наклонится Гугули, обхватит за талию и шепнет что-то на ухо счастливой Тее.

И они смеются. Смеются и идут. Идут и...

Эх!

Перевел с грузинского
Элгуджи ГАГИШВИЛИ.

Память... Пронесются годы, но она сохраняет главное, чем отмечен героический пример молодых патриотов. Она связывает прошлое с настоящим, и люди благодарны этой связи. Она не просто несет сигналы из былого. Она помогает нам жить — воодушевляет в трудную минуту, делает умнее, сильнее, целеустремленнее.

Проходит время, но есть события, навсегда остающиеся в памяти. Разве забудется когда-нибудь утро 22 июня 1941 года! Сколько испытаний выпало на долю нашего народа! Какие образцы мужества и героизма показал на священной войне советский человек! Все как один встали на защиту Отчизны. Мужчины и женщины, коммунисты и комсомольцы...

20 июля 1942 года маленький украинский городок Краснодон был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Но население не смирилось с новым порядком. Молодежь города решила действовать. И уже в начале сентября

на квартире Олега Кошерева состоялось первое собрание юных подпольщиков, многие из которых еще недавно были школьниками. По предложению Сергея Тюленина организацию назвали «Молодая гвардия».

Простая была цель у организации: рассказывать краснодонцам правду о положении на фронте.

«Братья и сестры! Верьте, Красная Армия придет! Боритесь против немца, не работайте на оккупантов, не давайте ему хлеба и угля, не уезжайте в Германию, там ожидают вас тяжкий труд и голод!» В этих строчках молодогвардейской листовки был не просто призыв сопротивляться оккупантам, в них звучала уверенность в скорой победе над врагом. За шесть месяцев «Молодая гвардия» только в одном Краснодоне выпустила множество листовок самого различного содержания. Достоинство отметили подпольщики XXV годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Молодогвардейцы собрали

и вручили деньги и подарки семьям командиров и бойцов Красной Армии, а в день праздника над зданиями школы имени Ворошилова, бывшего райпотребсоюза, шахты 1-бис, больницы развевались красные флаги. Их водрузили ночью юные подпольщики...

Бесстрашно боролись с захватчиками комсомольцы, и, не дрогнув, встретили они смерть.

Исполнилось 40 лет подвигу молодогвардейцев. Что дало им силы? Откуда в этих вчерашних мальчишках и девчонках исполинская мощь духа? Ответы на вопросы лежат в их жизни. Они родились в первое десятилетие после Октября 1917 года. Отгремела революционная буря, отгрохотала гражданская война. Началось строительство новой жизни. Это были замечательные годы. Магнитка, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, покорение Северного полюса... Энтузиазм труда, дерзаний. Разве мог он не захватить умы и сердца юных граждан?! С нетерпением ждали они,

когда смогут и сами стать первопроходцами. Однако их надежды перечеркнула война. Но юные не смирились с судьбой. «Лучше принять смерть, чем жить под игмом ненавистного врага» — так решили они.

«Самые, казалось бы, несоединимые черты — мечтательность и действительность, полет фантазии и практицизм, любовь к добру и беспощадность, широта души и трезвый расчет, страстная любовь к радостям земным и самоограничение — эти, казалось бы, несоединимые черты вместе создали неповторимый облик этого поколения», — писал Александр Фадеев. Молодогвардейцы шагнули в подвиг. Они всегда будут служить своим потомкам примером беззаветной любви к Родине, примером мужества и героизма.

Георгий БЕРЕГОВОЙ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза

“ПЕРЕД ЛИЦОМ СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ...”

ПОДВИГУ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ — 40 ЛЕТ

Олег КОШЕВОЙ:

*Грустен и печален
Парк наш дорогой,
Осквернен немецкой
Подлою ногой.*

Так комиссар «Молодой гвардии» писал в дни фашистской оккупации Краснодона. А вот что вспоминает комиссар 18-й армии В. Д. Говорущенко:

«Находясь в рядах действующей Красной Армии, я жил в период с 20 ноября 1941 года по 16 июля 1942 года на квартире у Кошевых. Мы быстро подружился с Олегом. Это был боевой, откровенный и принципиальный юноша. Он сильно привязался ко мне как к военному человеку, каждый день ожидал моего возвращения из штаба. С большим вниманием слушал мои рассказы о поездках на передовую линию фронта. Мы подолгу беседовали с ним на разные военные темы... Включая радиоприемник, он записывал сводки о положении на фронтах Отечественной войны, готовил листовки-«молнии» и утром относил их в школу, так как был редактором стенной газеты.

Он просил меня подготовить статью на военную тему для школьной газеты. К Олегу на квартиру приходили его школьные товарищи, и мы вместе беседовали. Приходилось и мне, по просьбе Олега, бывать в школе».

Ульяна ГРОМОВА:

(Из записной книжки)

«Как бы человек ни страдал, какие бы ни терпел испытания, но если он услышит одно приветливое слово, слово искреннего участия от далекого неизменного друга, он забывает гнетущее его горе, хоть ненадолго, хоть на час, на минуту. Он совершенно счастлив, а минута полного счастья, говорят, заменяет бесконечные годы самых тяжелых испытаний».

ШЕВЧЕНКО

«Что может противостоять твердой воле человека?

Воля заключает в себе всю душу, хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить, одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созиданию или разрушению чего-нибудь, творческая власть, которая из ничего создает чудеса!»

ЛЕРМОНТОВ

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь!»

МАЯКОВСКИЙ

Сергей ТЮЛЕНИН:

(Из воспоминаний
Надежды Тюлениной о брате)

«Нет, с этим мириться нельзя. Разве вы не видите, что делают эти варвары на улице? Заходят в квартиры, забирают все, что им понравится, заставляют женщин носить воду для их лошадей и уже успели развесить гнусные приказы. Только, я думаю, их приказы никто не будет выполнять. Нужно срывать их, а этих гадов уничтожать беспощадно».

Любовь ШЕВЦОВА:

(Из воспоминаний
разведчиц М. Поповой, С. Заболоцкой,
А. Пикаловой,
находившихся вместе
с Л. Шевцовой
в камерах
ровеньковского гестапо)

«Передайте всем, что я люблю жизнь... Впереди у советской молодежи еще не одна весна и не одна золотая осень. Будет еще чистое мирное голубое небо и светлая лунная ночь, будет очень, очень хорошо на нашей дорогой и близкой всем нам Советской Родине!»

Иван ЗЕМНУХОВ:

Нет, нам не скучно и не грустно,
Нас не тревожит жизни путь,
Измен неизвестные чувства,
Нет, не волнуют нашу грудь.

Бегут мятежной чередой
Счастливого юности лета,
Мечты игривою толпой
Собой заполнили сердца.

Нам чуждо к жизни отвращенье,
Чужда холодная тоска,
Бесплотной юности сомненья
И внутренняя пустота.

Нас радости прельщают мира.
И без боязни мы вперед
Взор устремляем, где вершина
Коммуны будущей цветет.

Давид ТУХМАНОВ

Кто сейчас не знает песни «День Победы»? Однако не всем известна история ее создания.

— Мы написали эту песню в семьдесят пятом году. Страна готовилась отметить тридцать лет Победы, и была потребность что-то сделать к этой большой дате. Запомнилась совершенно необычная атмосфера приподнятости. На производстве молодежь работала, взяв девизом для себя песенную строку «За себя и за того парня».

Позвонил мне как-то вечером в феврале поэт Владимир Харитонов, фронтовик, и прочитал в общем-то еще наброски стихов. Мы их с ним пообсуждали немного, но я сразу почувствовал, что цепляют за живое, есть в них нерв. И строка есть, на которую можно опереться: «Этот день мы приближали, как могли». Мы потом ее рефреном всей песни сделали.

Сел к роялю, основа песни сложилась очень быстро. И дело тут не только в озарении. Я ведь очень много думал, прикидывал, какой должна быть песня ко Дню Победы.

А должна она была, по-моему, в чем-то перекликаться с мелодиями военных лет, традиционной оркестровой музыкой, звучавшей на вокзалах во время проводов бойцов на фронт. У меня с тем временем как-то ассоциируются старинные русские военные марши. Вообще, по-моему, это уникальное явление в музыке. Вы послушайте марши западноевропейских стран — там сплошная медь и бравурность, мажор. А русские марши — тот же «Прощание славянки» или «Тоска по родине»? Какой необычный, чуждый отзвук, какая внутренняя грусть при сохранении всех формальных маршевых признаков.

И хотелось, чтобы песня будила воспоминания о прощальных перронах военных лет, чтобы радость Победы не заглушала горечь великих утрат. Сейчас уже можно сказать, что в какой-то степени это нам удалось.

А Владимир Харитонов недавно умер, в сущности, совсем не старым еще человеком. Я рад, что знал его, что много сделали вместе, что была у нас главная песня...

Только не думайте, что судьба у «Дня Победы» уж очень простая — так только со стороны кажется: написали, мол, песню, и народ подхватил, запел.

Впервые исполнил «День Победы» Леонид Сметанников в первом айском «Огоньке» семьдесят пятого года. Потом почему-то песня не звучала. А спустя полгода Лев Лещенко поет ее на концерте в честь Дня милиции в сопровождении оркестра Силантьева, в той же моей аранжировке — и зал словно взорвался. Я хорошо помню то исполнение — это ведь была прямая телетрансляция. Видно было, как Лева взволновался от реакции зала на первые такты песни. Чувствовалось, что возник контакт со зрителями. Так Лещенко и закрепил негласно эту песню за собой.

Страна наша огромна, и примерно год прошел, прежде чем «День Победы» запели повсюду.

А я для себя еще один вывод сделал: хочешь внести свой вклад в какое-то событие — думай об этом заранее. Песню «Олимпиада-80», например, мы с Рождественским написали еще летом 79-го, и как раз к Олимпиаде она и стала популярной.

Тухманов говорит негромко, тщательно взвешивая слова. Всегда корректен и вежлив, но вежливость эта, эта внешняя уравновешенность часто служат ему как бы защитой от посторонних, назойливых взглядов и бестактных вопросов, от повышенного, часто бесцеремонного внимания, которое неизбежно привлекает популярная личность. Один только раз за время знакомства пришлось мне увидеть его нервным, раздраженным. Это когда в конце длительного спора о современной эстраде я неудачно попытался «козырнуть» его же недавним шлягером.

Тухманов искренне расстроился. «Зачем, зачем написал я эту песню?..» — растерянно спросил он самого себя, вряд ли надеясь на точный ответ.

Вокруг музыки Тухманова споры практически не утихают. Мир композиторов популярной музыки отнюдь не напоминает тихую обитель — каждый тут имеет свою, особую точку зрения.

А начинал же Тухманов вовсе не с эстрады. — Музыке меня начали учить с самого раннего возраста — уже годам к четырем обнаружился абсолютный слух и определенные способности. Отец мой работал инженером, сам музицировал и пел, подумывал даже о профессиональной карьере, но как-то не сложилось.

А мама, педагог-музыкант, преподавала в детских коллективах, немного сочиняла. Мне кажется, что всем в жизни я обязан ей, все, что могла, она для меня сделала.

Учился я в школе при Гнесинском институте, затем уже поступил в институт по классу композиции. Учился у Витачева и Чугаева. Думаю, что научиться композиторскому делу нельзя. Возможно лишь развить природный дар, и в этом смысле классическое образование дает многое: овладеваешь техникой, приемами, набираешь в конечном счете базу, потенциал, который потом используется всю жизнь.

В институте буквально заболел классической русской музыкой — Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Мясковский. И сам поначалу хотел работать в области симфонической музыки, но постепенно начал замечать, что лучше удается музыка вокальная. Сказалась конкретность композиторского мышления — слово позволяло оттолкнуться, создать более определенный образ. Может быть, в этом одна из причин, почему практически не пишу инструментальной эстрадной музыки.

Надо сказать, что всегда как бы параллельно с классикой интересовался джазом, но вплотную заняться им не представилось возможности.

Песни начал писать почти случайно, долгое время воспринимал их как дело побочное.

А потом как-то увлекся, хотелось проверить свои возможности в различных песенных жанрах, в разных стилистиках. В сущности, в законах песенного творчества разбирался тогда мало — по молодости дело казалось несложным.

Как же я тогда ошибался...

Долгие годы за Давидом Тухмановым тянулся ярлык «модного композитора» — с тех еще времен, когда над танцевальными верандами зазвучал высокий, томный голос Валерия Ободзинского, поющего «Эти глаза напротив», а молодежь у костров и палаток наряду с песней Визбора «Люди идут по свету» запела совершенно непохожую «Последнюю электричку». Но практически никогда, даже в самый насыщенный период своего творчества второй половины шестидесятых годов, он не шел за модой. Он создавал свой багаж.

Своеобразным итогом этого периода явилась пластинка-гигант «Как прекрасен мир», на фоне следующего его диска до конца не оцененная даже сейчас, более десятка лет спустя после выхода.

— Наверное, в этой пластинке, на современный взгляд, масса несовершенств: примитивна техника записи, слаба ритмическая секция в инструментальном составе, отдельные певцы явно выпадают из общей стилистики. В то время я и сам не понимал, что нужно для этого диска, — ведь идея целостной музыкальной композиции, сюиты родилась спонтанно, уже в процессе работы. Я тогда впервые столкнулся с тем, что композиции, поставленные в определенной последовательности, записанные с соблюдением стилистического единства, дают автору неведомые доселе средства воздействия на слушателя и в конечном счете позволяют полнее выразить себя.

По ходу подготовки диска «Как прекрасен мир» для меня открылось и другое: грамзапись позволяет воплотить замысел автора и донести его до слушателя в законченном, «эталонном» виде. Тематический диск дает возможность для более интимного разговора со слушателем — запись направлена как бы персонально от автора к тому или иному конкретному человеку. Это определило более камерный, изысканный характер композиций, включенных в пластинку.

Мне впоследствии говорили о странности некоторых песен того диска. Не спорю, песни «Сан Саныч» или «Жил-был я», исполненные с эстрады, в то время могли вызвать недоумение, которое объясняется скорее непривычностью построения сюжета песни в сочетании с музыкой. Со временем, однако, стала очевидна и необходимость отражения в песне доселе неведомых ей граней духовной жизни человека.

К одной из песен этого диска — на стихи С. Кирсанова — «Танцевальный час на солнце» мне пришлось вернуться много лет спустя. В 1980 году для Валерия Леонтьева был подготовлен ее новый вариант, с которым певец получил первый приз фестиваля «Золотой Орфей». Не будем сейчас обсуждать достоинства этой версии, но считаю, что она прозвучала современно.

Диск «Как прекрасен мир» послужил толчком для серьезной работы над следующей пластинкой, которая называлась «По волне моей памяти». Ей было посвящено два года, все композиции создавались специально в расчете на эту пластинку. У нас в стране она была принята очень хорошо, тираж ее превысил 5 миллионов экземпляров. Много раз пластинка переиздавалась и за рубежом: в социалистических странах, Канаде, Японии. Вместе с тем боюсь, что от некоторых слушателей ускользнула «сверхзадача» музыкального построения диска: почему некоторые стихи этого диска, написанные сотни лет назад, волнуют нас и сегодня, почему эмоциональное воздействие их находится как бы вне времени? Я думаю, что в этом и заключается природа истинной поэзии, которая в состоянии сделать близкими нам чувства и настроения людей, живущих в прошлые века, а музыка, как искусство чисто эмоциональное, способна точно передать суть стиха — ощущение, душевное состояние.

Мне хотелось дойти до самой сути стиха, используя язык современной песни.

Не так давно мне пришлось побеседовать с английскими репортерами из музыкального журнала. Разговор начался с вопроса, какое из направлений современной музыки я предпочитаю, какие композиторы и исполнители Запада мне нравятся. Мы говорили о творчестве «Пинк Флойда», о «Роллинг Стоунз», о группах «новой волны», о Роде Стюарте. Мгновенно последовал вопрос: какие элементы их композиций я использую в своем творчестве. Объяснения, что работы западных музыкантов для многих наших композиторов есть лишь информация, что наше песенное творчество основывается на национальных музыкальных традициях, так же как и произведения наших классиков, которые, если вспомнить, поначалу использовали форму итальянской оперы для совершенно национальной по характеру музыки, встретили лишь вежливые, блуждающие улыбки.

Пришлось включить магнитофон, показать свои последние работы, записанные с рок-группой «Москва». После этого разговор пошел по совершенно другим рельсам — была сказана масса лестных слов о неповторимости и оригинальности композиций.

Можно, конечно, с иронией относиться к имеющейся за рубежом мании изобретать очередное «новое» направление с появлением последнего «хита». Иной раз это чисто рекламный трюк, а иногда стремление расчленив аудиторию слушателей.

Ведь не секрет, что разные сферы песенного творчества, профессиональные и любительские (иногда эти определения кажутся условными), разные по музыкальной стилистике, ритмике песенные направления вызывают неодинаковый интерес у различных категорий слушателей.

И было бы неправильным вообще не проводить жанровых границ в области отечественной популярной музыки.

Патриотические, массовые, лирические песни, солдатские песни, рок-композиции, танцевальные песни и песенные баллады, и, наконец, рок-оперы — все они реально существуют в нашей музыкальной жизни и имеют свою аудиторию.

Сам я далек от творчества большинства авторов самостоятельных песен, их «теплота» и «задушевность» далеко не всегда восполняют пробелы в музыкальном и поэтическом языке. Но в свое время знакомство с произведениями наиболее талантливых наших «бардов» приоткрыло для меня важную грань песенного творчества, позволив лучше понять связь слова с музыкой. И вполне понятно, почему этот жанр имеет своих заинтересованных почитателей.

Далеко не все мне близко в «самостийном» творчестве иных рок-групп. Но при желании всегда можно найти у них две-три яркие, свежие композиции, которые имеют право на широкую известность и могут послужить развитию отечественной популярной музыки.

Потребность в музыке не терпит вакуума, и мы, ограничивая «предложение», порой совершенно искусственно, волей-неволей подталкиваем «спрос» к каналам, идущим из-за рубежа, которые часто вместе с заманчивыми ритмами несут порядочное количество идеологического мусора.

На одной из комсомольских конференций, где

НЕ СКОРО ПЕСНЯ ЛАДИТСЯ

ВОТ ОНА — РАБОТА НАД ПЕСНЕЙ: РАЗДУМЬЯ, СОМНЕНИЯ, «ОБКАТКА» НОВЫХ ВАРИАНТОВ... ДАВИД ТУХМАНОВ НА РЕПЕТИЦИИ.

мне довелось побывать в этом году, по традиции делегатам был роздан микропесенник, содержащий тексты произведений комсомольской, гражданской тематики, чья судьба счастливо связана с молодежью. Песни эти были у всех «на слуху», их легко петь вместе. Среди полнотра десятков названий, составивших сборник, по пять песен принадлежали Александре Пахмутовой и Давиду Тухманову.

— В песне патриотической, по-моему, кроме двух традиционных составляющих — музыки и текста, обязательно должен незримо присутствовать и третий элемент — время. Как правило, песни эти являются естественным откликом поэта и композитора на события, волнующие наше общество. В этом смысле авторы являются как бы голосом «коллектива», и очень важно, чтобы голос этот прозвучал чисто, искренне и своевременно. Я много писал в этом жанре и считаю своей обязанностью продолжать эту работу.

Другой вопрос, что патриотическая песня, на мой взгляд, не может стоять в стороне от тенденций развития современной музыки, она должна быть близка в первую очередь молодежи, ибо является важнейшим средством воспитания, передачи традиций. Из этого в первую очередь я и исходил при написании песен «Дадим шар земной детям», «Родина моя», «Притяженье земли», «Как прекрасен мир». Другой вопрос, что они не рассчитаны, конечно, на хоровое пение, более того, требуют определенной вокальной подготовки. Существует мнение, что мало-то сейчас создается песен, которые можно петь хором. Об этом приходится сожалеть, но такова объективная реальность. Современная песенная ритмика, мелодическая сложность, которые использованы, например, в песне «Ненаглядная сторона», вообще предусматривают высокопрофессиональное владение голосом. Но, по-моему, эмоциональное воздействие песен от этого не уменьшилось, а это в конечном счете и является главным.

Похоже, что в последние годы творческое вдохновение Давида Тухманова больше, чем прежде, связано с наличием исполнителя, способного воплотить замысел композитора. Возможно, конкретность его музыкального мышления сейчас достигла такого уровня, который просто не позволяет композитору писать «вообще», не предвидя с абсолютной точностью конечный результат. Песни его волюно или невольно появляются сериями, циклами, каждый из которых связан с определенным солистом.

Тухманов не торопится подобрать исполнителя — присматривается подолгу, пристально, но, принципиально решив для себя вопрос, вкладывает в работу с певцом всего себя.

Порой кажется, что в его руках находится незримая волшебная палочка, прикасаясь которой к исполнителю, он находит в том черты, неизвестные доселе даже самому певцу, открывает новые грани индивидуальности.

— Последнее время я внимательно отношусь к подбору певцов. Важными для меня являются их профессиональные качества: тембр, гибкость вокала, широта диапазона, индивидуальность голоса, его выразительность. Немалое значение имеет и личность певца — его человеческие, нравственные черты, характер, душевный потенциал.

Лично я знаю некоторых прекрасных исполнителей, которые профессионально могли бы исполнять мои песни. Но если не резонируют наши жизненные убеждения, если не возникает чисто человеческого контакта, я предпочитаю отказаться от сотрудничества. Из певцов, с которыми мне пришлось работать в последние годы, наиболее сильное и цельное впечатление оставили, пожалуй, молодой горьковский ис-

полнитель Валерий Леонтьев да еще Николай Носков, солист рок-группы «Москва».

Леонтьев — вполне сложившийся певец с самобытным голосом, прошедший длительную школу гастрольной деятельности, но сохранивший в буднях кочевого актерского быта и свежесть таланта, и предельную самоотдачу, и искренность. За год мы с ним записали шесть композиций, звучали они неплохо, но интересно не это. Откровенно говоря, в последние годы, увлекшись звукозаписью, я как-то стал забывать, как звучат мои композиции в «живом», концертном исполнении. Увидев Валерия на концерте, я был приятно удивлен. Он обладает великолепной пластикой, легко движется по сцене, жесты его точны и выразительны. И композиции, прозвучав с эстрады, предстали с совершенно неожиданной стороны. Впечатление от концертного выступления превосходило студийную запись, что бывает нечасто.

Думаю, что у Валерия много впереди. Правда, в последнее время мы сотрудничаем меньше, я сейчас увлечен работой принципиально иной.

Один неглупый человек заметил, что для создания легенды нужно как минимум совпадение двух компонентов: ярко выраженного общественного интереса и минимума информации.

Давид Тухманов в таком случае должен быть окружен цепью легенд и вереницей слухов — интерес налицо, а его замкнутый образ жизни и нелюбовь к публичным высказываниям стали уже притчей во языцех.

Большинство из немногих опубликованных с ним интервью заканчивается одним и тем же вопросом: когда же будет выпущен новый авторский диск-гигант, столь долгожданный после шумевшей пластинки «По волне моей памяти»? На что следовал обычно уклончивый ответ: мол, не пришло еще время об этом говорить и пока конкретных замыслов в этом направлении нет. И только совсем недавно в нашем разговоре прозвучало слово: «Видимо, может получиться».

На мой вопрос, с кем он собирается писать пластинку, Давид Федорович ответил сразу и определенно: «Конечно, с рок-группой «Москва».

— Последнее время мы работаем с группой «Москва» — записали уже пластинку-миньон. Многих удивил выбор коллектива — ведь у нас достаточное количество «престижных», профессиональных ансамблей, которые уже хорошо зарекомендовали себя в студиях грамзаписи и на эстрадных подмостках. Но творческие поиски последнего времени заставили меня искать музыкантов и певцов с соответствующими возможностями.

Рок-группа «Москва» — коллектив совсем молодой и по возрасту и по стажу. В нее входят Алексей Белов — лидер-гитара, клавишные, вокал; Дмитрий Серебряков — ударные, вокал; Николай Носков — гитара, лидер-вокал. Всем участникам группы немногим более двадцати лет.

При записи «миньона» я, может быть, впервые смог позволить себе совершенно новую степень композиционной свободы, твердо зная, что самые сложные пассажи не смутят участников ансамбля.

Их технические возможности и свежее музыкальное мышление позволяют экспериментировать с различными формами сегодняшней музыки. Им также свойственно стремление осмыслить порой сложный музыкально-поэтический образ, передать его ярко, артистично.

Всегда привлекает в музыкантах беспредельная преданность делу, стремление к новому — все это есть у членов группы «Москва».

Что касается музыки, которую мы с ансамблем записали, то, думаю, она будет близка не всем. Более того, она кого-то может и раздражать, ибо требует к себе несколько иного отношения, чем та, к которой привыкли слушатели развлекательных программ. Композиции эти рассчитаны на сопереживание, на то, что заденут, может быть, те струны человеческой души, которых не касалась пока популярная музыка. Вряд ли можно ожидать на этом пути быстрого и шумного успеха, откровенно говоря, песни эти рассчитаны далеко не на одно прослушивание. Но дело, по-моему, не в популярности, а в том, что же в конечном счете меняет музыка в человеке, может быть, в мире. Что несем мы, композиторы, слушателям? Кто мы им?

Только что закончилось «сведение» новой песни, и мы сидели, слушали окончательный вариант композиции Тухманова на стихи Рождественского под названием «НЛО». Мощные звуки гитар дополнялись моторным говором синтезатора, а барабаны не смолкали, настойчиво утверждая тяжеловатый четкий ритм.

«Кто мы им? Кто мы им?» — слышались голоса солистов где-то в отдалении, на втором плане.

Потом Тухманов отвернулся и сказал как бы про себя: «Может быть, бросить все это да писать попроще?» И сам усмехнулся, понимая, что это вряд ли возможно.

Беседу вел Лев НИКИТИН

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Есть проблемы...

В редакцию пришло письмо из Чарджоу. Автор жаловался на бытовые трудности, перебои с водой и в снабжении некоторыми товарами.

Редакция направила письмо на рассмотрение в Чарджоуский областной комитет Компартии Туркменистана. Ниже мы публикуем ответ.

Чарджоуский обком Компартии Туркменистана сообщает, что факты, указанные в письме, тщательно проверены.

Партийные и советские органы принимают меры по устранению существующих недостатков. Так, в мае текущего года введено в работу дополнительно несколько водозаборных скважин, которые частично улучшили водоснабжение. На 1983 год намечается строительство второй очереди водопровода и водоочистных сооружений мощностью 170 тысяч кубометров воды в сутки, что позволит полностью решить проблему обеспечения населения питьевой водой.

Исполком городского Совета народных депутатов разработал и утвердил мероприятия по улучшению теплоснабжения города. Создан городской штаб по подготовке к будущей зиме: увеличиваются мощности в районных котельных, завершается реконструкция и замена технологического оборудования в ряде тепловых пунктов города.

В последнее время в магазинах города трудно было купить обои и лакокрасочные изделия. Исполком городского Совета народных депутатов обратил с ходатайством в Министерство торговли СССР об увеличении фондов на указанные материалы.

Партийные и советские органы принимают все необходимые меры по снабжению населения товарами первой необходимости, улучшению работы коммунально-бытовых предприятий и служб.

А. БАБКИН,
секретарь Чарджоуского обкома
Компартии Туркменистана

Ко всему — по-хозяйски!

Письмо от читателя Н. Карандашова из Мурманска, ставящее вопросы хозяйственного использования утиля и бытовых отходов в промышленности и вместе с тем вопросы гигиенического состояния города, было опубликовано в девятом номере «Смены», в рубрике «Интервью по вашей просьбе».

Н. Карандашова волновали и другие проблемы. «В городе плохо работают бензоаправочные колонки. Водители не знают, где можно заправить машину, и часами разъезжают в поисках бензина. Требование времени: собирать макулатуру. А у нас в городе пропадают тонны бумаги. Ее выбрасывают мешками Глашпостамт, городской библиотека, морское пароходство, геологическая служба, магазины, школы. Разве это порядок?»

Критическое письмо читателя редакции направила в облисполком Мурманска. Вот что нам ответили:

Сообщаем, что факты, изложенные в письме Н. Карандашова, имели место. Действительно, в прошлые месяцы были сбои в поставке нефтепродуктов, что повлекло за собой ограничение заправки индивидуального и общественного автотранспорта. В текущем году положение нормализовано, принимаются меры по организации более четкой работы автозаправочных станций. Рассматривается вопрос о строительстве новых малогабаритных АЗС.

Для улучшения сбора вторичного сырья сейчас в Мурманске открыты стационарный и передвижной приемные пункты; планируется ввести еще два передвижных пункта-магазина.

А. РЕУТОВ,
секретарь Мурманского облисполкома

ПРЕЖДЕСЛОВИЕ К БЕСЕ

Михаил ПЕТРОВ

Серезка проснулся в одиннадцатом часу утра, разбуженный голосами родителей, вспомнил, что сегодня понедельник, и затосковал. Не любил он выходные дни родителей. Всю неделю им некогда, а в выходные срабатывает комплекс вины, и они начинают навешивать упущенное: берутся за его воспитание. Прислушиваясь к разговору, он попытался представить, что ждет его сегодня: уборка квартиры, поездка с матерью на базар? И вдруг вспомнил радостное: бабушка сегодня приезжает, на целый месяц! И целый месяц в доме кто-то будет, когда б ты ни пришел!..

Между тем на кухне начались осложнения. На вопрос, сколько денег осталось, мать ответила, что все уже истратила, и отец вспылил:

— Куда ты их девашь, черт возьми!

— В ресторане проматываю,— уязвила его мать.

— Но я же только позавчера отдал тебе получку...

— Ну и что? Купила продуктов, того-сего, яблок десять килограммов взяла, пока они дешевые... Сергею туфли вчера купила—не будет же он в босоножках осенью ходить. Главное, говорит так, будто миллион мне отдал...

— Тебе хоть миллион отдай, все равно... В общем, чувствую, опять отпусковые тратить придется.— Отец помолчал обиженно, и Сергей почувствовал, что сейчас он вспомнит про туфли, которые ему купили весной. Так и есть.— А туфли он, что, наоборот отказался носить?

— Уперся, как бык,— прямо до слез довел. Новенькие туфли—и не хочет надевать. Придется тебе носить, что ли?

— Да, да, конечно!.. Больно у него запросы стали большие на родительской-то шее. Шатается где-то до полуночи, до обеда спит, сытно ест, бездельничает в то время, как его сверстники сдают экзамены в институт. А ты ему—на! Туфельки за тридцать пять. А его мальчишеские отец донашивай! Нет, ну все перевернулось! Мой отец купил бы мне в семнадцать лет туфли за тридцать пять? Создавай, создавай ему тепличные условия! У нас потому и разобщенность в семье, Зинаида Максимовна, что едим когда кому вздумается и когда кому вздумается встаем и ложимся. Вот сходи и подними сыночка! Пусть хоть раз в неделю с отцом за одним столом позавтракают! Хватит ему потакать!

— Сам иди и буди, он такой же твой сын, как и мой. Я так же, как ты, работаю, столько же получаю, и ответственность будем делить поровну.

Родители Серезки работали во дворцах культуры методистами детского сектора, но отец всегда сердился, когда мать равняла его работу со своей, потому что он считался первым специалистом в городе по массовым детским мероприятиям. Его частенько приглашали организовывать детские утренники и праздники в других клубах и даже во Дворце пионеров, а описания некоторых придуманных им пионерских игр печатались в центральных детских журналах. В другое время отец презирал свою работу, считая себя способным на большее, но когда жена напоминала, что они получают одинаковую зарплату, всегда злился.

Чтобы не искушать судьбу, Серезка встал и шумно прошел мимо открытой кухонной двери в ванную. Осенью и весной, когда у отца обостряется язва, ему лучше не перечить. А уж в выходной, когда торопиться некуда и отец просто не знает, куда себя девать, и подавно. Сергей сполоснул лицо, почистил зубы, натянул красную рубашку и вошел в кухню. Отец, по-утреннему бледный, с нездоровым цветом кожи и глубокой (после сна) морщиной на правой щеке, сидел на своем месте у окна в темно-синей застиранной футболке и, как всегда, хмуро смотрел в окно. Мать стоя торопливо намазывала маслом ломти батона.

Молча съели по два яйца, выпили по стакану сладкого чая. Сергей думал, что весь запас утреннего раздражения отец уже израс-

ходовал, но тот, оставив пустой стакан, спросил Сергея:

— Ты во сколько вчера пришел?

— В одиннадцать...

— Кончай врать! В одиннадцать я лег, а тебя и в помине еще не было. Ты пришел в час!

Сергей пришел в начале первого, но возражать сейчас отцу значило бы подлить масла в огонь.

— Не знаю, у меня нет часов.

— Ах, тебе мои часы отдать?

— Зачем?— смутился Сергей.

— Послушай, когда ты перестанешь болтаться? Тебя нет дома днем, вечером, ты приходишь домой только спать и есть. Десять лет ты уже проболтался, на что надеешься в будущем, я не знаю.

(Так, сейчас перейдет к другой теме: почему подал документы в профтехучилище, а не в институт.)

— Да-да.— Мать поняла, что пришла минута, когда можно направить раздражение отца в другое русло, и привычно воспользовалась этим.— До каких пор, Сергей, мать будет не спать в ожидании тебя, а отец нервничать и беспокоиться? Он и так уже весь издергался у себя на работе...

— Кто тебя заставляет? Спи!— огрызнулся Сергей, расценивая маневр матери как предательство.

— Как это «спи»?— возгремел отец (маневр сработал безотказно).— Ты с кем разговариваешь? Мы ждем ответа: где ты был вчера ночью?

Вчера весь вечер шёл дождь, и Сергей вместе с ребятами допоздна просидел в подъезде. За нарушение общественного порядка (играли на гитаре и пели) их забрали в отделение милиции, заставили писать объяснительные, и, так как все оказались несовершеннолетними, дежурный пообещал вызвать их вместе с родителями в инспекцию. Потом он зачитал им заявление от жильцов дома с просьбой покончить с ночными оргиями в подъезде. А они всего-то посидят до одиннадцати вечера, поразговаривают, поиграют на гитаре—и разойдутся домой.

— Где, где?— напустился Сергей.— У Чоли на вертухе пласти крутили...

— Вот,— разъярился отец еще сильнее.— Чоля, вертуха, пласти!— (Ах, какая промашка, надо было сказать: «У Чернова слушали новые пластинки».)— Никаких интересов, кроме слушания бездумной музыки.— И, обращаясь к матери:— С первого класса таскал по музеям, читал вслух книжки, водил в филармонию—все безрезультатно. Чоли и Моли оказались сильнее!

— Не говори!— поддержала мать.— А сколько раз отец тебя в кружки записывал? В фотостудию устроил к такому мастеру—ничего ему не пришло... У других отцы пьют, дебоширят, а дети как дети. У тебя ведь даже друзей нормальных нет. Кто первый утром к тебе придет, на улице свистнет, тот и друг. Разве так можно? Пойми, ты ведь нас опозоришь...

— Он уже опозорил! Вместо института пошел в ПТУ.

— В училище дают от армии отсрочку на год,— пробурчал Серезка.

— Ах, ему еще хочется с годик побездельничать, на отцовской шее повисеть! Во, ловчи-лы какие! В армию ему не хочется, на завод не можется.

— В училище, между прочим, во время практики приличные деньги платят.

— Вот-вот! А за что?! Плоды ловчил с детства.

— Не нужно отцу твоих денег, Сергей,— проникновенно сказала мать.— Он хочет, чтобы ты человеком стал.

— Разве нельзя быть человеком без диплома? А не понравится завод— поступлю в институт. Дорога не закрыта.

— Поступишь ты, как же!— презрительно сказала мать.— По твоей учебе ты уже через год после школы все забудешь. А там армия—и все...

— Ну почему вы мне никогда не верите?! Всю жизнь за дурачка принимают!— Сергей вскопчил и выбежал с кухни. В прихожей он механически сбросил с ног тапки и начал обуваться. «Схожу во двор, пусть остынут немного»,— подумал он.

— Куда это ты собираешься?— услышала его сборы мать.

Рисунок Виталия ЛУКЪЯНЦА

- Сейчас приду.
- Постель убрал за собой?
- Убрал.— соврал Сергей.
- А посуду кто уберет?
- Приду и уберу!
- Сергей! — предупредительно гаркнул из кухни отец.

Завела она его все-таки, теперь до обеда нечего и возвращаться. Сергей бесшумно открыл замок и шмыгнул за дверь. Но не побегал слюмя голову вниз, а замер на площадке на случай, если родителям все-таки вздумается вернуть его назад. Они и впрямь вывалили в прихожую, и Сергей услышал, как мать торопливо сказала:

— Да ушел он, ушел уже, дверь в подъезде хлопнула. Ну его к черту, нервы на него тратить, на вхлака бессовестного. Хоть бы его в армию скорее взяли.

Они постояли в прихожей, не зная, что им делать. Сергей представил их растеянные лица и четыре стены, в которых им придется провести выходной день. (Слава богу, бабушка приезжает, хоть какое-то разнообразие будет.)

— Черт побери! — сказал вдруг отец обычновенным, «несемейным» голосом. — Все-таки так нельзя... Мы сами его от себя отталкиваем. Что вот ты поднялась: «Поступись ты, как же!» А может, поступит? Поработает, а потом поступит...

— Ну вот, сам начал, а я виновата. — Но я отец, я должен с ним говорить по-мужски. А ты женщина, ты должна в нем надежду поддерживать, веру в свои силы! — Они отошли от двери, а Сергей еще несколько минут стоял, прислонясь к стене.

Волна жалости к отцу вдруг нахлынула на него, так жалко его стало — бледного, худого, в застиранной майке, с мятой кожей на лице. Чуть было не вернулся назад, но уже такая стена непонимания образовалась между ними, что и представить это возвращение было невозможно.

В почтовом ящике Сергей обнаружил повестку из инспекции по делам несовершеннолетних (оперативно работают!). Отца просили явиться вместе с ним для беседы. Заглянул в ящик к Чоле, там тоже виднелась бумажка. Открыл замок шилом перочинного ножичка, вытащил повестку и пошел к Чоле.

— Что будем делать? — спросил Чоля, когда ознакомился с ситуацией. (Еще спал, негодник, встретил Сергея в одних трусах.)

— Чо, чо... Сжечь придется. Представляю, какой шум поднимут предки. У них же пунктик, сидят и ждут, когда их в милицию вызовут из-за меня, всю жизнь судом пугают.

Повестки сжгли, пепел выбросили в форточку и долго смотрели, как черные хлопья летят вниз с девятого этажа. Пусто еще было во дворе. И на душе было пусто...

— Чует мое сердце, добром это не кончится, — сказал вдруг Чоля. — Такое же состояние сейчас, как тогда, когда мы кляту в клумбу зарывали.

Вспомнил трехлетней давности историю. Захотели дворовые мальчишки волеობольную площадку сделать. Нашли место, выровняли его (целую неделю лопатами скребли), разместили, столбы на стройке выпросили. Утром в воскресенье встали — на месте их будущей площадки клумба вспокана, пять лавочек вокруг поставлены, а на них несколько старушек сидят. Жалко им тишины стало. Куда только не ходили тогда мальчишки — и в домоуправление, и в роно, и в райком комсомола, — клумба осталась на месте, вон она, не нужна теперь никому, вся бурьяном за лето зарастает. И теннисный стол в том же году молодые папаша сломали — на его месте детскую песочницу поставили. Чоля и еще пятеро мальчишек (Сергей был в пионерском лагере) поклялись тогда отомстить обидчикам, написали клятву, положили ее в бутылку и закопали в клумбу. Кто-то, видно, увидел, выкопал бутылку, и была шумная — на весь поселок — история. Чолю мать до сих пор этой историей попрекает, потому что всех истителей в милиции на учет поставили.

Поговорили о характерах родителей. И у него и у Чоли матери одинаковые: разойдутся — не остановишь, все грехи

переберут с грудного возраста. Чуть задержался на улице — уже ты в банде, взял у кого-нибудь магнитофон послушать — ты уже в шайке фарцовщиков, пришел с запахом пива — алкаш. А вот у Кости батя что надо — крутит баранку, а держится, как кум королю и сват министру. «Жигуля» имеет. Когда Костя вывинтил во время практики на комбайне какой-то прибор, деталь из которого ему нужна была для радиоуправляемой модели, он и глазом не моргнул. Ну, конечно, выдрал Костю как следует — прибор стоил полторы тысячи, — но ни прикрывать его не стал, ни суесться. И на суде держался так, что позавидуешь. Прокурор послушал его и частное определение шефом с комбината вынес за то, что не заботятся о развитии технического творчества в подшефной школе. А случись такое с ним или с Чолей, их родители со страху, наверное, померли бы: сын — вор! Общественное мнение, общественное мнение!

Поболтали бы еще ребята, да скоро мать Чоли должна была на обед с работы прийти. (Не любила она Сергея, считая, что тот плохо влияет на сына.)

— Ну, куда? — спросил Чоля, с надеждой поглядывая на Сергея, когда они спустились во двор.

Куда?.. Задумаешься: куда? Мальчишками были — бежали на пустырь, жгли мусор. Стали постарше — прятались в кустах, потом подъезды облюбовали, и чем старше становились, тем труднее было находить развлечения.

— Ладно, пошли за гаражи смотраем, на яму, — предложил Сергей. — Пока предки не засеки.

Было такое место в поселке — за гаражами инвалидов, овраг, заросший бурьяном. Там, в яме, и собирались днем кому делать было нечего. Когда солнышко — сиди себе, кури, в карты играй, гитару слушай. И взрослые сюда не очень совались, в крайнем случае сверху покричат свое заблудшее чадушко, а вниз редко кто спустится...

В яме Жмурик и Юрка Кондратов дулись в подкидного дурака. Только расположились рядом с ними и стрельнули у Жмурика по сигарете, глядь, по крутому склону овражка, хватаясь за кусты, спускается в яму Дарий с дружкой. Дарий, кажется, навеселе, а дружок его, обритый наголо, с татуировкой на руках и хрипящим переносным магнитофоном, и вовсе едва на ногах держится, вот-вот ткнется головой вниз. Дружка Сергей ни разу в поселке не видел, а с Дарием они в один десяток ходили, вокруг одной елки прыгали, из одного мешка подарки получали. Родители Дарием пугали детей, и вырос он переключенным, как болотная сосна, выносливым и дерзким. Силу свою он почувствовал рано, ему вроде бы удовольствия доставляло всех маменькиных сынков с пути сбивать. Выберет себе жертву, на весь день увезет на ипподром, заставит бутылки собирать под трибунами, у пьяных на мороженое выпрашивать. А потом придет к двери квартиры и слушает с усмешкой, как его дружку отец выволочку дает. А назавтра еще и расскажет всему двору в лицах, как это происходило. Сергей тоже не раз попался на его удочку, пока отец, после того как железнодорожная милиция сняла их с московской электрички, в которой они собирали бутылки, не заявил на Дария в милицию и того не поставили на учет. Было это лет пять назад, но Дарий до сих пор не мог простить этого Сергею. Где ни встретит — обязательно уест.

— Привет ханурикам! — поприветствовал Дарий компанию. — Да тут Тимур и его команда! — заметив Сергея, съязвил он. — Сейчас, Санек, новую игру будем разучивать! — И продекламировал: — Ну-ка, детки, встаньте в круг, будем веселиться! Ха-ха!

Ох и злослапает Дарий! Лет десять назад отец Сергея вел во Дворце культуры новогоднюю елку, Дарий запомнил стишок из его программы и вот уже столько лет доводил им Сергея.

— Кончай, Дарий, — залившись крас-

кой, пробормотал Сергей. Он хотел встать и уйти, но Дарий вдруг обозлился и полез в бутылку.

— Кто-кто? Как ты меня назвал? — и неожиданным приемом так резко заломил за спину правую руку Сергея, что тот застонал от боли. Силу Дарий имел медвежью, еще мальчишкой схватывался с парнями и дрался всегда до последнего. — А ну, как поступают настоящие пионеры?

— Отпусти, прошу тебя! — прохрипел Сергей.

— Так бы и давно, пацан, — отпустил руку Дарий.

— Кого пришить, а? — поднял бутылочно-зеленые бессмысленные глаза дружок и полез в карман. — Этого?

— Ладно, он исправляется, — успокоил его Дарий. — Доставай бутылброд.

Дружок вытащил из кармана бутылку «Красного крепкого» и подал Дарию. Содрав зубами белую полиэтиленовую пробку, Дарий раскрутил бутылку и мучительно долго двигал кадыком, как насосом. Отпил полбутылки и небрежно поставил зеленую бомбу на землю. Вместе со всеми выпил полстакана и Сергей. Пил против воли, будто одолжение делал. Вино хлынуло в рот, горло перехватило от кислоты, потекло под рубашку, но совладал Сергей с вином, не поперхнулся, не закашлялся. О том, что придет бабушка и пора домой, вспомнил только, когда зашумело в голове, но успокоил себя: «Ладно, успею еще!» Повеселела и «яма». Санек врубил свою «Романтику», и все с чувством подтянуло:

Думать не хочу,
Верить не хочу, —
Тебя люблю!..
Кто, где и когда записывал эту песню — отпели ее лет пять назад, — запись была такой скверной, что слушать тошно. И домой идти нельзя, предки сразу учуют запах вина. Пришлось Сергею с Чолей торчать в яме, пока пары не выветрятся.

Думать не хочу,
Верить не хочу, —
Тебя люблю!..
Ох, и надоела же эта песня, а Санек все крутит ее и крутит, и ни слова не разобрать, кроме:

Думать не хочу,
Верить не хочу, —
Тебя люблю!..
Потом Дарий прошелся с шапкой по кругу, собрал мелочь и послал гонца за новой «бомбой». Выпили, еще отодвинули час возвращения домой...

...Никто и не слышал в яме, как подъехал милицейский «газик» (наверное, Жмурик навел, когда ходил за последней бутылкой), как двое парней из комсомольского опротряда оказались в яме и один из них крикнул вверх: «Здесь он, сержант!» — а другой строго предупредил всю компанию:

— Только без фокусов, Еркин! Наверху машина ждет. И вы все в машину! — А в чем дело? — струхнул Дарий. — Мы, по-моему, никого не трогаем...

— Непонятно, да? — подошел к нему дружинник. — Нарушение общественно порядка — раз; употребление спиртных напитков с несовершеннолетними — два. А дальше разберемся что к чему.

На краю обрыва показался сержант. — Что ж ты, Еркин, только из колонии вернулся и опять за старое? — обратился он к дружке Дария. — Соседи на тебя жалуются, режим нарушаешь...

Еркин, кажется, струсил больше всех. Он даже протрезвел на глазах.

— Кто кого сплавает? — промямлил он. — Я тут отдыхаю, ясно?

Дошла ситуация и до Сергея: сейчас на глазах всего микрорайона их посадят в милицейский «газик», привезут в отделение, заставят, как вчера, писать объяснение, потом составят протокол, где рядом с его фамилией будет стоять фамилия ранее судимого Еркина и известного всем Дария. Никто и не станет разбираться, как и почему они с Чолей очутились в яме, для милиции он такой же нарушитель, как Дарий и Еркин. А

завтра его объяснительная поступит в инспекцию по делам несовершеннолетних, и кто знает, не придет ли инспектор к ним домой? Сергей глянул на всю эту историю глазами родителей и бабушки, и вместе с сожженной утром повесткой и его ежедневными отлучками до двенадцати ночи эта история показалась страшной.

— А нас-то за что? — шагнул он к дружиннику. — Мы только пришли сюда... Собачку ищем... Пошли, Чоля!

— Стоп! — Дружинник взял его и Дария за локти. — Пойдемте к машине, в отделении разберемся. Собачку он ищет... Сержант, он тут собачку ищет!

— Давай всех наверх! — засмеялся сержант и пошел к машине.

«Влипли, кажется!» — подумал Сергей. В следующую секунду Дарий ударил дружинника справа в солнечное сплетение, тот инстинктивно выпустил их руки, и они с Дарием рванулись, как по команде, по дну оврага, ломая ветви молодого ивняка.

Пробежались они хорошо, километра два, и теперь, заметая следы, спрятались на лодочной станции в ржавом катере, ждали известий. Сергей от волнения грыз ногти, чувствовал, что дело принимает скверный оборот. Через некоторое время на пирсе показался Чоля в разорванной рубашке. Потом подошли Жмурик и Кондратов. Они рассказали, что забрали только Еркина, остальные все разбежались, но пятеро дружинников остались в поселке, ищут парня в красной рубашке.

— Так не я же ударил, — еще сильнее перепугался Сергей.

— А ты иди ментам доложи, Серень, — усмехнулся Дарий.

Рубашку пришлось снять и завернуть в газету, а Жмурик дал Сергею свою голубую куртку из болоньи. Теперь нужно было думать, как вернуться домой. Сергей чувствовал, что родители уже беспокоятся, наверное, снова переругались друг с другом. И таким вдруг подлецом себе показался, такой сволачоло!

— Я пошел, ребя. — Сергей рванулся из катера. — Черт с ними, с ментами, пусть берут!..

Но Дарий железной рукой усадил его на место.

— Ты что? Струсил, что ли?

— Бабушка приезжает, Дарий, я обязательно должен быть дома. Встречать ее должен с предками, понимаешь? Они ждут, батя сам может в милицию обратиться. Даст приметы, а ему скажут: и мы ищем такого. Представляешь? Так что лучше я рискну, может, не попадусь.

— Ты один в такой рубашке, да? Говори, знать ничего не знаю и ведать не ведаю! Мол, с Чолей к дружке на дачу ездили, автобус сломался. Не будь фрираймом, понял? Во сколько твоя бабка приезжает?

— В половине двенадцатого.

— Сидим тут до одиннадцати, к половине двенадцатого приходим домой и ложишься спать. Лучший выход, дело тебе говорю!..

Нет, не лучший это оказался выход. Жмурик тем временем сгонял в ресторане, принес бутылку водки, батон и граненый стакан. Выпили по полстакана противной, теплой водки и сразу же опьянели. События дня вдруг отодвинулись от Сергея далеко-далеко, словно он смотрел на них сквозь сильный бинокль, перевернутый обратной стороной. Маленькими, смешными показались ему родители, детскими его собственные опасения и страхи.

Когда стемнело, выползли из катера и перешли во дворик двухэтажного домика на набережной.

— А может, в женскую общагу смотраем, ребята? — предложил Жмурик Дарию. — До одиннадцати еще ждать не переждать...

— А что? — заржал Дарий. — Айда на трикотажку! Только держаться всем вместе!

По улице шли, с удовольствием глядя, как прохожие испуганно сворачивают в стороны. И, видно, здорово их всех развезло, если в общежитие трикотаж-

ки их не пустили. В красном уголке шел «Огонек», из открытого окна доносилась музыка, и ребята решили, что сдаваться не стоит. Все пятеро влезли на третий этаж по водосточной трубе и оказались в коридоре. Их, конечно, сразу же заметили и попросили выйти. Выходить не хотелось, они начали сквернословить, и тогда парень, который воспитательница общежития призвала на помощь, взял Дария и всех остальных за шиворот и брезгливо, как гадких котят, вывел вон.

На улице все почувствовали себя страшно оскорбленными.

— Ребя, надо дать этому фрайеру, чтобы навек запомнил, как нас трогать!

Зашли в скверик, сели на скамейку и озлобленными волчатами стали ждать, когда закончится в общежитии «Огонек».

Парень, на которого они накинулись, как только он попрощался с девушкой и завернул за угол общежития, сначала долго не давался им. У Дария уже темнел под глазом синяк, Жмурик корчился на тротуаре, держась обеими руками за пах, а Сергей сплевывал соленую, тягучую кровавую слюну, которая заполняла ему рот. Но Дарий все-таки изловчился и сбил парня с ног. И тогда все налетели на лежачего и стали бить его ногами, как мешок с тряпьем.

Они, наверное, продолжали бы еще избивание, если бы не услышали вдруг чей-то крик и не увидели бы бегущую на них от общежития девушку. Тогда раступились, глянули под ноги и ужаснулись. Лицо парня, который полчаса назад предлагал им выйти из красного уголка, стало похоже на кусок кровавого мяса. Кажется, Дарий крикнул: «Ноги!» — и все рванули в темноту, в разные стороны.

Сергей бежал долго — пустырями, скверами, дворами; не понимая, куда и зачем бежит, часто падал, обдирая об асфальт руки и не ощущая при этом боли. Когда начинал задыхаться от бега, переходил на шаг, но долго идти тоже не мог, так как его почему-то сразу охватывал страх и вспоминалось окровавленное лицо парня. Подавить этот страх помогал только бег, и он снова и снова принимался бежать, повторяя в такт бега вдруг откуда-то выплывшие слова: «Ду-мать-не-хо-чу!.. Ве-реть-не-хо-чу!.. Ду-мать-не-хо-чу!..»

Наконец он обессилел, пошел шагом. «А может, с ним ничего? — подумалось ему с надеждой. — Да и не видел никто, темно ведь было!» И только это подумал, как вспомнил про рубашку, которую перед дракой положил на бордюр тротуара, а поднять забыл, когда побежали...

Новый приступ страха погнал его к общежитию, на место драки. Долго ходил там, но свертка так и не нашел. Спустился к Волге, умылся холодной водой и огромными шагами побежал по

направлению к дому, все время повторяя слова, звучавшие теперь уже как какое-то страшное заклинание:

— Ду-мать-не-хо-чу!.. Ве-реть-не-хо-чу!.. Ду-мать-не-хо-чу!.. Ве-реть-не-хо-чу!..

— Ты знаешь Славу Сосновского — худрука из Дворца культуры «Ситец»? — спросила мать отца через три дня после того страшного вечера. Дождавшись утвердительного жикка, продолжала: — Три дня в реанимации находился. Вчера только в общую палату перевели.

— Да ты что? — выпутался из своих мыслей отец. — В аварию попал?

Они всей семьей, вместе с бабушкой, обедали в комнате. После двухдневного скандала в доме воцарился покой.

— Хулиганы избили, — обвела всех взглядом мать. — Представляешь, мам, пришел к своей невесте в общежитие, а там пьяные подростки начали дебоширить. Ты, Володя, Славу знаешь, он несправедливости, хамства не терпит, тем более в присутствии женщин. А тут невеста его. Он взял хулиганов за шиворот и выставил за дверь. Так эти подонки подстергали его в сквере и избили до сотрясения мозга.

— Вот звери-то! — всплеснула руками бабушка.

— Между прочим, — мать повернулась к Сергею, — и тебя ведь в ту ночь избили...

— Не он ли и дрался, — буркнул отец. — А кто их знает, где они ночами шатаются, — сказала мать. — Соберутся стадом и болтаются. Запомни, Сергей, стадо до добра не доведет. Стадо не одного уже до тюрьмы довело.

— Опять вы эту песню! Надоело! — огрызнулся Сергей и, чтобы скрыть волнение, отставил стакан с чаем и скрылся в своей комнате.

Когда мать с отцом ушли на работу, Сергей побежал к Чоле.

— Тот парень в реанимации лежит, — выпалил он с порога.

Чоля побледнел.

— Кто сказал?

— Мать. Парень-то — художественный руководитель из «Ситца».

Они надолго замолчали. Сергей видел, как пульсирует жилка на виске у Чоли, да у него и у самого от волнения стали мокрыми ладони, противно подсыхало под ложечкой.

— Так чо делать будем, а?

— Сходить надо к нему, — не задумываясь, ответил Сергей. — Может, простит. Иначе не жизнь, а каторга...

— А если он в милицию заявит?

— А если милиция завтра сама нас найдет? Рубашка-то у них...

Они сидели друг против друга, думая об одном и том же — как жить дальше? Никуда не хотелось идти, ничего не хотелось делать. Кино, подъезд, пластинки — все казалось мелким, необязательным, все прошлые забавы — детскими. Страшный, черный августовский вечер пропастью зиял на пути их будущего. Будущего, которого они еще недавно так ждали. Сейчас оба остро чувствовали, что оно не сможет для них начаться без того, чтобы не увидеть того парня. Только он мог вернуть им нормальную жизнь...

ОТ РЕДАКЦИИ.

В очерке, который вы только что прочитали, с фотографической точностью реставрирована поведенческая ситуация, при которой в общем-то неплохой подросток — ведь не закоренелый хулиган Сережка и не сирота без присмотра — вместе с праздношатающимися друзьями совершает преступление. Увы, история не такая уж и редкая.

Но мы печатаем ее, чтобы читатели вместе с нами задумались над случившимся и рассудили: на каком отрезке времени и каким образом должны были поступать и действовать взрослые люди, чтобы не произошло этой трагедии отчужденности юного человека?

Ничто не проходит бесследно. Ежедневная мелочная опека, подозрительность оборачиваются для подростка драмой неверия в справедливость, в душевность старших; развод родителей становится драмой разочарования в доброте и мудрости взрослых; пристрастие к физическому наказанию — горечью унижения юной личности. Такие обиды не прощаются. Они отпечатываются в чувствах и памяти подростка особым кодом и зреют до поры до времени, чтобы проявиться когда-то самым неожиданным образом. Так, к примеру, как в только что прочитанной вами истории.

Давайте вместе, сообща, обсудим случившееся, чтобы решить, какова тут доля вины «героев» очерка и их родителей и какова доля вины — может, и неподсудная, но явно очевидная — тех, кто не озаботился, где и как проводят свободное время подростки.

Душа юного человека нараспашку открыта как хорошему, так и плохому. Кем он станет, каким станет? Этот вопрос волнует всех. Мы ждем ваших писем, дорогие друзья!

УЧАСТНИКИ МАРША МИРА-82 НА УЛИЦАХ МОСКВЫ.

ЗАЩИТИТЬ ПЛАНЕТУ!

Из Минска, города, перенесшего тяжкие испытания во вторую мировую войну, прозвучало заявление участников «Марша мира-82», адресованное Организации Объединенных Наций, правительствам, парламентам и народам мира. Вот строки из этого документа, единодушно одобренного участниками марша: «Наш совместный марш показал, что представители общественных организаций различных стран Востока и Запада могут действовать вместе и достичь согласия в решении жизненно важной проблемы всех времен — спасения человечества от уничтожения».

Предоставим историкам право выносить оценки тому или иному году в бурном десятилетии 80-х, но вряд ли будет ошибкой уже сегодня сказать: год нынешний стал годом поразительной активности самых разных кругов мировой общественности за предотвращение ядерной катастрофы.

Во время работы второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в Нью-Йорке состоялся марш за разоружение, в котором приняли участие более миллиона человек. «Такого движения Америка еще не знала за три атомных десятилетия», — писала газета «Нью-Йорк таймс».

Марш мира из греческой Олимпии в Бонн — чтобы заявить участникам сессии совета НАТО о стремлении народов жить в безъядерной Европе... Вахта мира в Канаде — чтобы подчеркнуть солидарность с конкретными предложениями о сокращении масштабов гонки вооружений и о мерах по предотвращению термоядерной войны... Марши мира советской молодежи — чтобы подтвердить решимость нашего народа, выстрадавшего и выигравшего Великую Отечественную войну, сделать все для избавления человечества от новых войн... На разных континентах, в разных странах люди выходят на улицу, чтобы быть вместе в рядах участников маршей

мира, почувствовать плечо единомышленника рядом с собой, осознать общность своей судьбы с судьбой планеты.

Борьба за мир не абстрактна — это борьба против тех, кто готовит войну. «Рональд Рейган страшит американцев, — заявляет Алан Крэнстон, сенатор-демократ от штата Калифорния. — Призывы к чудовищному увеличению военных расходов заставляют нас задумываться, как и абсурдные заявления представителей рейгановской администрации, что в ядерной войне можно выжить, если иметь лопату и суметь достаточно быстро вырыть себе яму. Это своего рода болезнь: неспособность взглянуть в лицо фактам и принять решение в создавшейся ситуации. Но люди начинают выздоровливать от этой болезни и бороться с ней».

Участники маршей мира горячо одобрили важнейшую инициативу Советского государства: обнародованное на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН обязательство не применять первым ядерное оружие. «Принимая это решение, — говорится в послании Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, — Советский Союз исходит из того неопровержимого и определяющего в современной международной обстановке факта, что ядерная война, начавшись она, могла бы означать разрушение человеческой цивилизации, а быть может, и гибель самой жизни на земле. Значит, высший долг руководителей государств, сознающих свою ответственность за судьбы мира, приложить все усилия для того, чтобы ядерное оружие никогда не было пущено в ход».

Мир никогда не станет подарком судьбы. За него нужно бороться, его нужно защищать.

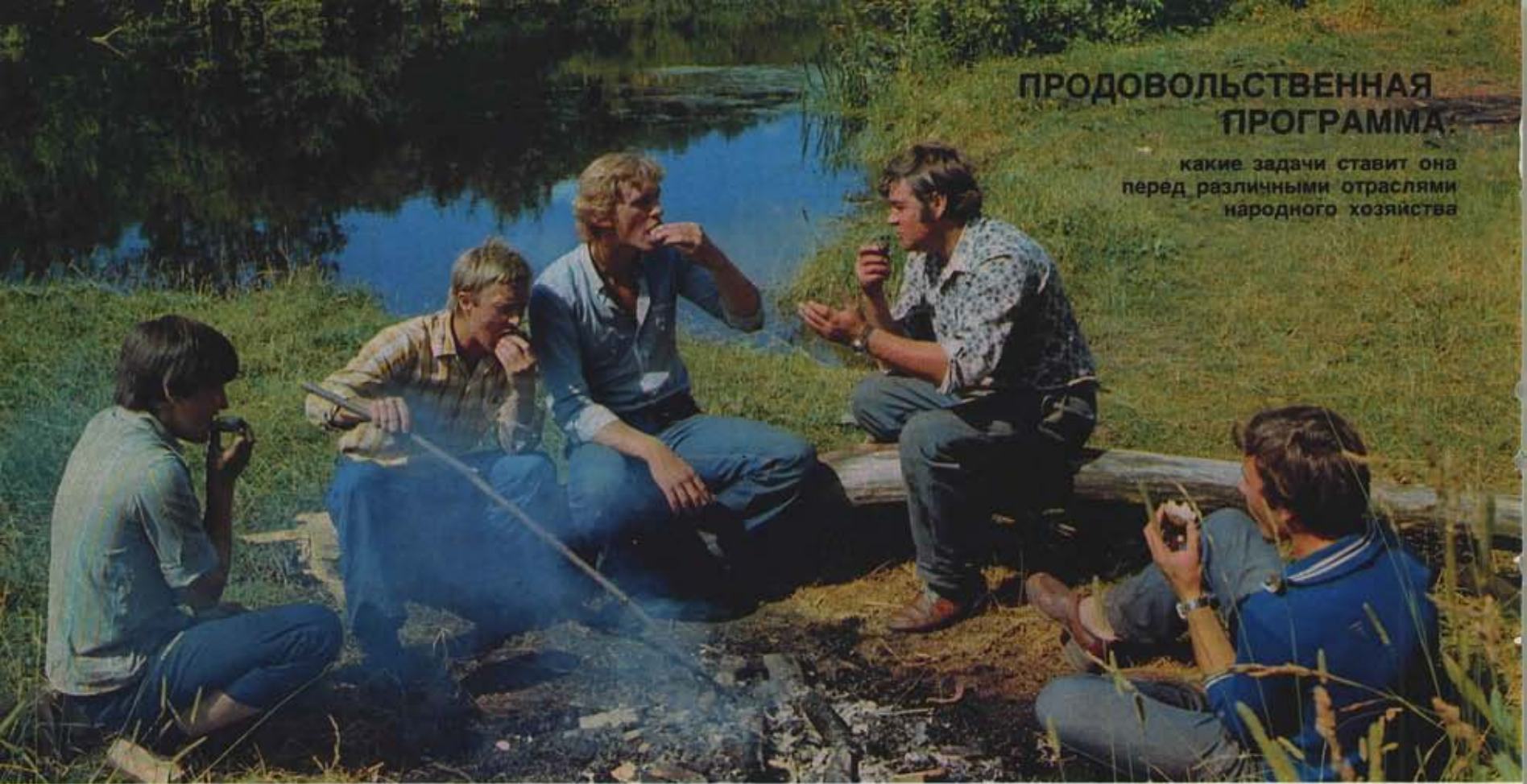
Сегодня он в этом нуждается, как никогда прежде.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА:

какие задачи ставит она
перед различными отраслями
народного хозяйства

КОМ

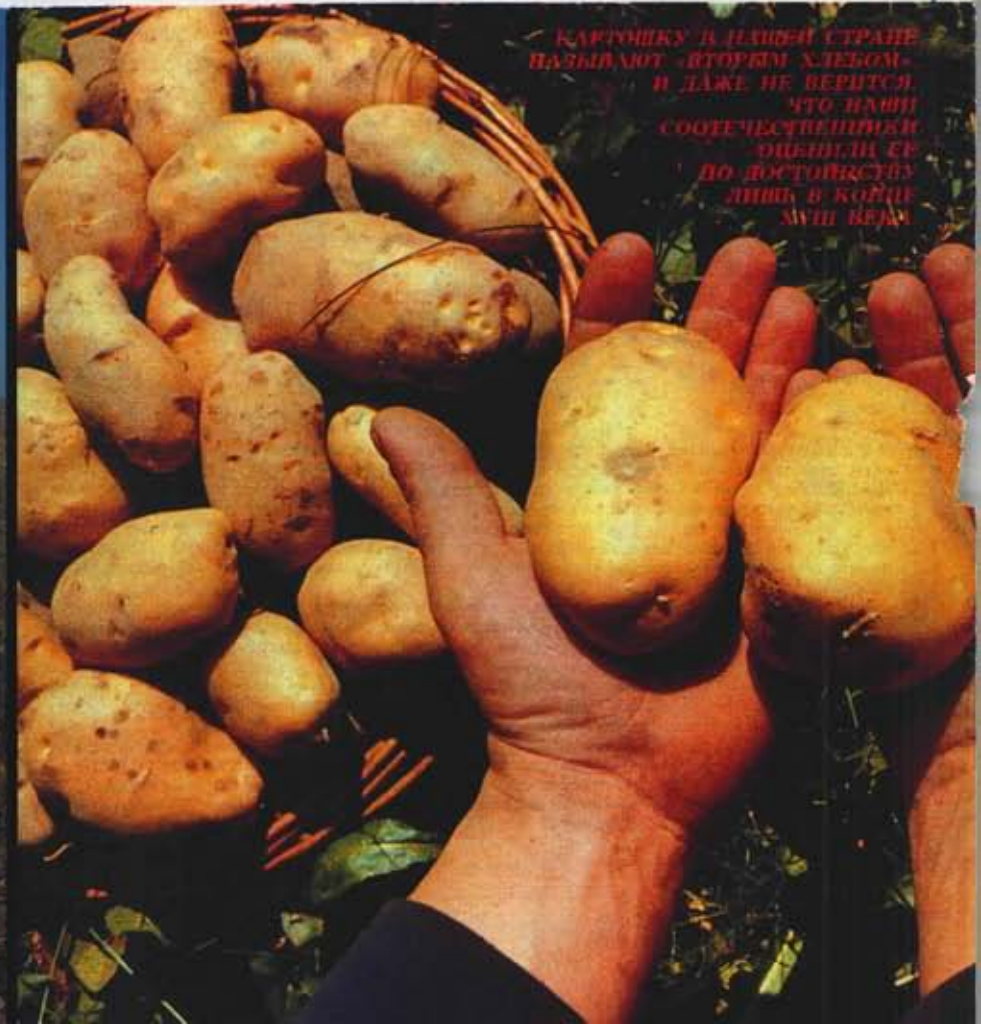
Юрий ГРИНЬКО.
Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ —
САМОЕ БОЛЬШОЕ КАРТОФЕЛЬНОЕ
ПОЛЕ РОССИИ.

КАРТОШКУ В ДАВНЬИХ СТРАНАХ
НАЗЫВАЮТ «ВТОРЫМ ХЛЕБОМ» —
И ДАЖЕ НЕ ВЕРИТСЯ,
ЧТО НАШИ
СООБЕЩЕСТВЕННИКИ
ОЦЕНИЛИ ЕЕ
ВО ДВОЙКОВУЮ
ЛИЦУ В КОНЦЕ
XVIII ВЕКА.

Не хлебом единым жив человек. В значительной степени еще и картофелем...

Грешно, должно быть, подверстывать к знаменитой библейской сентенции соображения гастрономического толка. Но да послужит автору оправданием его желание воздать должное этому удивительному дару природы.

Редкий плод земли так богат углеводами в виде крахмала. Биологическая питательная ценность белков картофеля, содержащих редчайшие аминокислоты, которые не в состоянии синтезировать человеческий организм, на 20 процентов выше, чем даже у белков... пшеницы! Шутка ли, если принять во внимание, что по весу выращиваемого урожая картофель не знает себе равных?

Однако и сказанным не ограничиваются достоинства «второго хлеба». Клубни — подлинно кладовые полезнейших химических соединений в самом счастливом сочетании. В них — минеральные соли кальция и железа, фосфора и натрия, калия и хлора, йода и серы.

И еще — аскорбиновая кислота, разнообразные витамины. А это ведь как раз то, в чем остро нуждаются люди при малокровии, заболеваниях щитовидной железы, гастрите, язве желудка. При ожогах и экземе народная медицина издавна рекомендует прикладывать к пораженным участкам кожи тертый сырой картофель. Катар верхних дыхательных путей лечат, вдыхая пар, образующийся при растирании только что сваренных клубней. Иными словами, картофель не только существеннейшим образом пополняет наше меню, но и выполняет многочисленные лечебные функции.

Без малого полтора века назад русский ученый В. М. Панов издал «Наставление, каким образом превращать картофельный крахмал в три часа времени в самый вкусный сахарный сироп без серной кислоты (купорос-

ного масла) и без кипячения, простая и особо выгодная ветвь промышленности для пивоваров, винокуров, хлебников, кондитеров, для шоколадных фабрик, для уксусных заводчиков, для сельских хозяйств, равным образом и для домашних хозяйств». Без крахмала и сегодня не может обойтись спиртовая и крахмало-паточная промышленность. Постепенно вытесняемый синтетическими полимерами, он все еще широко применяется в текстильном деле, в полиграфии.

Тонна картофеля способна дать 80 килограммов глюкозы. Спирт, образующийся при ее брожении, широко употребляется в парфюмерии и фармации — ни гидролизные, ни синтетические спирты тут непригодны. Крахмал картофеля необходим для приготовления колбас, кондитерских изделий, он используется и в других отраслях пищевой индустрии.

«Век мак не рожай — голода не будет», — утверждает народная пословица. Кто рискнет сказать подобное о картофеле в нашей стране, где он — один из главных продуктов питания? Ежегодно в СССР собирают более 100 миллионов тонн клубней — примерно столько, сколько во всей Западной Европе, или треть мирового сбора.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ПРИЗНАНИЯ

А между тем всего два с половиной столетия назад предки наши вообще ничего не знали о картофеле. История появления его на нашем континенте, утверждения в качестве важнейшей сельскохозяйственной культуры изобилует и драматическими моментами и курьезами.

В Европу Соланум туберозум (таково латинское название картофеля) завезен в сере-

дине XVI века из Южной Америки. Сейчас уже и не установить точно, кем именно. Одни считают, что испанскими конкистадорами. Другие — знаменитым английским мореходом и пиратом Френсисом Дрейком. В пользу последнего свидетельствует будто бы тот факт, что сохранилось его письмо одному из приятелей, где он сообщает: «Плод... так вкусен и питателен, что, по-моему, весьма полезно разводить его повсюду». Как видно, и пиратам, чьи главные жизненные интересы были весьма далеки от проблем растениеводства, нельзя отказать в проницательности...

Небезынтересно, как сказывался национальный характер в деле распространения новой культуры. Скажем, во Франции популяризация ее шла в духе традиционной галльской галантности. По совету известного химика Пермантье король Людовик XVI украсил однажды свой камзол букетом первых цветов, появившихся на кустах картофеля. Сие произвело оглушительный фурор среди дворян-модников. Спрос на фиолетовые цветочки резко подскочил, и у крестьян появился стимул для выращивания заморского злака... Что касается прусского короля Фридриха I, тот «агитировал» за картофель с солдатской прямолинейностью: издал указ, по которому следовало рубить уши и носы всем, кто уклоняется от выращивания оного.

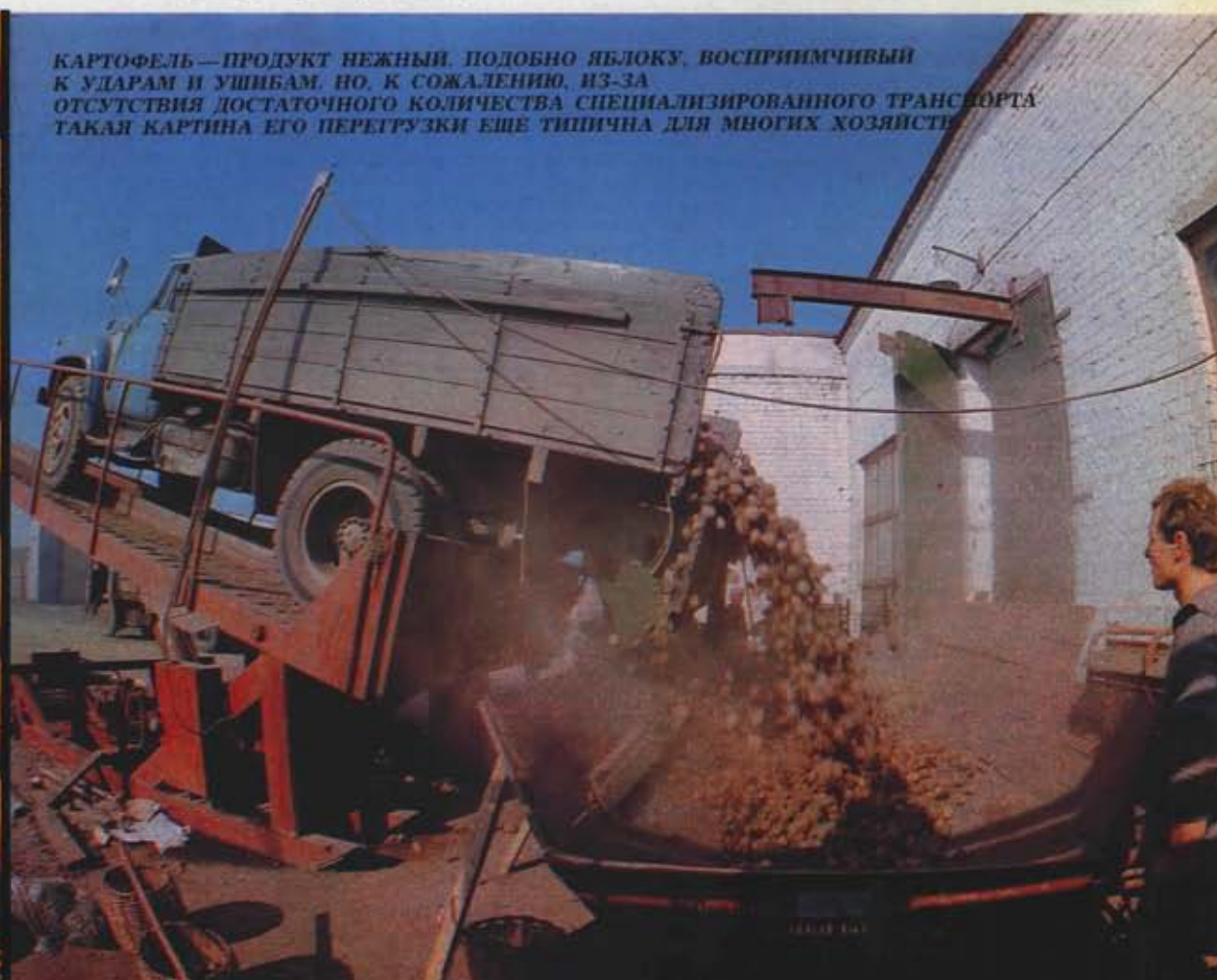
В России картофель появился стараниями Петра I. Путешествуя по Голландии, царь в 1700 году выслал графу Шереметьеву мешок клубней, приказав «партикулярным людям» позаботиться о разведении картофеля. Исполнено ли это было, нет ли — сведений о том не сохранилось. Но история донесла до нас тот факт, что в 1740 году Соланум туберозум выращивался в окрестностях Северной Пальмиры — им потчевали приглашенных на придворные банкеты.

Более века, однако, картофель пребывал в качестве раритета ботаниче-

ских садов и аптекарских огородов. Непопулярности его среди широких масс населения России не в последнюю очередь способствовала позиция, занятая церковью. С упорством, достойным лучшего применения, она не устала предавать анафеме «чертовы яблоки». Старообрядцы, так те даже составили поучение о том, что христианину, мол, грех употреблять клубни в пищу. Вот что сообщалось полтора века назад в книге «Быт русского народа»: «Есть уезды, где крестьяне даже боялись садить картофель, думая навлечь на свои поля неблагоприятие божье. Они уверены еще, что картофель предназначен для потребления нечистой силой, что он родится с головой и глазами наподобие человека, а потому, кто ест картофель, тот ест души человеческие».

Лишь к концу XVIII столетия многие наши соотечественники по достоинству оценили «земляные яблоки». И все же полевой культурой картофель в то время еще не стал, выращивался он в основном на огородных участках: трудно давалось знание того, как его выращивать, хранить и употреблять в пищу. Чтобы подвинуть дело вперед, правительственный указ 1797 года повелевал всем сельским приказным и деревенским выборным помогать крестьянам в размножении сева картофеля. Примечательное обстоятельство: для поощрения отличившихся земледельцев выделялись дополнительные покосы, пахотные земли для зерновых культур.

Расширению посевных площадей под картофель в большой мере способствовало всенародное бедствие, вызванное

КАРТОФЕЛЬ — ПРОДУКТ НЕЖНЫЙ, ПОДОБНО ЯБЛОКУ, ВОСПРИИМЧИВЫЙ К УДАРАМ И УШИБАМ. НО, К СОЖАЛЕНИЮ, ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ДОСТАТОЧНОГО КОЛИЧЕСТВА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТРАНСПОРТА ТАКАЯ КАРТИНА ЕГО ПЕРЕГРУЗКИ ЕЩЕ ТИПИЧНА ДЛЯ МНОГИХ ХОЗЯЙСТВ

Если уж по уму да по совести и чести — спаситель наш — огород! Тут и голову ломать незачем. В огороде же том самоглавнейший спаситель — скромное, многотерпеливое существо, участью долей схожее с русской женщиной, — картошка!

В честь картошки надо бы поставить памятник в России. Поставлены же памятники гусям, спасшим Рим. В Австралии будто бы есть памятник овце. Последнему волку Европы скульптуру изваяли! Ну если уж картошке монумент неловко, незачем воздвигать — плод все же, овощ, тогда тому, кто нашел этот плод в замор-

про нее? К слову сказать, воин наш русский многим обязан ей, родимой картошке! Где угодно готов это утверждать!

Фронтовые дороги длинные, расхлюпаные. Пушка идет или тащат ее; танк идет, машина идет, конь ковыляет; солдат бредет вперед на запад, поминая к разгу кого надо и не надо. А кухня отстала! Все-то она отстает, проклятая, во все времена и войны отстает. Но есть солдату надо хоть раз в сутки! Если три раза, так оно тоже ничего, хорошо три-то раза, как положено. Один же раз просто позарез необходимо.

Глянул солдат налево — картошка растет! Глянул направо — картошка

Поел картошки солдат, без хлеба поел, иной раз и без соли, но все равно готов и может вперед двигаться, врагу урон наносить.

Случалось, воды нет. В костер тогда картошку, в золу, под уголья. Да затажное это дело, и бдить все время надо, чтоб не обуглился овощ. А когда бдить-то? В брюхе ноет, глаза на свет белый не глядят от усталости. Значит, находчивость проявляй — в ведро картошек навали, засыпь песочком либо землю, чтоб не просыхивал воздух, и через минуты какие-нибудь кушайте на здоровье продукт первой важности, в собственном пару! А то еще проще простого способ есть: насыпь полную артиллерий-

Виктор АСТАФЬЕВ

ИЗ „ОДЫ РУССКОМУ ОГОРОДУ“

ских землях, выделил его среди прочих диких растений, в Россию завез и, рискуя головой, внедрял на русской земле. Был ведь в старые, темные времена и картофельный бунт!

В горах и под горами, в болотах и песчаниках, на глине и камешнике, меж дерев и в новине, на вспольях, на отвалах, на вырубках, на гарях, на всякой бросовой почве само собой вылезает на свет и живет растение, почти не требующее ухода и забот, — прополи, окучь, и все дело. Есть места, где, задухенная дымом и сажей, никакая тварь не выживает, ничто не растет, даже крапива и всякая жалочная травка сдалась, картошка, набравши цвет, тут же его, почернелый, тряпичный, роняет, и все равно плод в земле наливаются и кормит людей! Что есть, скажите, лучше этого растения? Хлеб? Да! Однако хлебу сколь воздано! Сколько о нем спето! Так отчего же, почему же мы, россияне люди, не раз, не два спасенные картошкой от голода и мора, забыли

растет! Лопата при себе. Взял за пыльные космы матушку-кормилицу, лопатой ковырнул, потянул с натугой — и вот полюбуясь: розоватые либо бледно-синие, желтые или белые, что невестино тело, картохи из земли возникли, рассыпались, лежат, готовые на поддержку тела и души.

Дров нету, соломы даже нету? Не беда! Бурьян везде и всюду на русской земле сыщется. Круши, ломай через колено, пали его!

И вот забурлила, забормотала картоха в котелке. Про родное ведь и бормочет, клятая! Про дом, про пашню, про огород, про застолье семейное. Как ребятишки с ладошки на ладошку треснутую картоху бросают, дуя на нее, а потом в соль ее, в соль и — в рот, задохнувшись горячим, сытным паром.

И нет уж никакой безнадежности в душе солдата, никакого нытья. Замокрело только малость в глазу, но глаз, как известно, проморгается!

скую гильзу картох, опрокидывая ее рылом в землю, пистоном вверх, разводи на гильзе огонь, а сам дрыхни без опаски. Сколько бы ты ни спал, сколько бы ни прохладился — картофель в гильзе изготовится так, что и шкурку изобрести ножом не надо — сама отлупится!..

Нет, я снова о памятнике речь завожу! Картошке, из которой люди наловчились по всему белу свету готовить с лишком две тысячи блюд, опоре нашей жизни — никакого внимания. По гривеннику всем людям труда — главным картофеледам — собрать, и пусть самые талантливые художники, самые даровитые скульпторы придумают памятник! Тот, кто умеет сочинять гимны, должен найти самые торжественные слова, и самые голосистые певцы споют картошке гимн на самой широкой площади, при всем скоплении народа.

Не знаю, кто как, я плакал бы, слушая тот гимн!

✻

Скрип —
дверь,
плача.

Сестра
младшая.
— Здравствуй, Володя! —
— Здравствуй, Оля! —
— Завтра новогодие —
нет ли
соли? —

Делю.
в ладонях вешаю
щепотку отсыревшую.
Одолеваю
снег
и страх,
скользит сестра.

идет сестра,
бредет
трехверстной Преснею
солить
картошку пресную.

Из поэмы
Владимира Маяковского
«Хорошо!»

КАРТОШКА

Песня пионеров 20-х годов

Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола...
Дразнит наше обонянье
Дух картошки у костра.

Здравствуй, милая картошка,
Низко бьем тебе челом.
Даже дальняя дорожка
Нам с тобою нипочем.

Ах, картошка — объеденье,
Пионеров идаль!
Тот не знает наслаждения,
Кто картошки не едал.

неурожайным 1839 годом. В середине прошлого столетия картофель в европейской части России становится повсеместно распространенной культурой. А после отмены крепостного права крахмальное производство и винокурение из картофеля в связи с быстрым ростом промышленности становится уже «особо выгодной ветвью»... Валовой сбор неуклонно увеличивается. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин приводит следующие данные. Если принять сбор картофеля в 1841 году за 100, то для позднейшего времени получаются такие цифры: 1861 год — 120, 1871 — 162, 1881 — 297, 1895 — 530.

...МИНУС ПОТЕРИ

Способность картофеля к акклиматизации такова, что в СССР он распространен практически повсеместно. Болотные почвы, сыпучие пески, неорошаемые земли крайнего юга, даже тундровые зоны (за исключением самых северных) — всюду он приживается. Правда, не везде плодородно одинаково хорошо. В принципе же и по сей день никто точно не определил потолок урожайности этой культуры. Так, специалисты рассказывают, что на Житомирщине в свое время удалось собрать 1288 центнеров картофеля с гектара.

В «Оде русскому огороду» Виктор Астафьев писал: «В честь картошки надо бы поставить памятник в России». Думается, если пожеланию писателя суждено сбыться, место такому памятнику — на Брянщине.

Часть снимков, иллюстрирующих этот материал, там и сделана. В Брянской обла-

сти — самое большое картофельное поле Российской Федерации (117 тысяч гектаров). Для земледельцев области это поистине коронная культура: занимая всего десятую часть пашни, она дает хозяйствам 30—40 процентов товарной продукции растениеводства в стоимостном выражении.

Конечно, хороший урожай стоит труда, затрат, и немалых. Начать с того, что уже в процессе сева на каждый гектар идет до трех тонн семенного материала — при наших масштабах это около 15 миллионов тонн клубней. Легко представить, сколько тут хлопот с их хранением, сортировкой, доставкой. И обидно сознавать, что значительная часть урожая безвозвратно теряется прежде, чем попадает на наш обеденный стол.

Как отмечалось на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, по целому ряду причин в развитии отраслей аграрно-промышленного комплекса сложились определенные диспропорции, накопились недостатки в области заготовок и хранения, транспортировки, переработки и торговли сельскохозяйственной продукцией. Ведомственная разобщенность в управлении вела к ошибкам в планировании и материально-техническом снабжении, проведении специализации и рационального размещения производства.

И умножались каналы потерь. Скажем, гигантские размеры картофельного поля страны (7 миллионов гектаров!), нехватка комбайнов, острый дефицит рабочих рук приводят к тому, что некоторые поля остаются вообще необработанными. Несколько лет назад, например, в РСФСР из-за ранних заморозков пропали десятки тысяч гектаров «второго хлеба». Далее. Пока лишь немногие

хозяйства выращивают ранние сорта, и потребности городского населения в картофеле, боязнь климатических «сюрпризов» понуждают брать из почвы незрелые клубни, особенно легко подвергаемые порче.

Картофель по своей природе нежный, сочный продукт, содержащий до 75 процентов влаги. Подобно яблоку, восприимчив он к ударам и ушибам. Тот, кто бывал на уборке «второго хлеба», знает, каким суровым испытаниям подвергаются клубни: их бьют бункера картофелеуборочных комбайнов, мнут валки сортировальных агрегатов (резиновые покрытия недостаточно эластичны и не избавляют клубни от повреждений). Из-за нехватки специализированного транспорта картофель везут в города на самосвалах, в плохих оборудованных вагонах, баржах, везут навалом, и от всего этого повреждения умножаются. В процессе уборки поврежденные клубни непосредственно в хозяйствах составляют до трети от общего урожая. По дороге с поля к хранилищу потери от механических повреждений достигают уже 50 процентов.

Но, к счастью, клубни картофеля обладают способностью к самозалечиванию, если их своевременно помещать в хорошо оборудованные хранилища. Однако и их не хватает — ни «Центросоюзу», ни торговле. Впрочем, даже в хороших условиях хранения пищевая ценность картофеля со временем снижается: содержание главного компонента — крахмала — падает к весне почти на тридцать процентов.

Так вот и получается: выращиваем треть мирового сбора «второго хлеба», а научно обоснованную физиологическую норму потребления его на душу населения в год (97,6 килограмма) не выдерживаем — одни области ее перекрывают, другие не дотягивают и до половины. Разумеется, тут сказываются и такие немаловажные факторы, как громадная территория страны, суровый климат

многих отдаленных регионов, неравномерность размещения транспортных коммуникаций. И все-таки...

Не случайно поэтому в Продовольственной программе содержатся конкретные указания о практических шагах, необходимых для снижения потерь сельхозпродукции. Один из самых существенных в применении ко «второму хлебу» — резкое увеличение промышленной переработки клубней.

КАРТОШКА С ЗАВОДА

«Берут пустой горшок, наполняют его необлупленным картофелем, накрывают жестяною крышкой и ставят в горячую печь, оборотив вверх дном. Смотря по большей или меньшей степени жара в печи, его держат по крайней мере с 1/2 до 3/4 часа. По прошествии этого времени картофель совершенно поспевает и имеет очень приятный вкус». Этим рецептом из старинной поваренной книги и по сей день может воспользоваться каждый. Рассыпчатый, обжигаящий клубень, приправленный маслом, укропом — ах, он в самом деле — объеденье!

И тем не менее — факт: во всех странах мира все меньше люди едят свежего картофеля и все больше — продуктов, изготовленных из него на специализированных предприятиях. Так, в США перерабатывают половину от валового сбора картофеля, в Дании — 20 процентов, в Великобритании — от 15 до 20 процентов.

Что ж, может, это очередной каприз гастрономической моды? Вовсе нет. Четко налаженный конвейер «поле — завод», оперативно вовлекающий в переработку значительную долю сырья,

НА ЛЮБОЙ ВКУС

(Рецепты взяты из книги «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», изданной в Санкт-Петербурге в 1897 году.)

ЗАПЕЧЕННЫЙ КАРТОФЕЛЬ С СЕЛЕДКОЙ

Сваренный очищенный картофель нарезать ломтиками; вымоченные две селедки очистить от костей, мелко изрубить; поджарить одну мелко изрубленную луковичу в двух ложках масла, смешать с селедкой; вымазать кастрюлю или блюдо маслом, положить рядами картофель и селедку с луком, посыпая немного толченым перцем, сверху посыпать тертою булкой, облить одною ложкою масла, поджаренного с одною луковичею.

ЗАПЕКАНКА, ИЛИ КАРТОФЕЛЬНАЯ ДРАЧЕНА

Очистить осьмушку (примерно 2 кг. — Прим. ред.) картофеля, обмыть,

сварить; когда будет мягок, слить воду, картофель же, в той же кастрюльке, тотчас размять деревянной толкушкой, пока он не остыл; посолить, положить полную ложку масла, мешать, чтобы побелело, влить 1—1½ стакана молока, размешать, положить 2—3 желтка или 1 яйцо, размешать, переложить в сотейник, вымазанный маслом, обсыпать сверху сухарями, испечь в горячей печи. Подавать к жаркому или лучше к завтраку.

КАРТОФЕЛЬ, ФАРШИРОВАННЫЙ КАРТОФЕЛЬНОЮ МАССОЮ

Крупный картофель очистить, вымыть, чисто обтереть и испечь, срезать верхушку, выбрать середину осторожно; одну луковичу поджарить в 1½ ложки масла, смешать с картофельною массою, посолить, положить перцу, нафаршировать картофель, поставить в печь на намазанном маслом железном листе. Подавая, можно облить соусом: распустить ложку масла, всыпать ½ ложки муки, развести 1½ стакана сметаны, всыпать соли, вскипятить.

МОЛОДОЙ КАРТОФЕЛЬ

Молодой картофель заключает в себе много водянистых частиц, поэтому его не надо варить в воде, а перед самым приготовлением очистить от

кожицы острой толстой лучиною, всыпать в кастрюльку, положить сверху ложку свежего масла, немного зеленой мелко изрубленной петрушки, посолить, накрыть крышкою, поставить кастрюлю на плиту, на сотейник непременно, тушить от 20 до 30 минут, смотря по количеству.

КАРТОФЕЛЬ РАЗВАРНОЙ В МУНДИРЕ

Вымыть, не очищая, опустить в холодную воду, сварить до готовности, слить воду, подавать к завтраку; отдельно соль и масло.

КАРТОФЕЛЬ ПЕЧЕНЫЙ

Не обмывая, обтереть картофель, зарыть в золу русской печи или испечь в духовой печи, чаще переворачивая, чтобы не пригорел. Подается к завтраку, отдельно соль и масло.

КАРТОФЕЛЬ РАЗВАРНОЙ ОЧИЩЕННЫЙ

Чтобы картофель был рассыпчатый, его надо очистить, вымыть, опустить в кипяток без соли, сварить до готовности, смотреть, чтобы не переварился, слить воду, тотчас посолить, накрыть крышкою, потряхивая, дать постоять так с ¼ часа. Таким картофелем и подается.

ИНТЕРЕСНО И ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ

■ Чтобы картофель в кожуре не разваривался, добавьте на один килограмм половину чайной ложки соли или немного уксуса.

■ Молодой картофель можно быстро очистить, если его положить на 15—20 минут в холодную подсоленную воду.

■ Картофель варите на умеренном огне, чтобы крахмал разбухал равномерно; при сильном огне картофель снаружи лопается, а внутри остается сырым.

■ Очищенный картофель нельзя оставлять надолго в воде, так как он теряет питательные вещества. Чистить нужно непосредственно перед варкой.

■ Картофельное пюре разбавляйте кипящим молоком, от холодного пюре приобретает серый цвет. Горячее молоко добавляйте в пюре постельно.

■ Картофель в духовке не лопается, если наколоть каждую картофелину вилкой.

■ Для того, чтобы жареный картофель стал хрустящим, солить его нужно в конце жарки.

позволяет основательно уменьшить его потери.

Предприятия, занятые выпуском картофелепродуктов, предлагают солидный их ассортимент — до 60 наименований. Вам нужно сделать надежный запас продовольствия? Пожалуйте — год сохранит вкусовые и питательные качества сухое картофельное пюре в виде крупки, хлопьев, гранулата; а вот еще сушеный картофель: кубиками, столбиками, ломтиками. Ресторанам и кафе адресуются продукты менее продолжительного хранения — быстрозамороженный картофель, или «фри» (ломтики, соломка), котлеты, биточки, клецки, кубики для салата. Те, кто предпочитает обжаренный в растительном масле картофель, могут выбрать чипсы, крекеры, крокеты. Делаются и полуфабрикаты — клецки, запеканки, оладьи, суфле.

Нетрудно догадаться, что кое-кто, прочитав эти строки, скептически улыбнется: за что ратуете? Кому нужны суррогаты?

Но вот авторитетное заключение Института питания АМН СССР: «В данном случае промышленность предлагает потребителю вместо свежего картофеля не заменитель натурального продукта, но сам натуральный продукт, только особым образом приготовленный в расчете на многообразие вкусов и запросов». Добавим от себя — создавая тем самым и условия для экономичного способа хранения. И будем помнить, что потребитель получает возможность приготовить то или иное блюдо куда быстрее.

По-разному складывается спрос на них в разных странах — сказываются и мода и традиции национальной кухни. По ту сторону Атлантики преобладает

выпуск замороженных картофелепродуктов, в Англии — обжаренных, во Франции и ФРГ наибольший спрос на сухие продукты питания из картофеля. Для улучшения вкуса, питательной ценности широко применяется биологическое обогащение. Более привлекательный товарный вид изделиям придают специальные поверхностные вещества. И спрос на «заводскую» картошку год от года растет.

Весьма высок он и в Советском Союзе.

Снимки, сделанные фотокорреспондентом на столичном комбинате производственного объединения «Колосс», дают зримое представление о современном уровне производства картофелепродуктов. Импортное оборудование, установленное здесь, позволяет ежегодно перерабатывать до 60 тысяч тонн сырья. Замороженные и обжаренные картофелепродукты, поступающие отсюда в московские магазины, на прилавках не залеживаются.

К сожалению, «Колосс» — пока исключение.

Объем производства продуктов питания из картофеля ныне равняется 15 тысячам тонн в год — менее килограмма на душу населения. В то же время во Франции этот показатель равен 10, в США — 30, а Дании — почти 40 килограммам. Много лучшего оставляет желать и ассортимент — менее двух десятков изделий. Причем подавляющую часть в нем занимают сухое пюре и сушеный картофель. Не налажен выпуск обогащенных картофелепродуктов с сухим обезжиренным молоком, белковыми обогатителями, сухие завтраки и картофельные концентраты, быстрорастворимый картофель.

Чем объяснить такое отставание? Оно — итог долговременной практики, при которой возобладало стремление хранить весь выращенный урожай картофеля в све-

жем виде. До начала шестидесятых годов пищевая индустрия, перерабатывая «второй хлеб», ограничивалась преимущественно производством сухого картофеля. Правда, затем на овощесушильных заводах Минпищепрома СССР появились 18 цехов, ставших выпускать сухое пюре. Однако существенных изменений в ассортимент это не принесло. Оборудование цехов с самого начала оставляло желать лучшего, а по истечении десятилетия оно и вовсе стало неработоспособным: устарело и морально и физически. Половина всех работ на основном и вспомогательном оборудовании ведется сегодня вручную. Например, изготовленные Минлегищепромом линии по производству сухого пюре в виде крупки требуют для обслуживания — сколько бы вы думали? — до 200 человек в сутки! Больше обычной общей численности персонала предприятий, где эти линии устанавливаются.

Нет и отечественного оборудования для производства замороженной и обжаренной продукции. Когда пищевики, наконец, признали целесообразность увеличения объемов промышленной переработки картошки, они стали ориентироваться на закупку импортного оборудования — вместо того, чтобы, оформив заказы, постоянно «терять» машиностроителей, добываясь от них оперативного создания современной техники...

Как тут не бросить упрек в неразвитости Минлегищепрому. В конце концов, если отрасль по каким-либо причинам не в состоянии собственными силами создать нужную технику, почему ей не попытаться сделать это в рамках кооперации с другими машиностроителями, со странами СЭВ?

РЕЗЕРВЫ ИНИЦИАТИВЫ

Уже к 1985 году, по прогнозам специалистов, потребность в продуктах питания из картофеля составит примерно двести тысяч тонн. По уровню технической оснащенности промышленность по-

ка не готова обеспечить такие объемы. Но решать проблему нужно. И здесь требуется смелость, широта, новый подход. Он уже намечен.

В последние годы определены важные меры по ускорению развития материально-технической базы картофелеперерабатывающей отрасли. Утвержден перечень объектов, подлежащих строительству, расширению и реконструкции в нынешней пятилетке. В их числе 12 заводов для изготовления картофелепродуктов общей мощностью 144 тысячи тонн в год. Размещение их планируется в крупнейших городах, расположенных в зонах массового картофелеводства.

Программа широкая, долговременная. Плоды реализации ее в полной мере начнут сказываться за пределами одиннадцатой пятилетки. И здесь закономерен такой вопрос: а что можно сделать уже в ближайшее время, сегодня, сейчас?

Прямо скажем — немало. Как ни скромна материально-техническая основа отрасли в той части, о которой идет речь, возможности ее используются далеко не в полной мере. В самом деле, фактический годовой сьем продукции с линий, вырабатывающих сухую крупку, составляет в РСФСР 34 тонны в год — всего 8—10 процентов от максимальных возможностей этого оборудования. Плохо работают аналогичные производства в Белоруссии, на Украине. А между тем есть отличный опыт коллектива Черниговского овощесушильного завода: четко налаженная организация труда, кропотливая работа по заготовке кондиционного сырья позволили ему довести сьем продукции с линий по выработке сухого картофельного пюре

до 410 тонн в год. Или взять работников Таурагского плодоовощного комбината в Литве: они сумели так перестроить поточную линию, что это в два раза повысило ее производительность.

Недаром говорится: инициатива сильна поддержкой. Когда последней нет, свои неизбежны. Специалисты разработали ряд новых видов продукции на базе сухого картофельного пюре — суфле, кулинарные начинки. Казалось бы, работники торговли и промышленности должны были тут же создать новинке деловую рекламу. Увы... И выпуск этих продуктов практически свернут. Или такой факт: олады московские, пользующиеся неограниченным спросом, супы с использованием пюре сегодня готовят только на «Колоссе», хотя это под силу всем пищекомбинатным заводам страны.

Можно, разумеется, уповать на закупку техники по импорту, ожидая, когда будут созданы мощные отечественные поточные линии. Но есть ведь и другой путь. На предприятиях Министерства рыбного хозяйства, Минмясомолпрома давно действуют поточные линии, которые при соответствующей

ЭТИ СНИМКИ СДЕЛАНЫ НА МОСКОВСКОМ КОМБИНАТЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «КОЛОСС», ГДЕ ПРОИЗВОДЯТСЯ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ ЗАМОРОЖЕННЫЕ И ОБЖАРЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАРТОШКИ.

ТАКИЕ ОВОЩЕХРАНИЛИЩА УЖЕ РЕАЛЬНОСТЬ.

ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ УРОЖАЯ НЕОБХОДИМ ТЩАТЕЛЬНО ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ ТЕМПЕРАТУРНЫЙ РЕЖИМ.

В НИИ КАРТОФЕЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РАБОТАЮТ НАД ВЫВЕДЕНИЕМ СОРТОВ «ЗЕМЛЯНЫХ ЯБЛОК» ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.

переработке могли бы с успехом использовать и картофелепереработчики. Кстати, это убедительно доказывает работа Минского научно-производственного объединения по производству продуктов из картофеля. Модернизированная с его помощью пельменная линия приспособлена для нужд картофелепереработчиков и уже работает в Геленджике. Относительно небольшие затраты дали несомненный выигреш. Побольше бы такого вот пристального внимания к опыту смежников!

КОМБАЙН СОЗДАН, НО...

Практика свидетельствует: в структуре общих трудовых затрат на выращивание «второго хлеба» две трети их приходятся на уборку урожая. Так что нет заботы более важной, чем максимальная механизация этого процесса. Было бы неверным утверждать, что земледельцам тут приходится действовать по старинке: лопату в руки — и айда! Нет, на вооружении у них сейчас картофелеуборочный комбайн ККУ-2. Проблема, однако, в том, что производительность его оставляет желать много большего.

Семь лет назад конструкторы Рязанского ГСКБ и ученые Всесоюзного института сельскохозяйственного машиностроения создали превосходную новинку — самоходный картофелеуборочный комбайн. Мощный двигатель, колеса высокой проходимости, автоматическое устройство управления... Не машина — мечта! Комбайн устойчиво держится на песчаных, торфяных и переувлажненных почвах, выкапывает и подбирает клубни одновременно с четырех смежных рядков. Производительность в два с лишним раза выше, чем у обычного комбайна ККУ-2.

Словом, машина, которую с нетерпением ждут на своих полях картофелеводы, создана. Она успешно прошла все государственные испытания и решением трех союзных ведомств — Госкомсель-

хозтехники, Министерства сельского хозяйства и Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения — получила путевку в серийное производство.

В одиннадцатой пятилетке земледельцы должны получить несколько тысяч картофелеуборочных машин. Должны, но получат ли? В прошлом году, например, вместо запланированных трехсот комбайнов производственное объединение «Рязсельмаш» изготовило только сто — оно не готово к массовому производству самоходных комбайнов: не хватает мощностей, не осуществляется техническое перевооружение заводов.

Ведомства, причастные к решению данной проблемы (Госкомсельхозтехника СССР, Минсельхоз СССР, Минсельхозмаш СССР, ВПО «Союзмаштехкультур») издали не один десяток приказов, распоряжений, указаний. Очевидно, пора претворять их в жизнь.

КЛУБЕНЬ НА КОЛЕСАХ

Сегодня особенно слабое звено в цепи «поле — прилавок» — транспортировка. Для доставки картофеля в город требуется специализированная техника, а в холодное время года — еще и рефрижераторная. В сентябре прошлого года в Москву поступало ежедневно по 700 вагонов картофеля. Внутригородские перевозки осуществляли более двух тысяч грузовых машин. Но в этом мощном парке почти нет автомашин со скошенными кузовами, разгрузочными транспортерами: на разгрузке вагонов практически не применяются инерционные разгрузочные устройства.

Все еще остается нерешенной проблема контейнеризации. Контейнеры избавляют клубни от многих неприятностей.

Но пока в стране не организовано массовое производство деревянных решетчатых контейнеров. Только для нужд Москвы требуется 2,5 миллиона штук, в наличии же — меньше миллиона. Но и там, где они есть, их преимущества как оборотной тары часто не используются. Дело в том, что контейнер эффективно может использоваться только в системе машин, в жесткой увязке с другим транспортом. Загруженный в поле, он весит около полутонны, значит, требуется погрузчик, а для последующей транспортировки — контейнеровоз, имеющий соответствующие размеры кузова. Хранение также должно быть рассчитано на приемку и обработку контейнеров. Но чаще всего этого нет. В некоторых хозяйствах даже порожние контейнеры нечем сгрузить — их просто сваливают, при этом бьют, быстро приводят в негодность. Вот и обрывается цепочка в самом начале.

ЗАЧЕМ КАРТОШКЕ ГОРОДСКАЯ «ПРОПИСКА»?

Расчеты показывают: 80 процентов собранного картофеля выгоднее хранить в местах производства и 20 — в местах потребления.

Но вот если речь вести о Москве, то здесь только 175 тысяч тонн картофеля хранится на подмосковных базах, приближенных к специализированным хозяйствам, да еще 15—20 тысяч тонн взялись сохранить у себя до весны эстонские картофелеводы. Все остальное прямо-таки лавинообразным потоком — до 50 тысяч тонн в сутки — устремилось минувшей осенью на плодоовощные базы Москвы. И тут, как говорится, не до качества и правил технологии: лишь бы успеть принять!

писку» на областную. Хранить картофель, плоды и овощи надо в местах их производства, а в Москву и другие крупные города доставлять по мере надобности, причем в максимально переработанном виде. Таково требование времени: экономика должна быть экономной!

Продовольственная программа СССР — документ огромной значимости. Он содержит в себе целостную систему мер по улучшению управления всем агропромышленным комплексом страны.

Пусть он будет нашим путеводителем в попытке заглянуть в завтрашний день картофельного поля державы. Возможно, в каких-то частностях мы и окажемся неточны. В главном же против истины не погрешим.

..Мощные автоматизированные комбайны с сепарирующими устройствами в считанные дни и с минимальными повреждениями клубней убирают урожай. По триста — четыреста центнеров картофеля дает каждый гектар поля. Клубни — округло-овальной формы, с поверхностным залеганием глазков: итог целенаправленной работы селекционеров, семеноводов, агрономов, создавших сорта с характеристиками, заданными перерабатывающими заводами. В контейнерах по триста, пятьсот, тысяче килограммов автомобили доставляют часть продукции поля в хранилища с принудительной вентиляцией, регулируемой температурой. Остальная — держит путь на картофелеперерабатывающий завод, расположенный недалеко. Здесь на мощных автоматических линиях совершается обычное чудо превращения картофеля в полуфабрикаты и готовые продукты питания самых разнообразных видов. Отсюда они начинают поступать к потребителю, живущему и в соседнем городе и за тридевять земель...

Вот цель, к которой мы идем. На этом пути, как видно, достаточно много сложного.

Но ничего невыполнимого.

Есть у специалистов такой термин: заземленность клубней. Так вот, в отдельных партиях картофеля земля составляет 20—30 процентов от всей перевезенной продукции. Нехитрые расчеты показывают, что в течение года вместе с клубнями в Москву завозится 22,5 тысячи тонн земли; на ее транспортировке занято дополнительно более 7 тысяч грузовых автомобилей! Если учесть, что за каждую тонну груза, доставляемого из области в столицу, берется плата из расчета пяти рублей, то, значит, общие затраты составят 225 тысяч рублей. И это не считая косвенных потерь на снижение плодородия почв в хозяйствах, ведь вместо того, чтобы вернуться на поля, плодородный слой забивает водопроводную сеть городов или, в лучшем случае, идет на разбивку газонов у плодовоощных баз.

Конечно, вариант хранения картофеля на месте предполагает строительство капитальных хранилищ в районах его производства.

Ну, а кто их должен строить — торговля, заготовители или сами производители картофеля?

На Украине, в Грузии есть опыт создания аграрно-промышленных объединений, которые держат в своих руках и выращивание, и хранение, и реализацию картофеля — как семенного, так и продовольственного.

Интересный опыт хранения картофеля в местах его производства имеется в Германской Демократической Республике, где пошли по пути формирования кооперативных объединений для строительства современных хранилищ. В объединение входят хозяйства-производители, фирма по реализации продукции и завод по переработке отходов. Таким образом, создается замкнутый цикл, позволяющий наилучшим образом сохранить клубни, утилизировать на месте отходы.

Словом, и собственная практика, и весь мировой опыт убеждают: картофелю давно пора сменить городскую «про-

КАКАЯ ОНА, КАРТОШКА. ДОШЕДШАЯ ДО ПРИЛАВКА?

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОЛОДОЖЕНЫ ИЗ ОМЕНИИ

В итальянском городе Омения (провинция Новара) сказали друг другу «да» Пиа Куриони и Фульвио Черутти — вы видите молодоженов на снимке. Ей — 84 года. Ему — 19 лет. Любовь, как известно, все возрасты покорны, и пути ее неисповедимы. Так что присутствовавшие на бракосочетании принесли свои поздравления и ей и ему. Кстати, она — богатая помещица, а он — складской рабочий. Трогательный пример социальной гармонии, не правда ли?

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ.

НОВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП?

Внимание ученых вновь начал привлекать так называемый «парниковый эффект» в земной атмосфере. Его усиление связано с возрастающей концентрацией углекислоты, величина которой сейчас на 25 процентов больше, чем в прошлом столетии, и является следствием сжигания в больших количествах угля, природного газа, дерева и продуктов переработки нефти. А ведь именно благодаря этому мы получаем большую часть столь нужной энергии.

А ее требуется все больше. Прогнозы таковы: в 2030 году общий расход энергии увеличится по сравнению с нынешним уровнем в четыре раза. Хотя те же прогнозы и утверждают, что в начале будущего тысячелетия часть расхода энергии в промышленно развитых странах будет компенсирована атомными электростанциями, однако половина общемирового расхода энергии придется на развивающиеся страны. Так что сжигание углеродного топлива к тому времени достигнет, по видимому, своего максимума, и годовой прирост концентрации углекислоты будет составлять около двух процентов.

В результате повышения содержания углекислоты в земной атмосфере и усиления действия «парникового эффекта» в начале XXI века, предсказывают специалисты, может произойти глобальное повышение температуры примерно на 3 градуса, а в Антарктиде — на 7—10 градусов. Это, конечно, приведет к усиленному таянию антарктических льдов и значительному повышению уровня Мирового океана. Не наступит ли тогда новый всемирный потоп? Впрочем, будем оптимистами: люди к тому времени, надо полагать, станут более бережно относиться к природе и постараются точнее учитывать возможные последствия своих действий.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ ШПАРГАЛКА

Одна японская фирма наладила производство ручных часов, в электронную память которых заложены англо-японский словарь, содержащий 1600 слов, и таблица спряжения неправильных глаголов. Такие часы нашли большой спрос не только у желающих выучить английский язык, но и у абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения. Впрочем, профессора быстро разобрались, что к чему, и запретили являться на экзамены по иностранному языку с электронной шпаргалкой.

«АКАХАТА», ЯПОНИЯ

«СПАСИБО, ХЕЛЛИОН!»

— Хеллион, дай мне поесть... Дай лекарство...

Дрессированная обезьянка послушно исполняет приказания своего хозяина Роберта Фостера, после аварии потерявшего способность передвигаться. И трудно представить себе, как бы он обходился без ее помощи.

Мысль о специальной дрессировке обезьяны пришла в голову пси-

Привет в загробный мир

Не признает никаких табу бес предприимчивости! Вот еще один тому пример... Американец Гэиб Гэйбор основал в Калифорнии фирму «Хэйвенс юшюн» («Небесное сообщество»), которая занимается тем, что передает послания не куда-нибудь, а в загробный мир. Тексты — любого содержания. А техника передачи информации «отсюда — туда» такова: Гэйбор и трое его сотрудников разыскивают в калифорнийских больницах смертельно больных и нанимают их на роль «почтальонов» — «привет в небытие» они должны передать лично, находясь «там»... После смерти «почтальона» его близкие получают по 10 долларов за привет, а фирма — по 40 долларов от заказчиков...

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

«ТЕНИ» НА ЗАКАЗ

Профессор Артур Джеймс Элисон — декан факультета электроники и электротехники в Лондонском университете. Он же возглавляет британское общество парапсихологии, которое уже сто лет занимается изучением «сверхъестественных явлений». Уважаемый специалист по электротехнике недавно заявил в прессе: «Несколько лет назад я лично встречался с призраком. Кроме того, я два раза переживал, как выхожу из собственного тела. Личный опыт имею и в парапсихокаллиграфии: однажды невольно писал почерком умершего человека».

Подобные высказывания охотно используют в своей рекламе британские туристические компании, для которых организация «экскурсий к призракам» уже долгое время является доходным бизнесом. Рекомендуются 19 отелей, где витают духи, хотя и не даются гарантии встречи с ними. Желающие могут посетить старье города Бат, Йорк и Честер, у которых кровавое и неспокойное прошлое. В Честере, утверждает рекламный проспект, обитает самый старый призрак в стране — римский легионер, который в ночное время

бродит по улицам, брэнча доспехами...

Однако страдающий бессонницей римский легионер не может сравниться с подлинно английскими духами. Они гнездятся главным образом в темных и опустевших сельских домах и замках, где произошло не одно убийство. Согласно данным английского «клуба духов», в 236 старинных замках есть шансы пообщаться с духами.

Утверждают, что в одном шотландском селении часы на башне заводятся неизвестно кем, а в церкви на южном берегу Англии ночью кто-то играет на органе. В одном отеле в полночь приходит в движение бездействующий уже несколько лет лифт. В духов верят или говорят, что верят, многие. О Доне Рэви, бывшем тренере национальной сборной Великобритании по футболу, известно, что перед некоторыми трудными встречами на поле своего клуба «Лидс» он пользовался услугами одной «мудрой дамы»: она приводила в движение духов, обитающих под стадионом, и они помогали решить судьбу матча в пользу «Лидса»...

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

ПЛЕННИКИ КАШАЛОТА

Группа бирманских рыбаков подверглась драматическому испытанию. В полутора километрах от берега они расставляли сеть и в этот момент, к своему удивлению и ужасу, почувствовали, что какая-то неудержимая сила подхватила сеть вместе с подками и понесла в открытый океан. Борьба людей с «морским драконом» продолжалась 48 часов, и не один раз они подвергались риску быть поглощенными морской пучиной. Наконец, после долгих усилий рыбакам удалось «пришвартовать» разбушевавшееся чудовище к берегу. Им оказался десятиметровый кашалот весом в пять тонн. «Гонка за лидером» не закончилась трагически только потому, что кашалот был ослаблен произошедшей у него до этого схваткой с другим исполином морских глубин...

«СКЫНТЕЙЯ»,
РУМЫНИЯ

«ЖИВОТ», ЧССР

Плохо с ролями для Пэтти Дэвис...

Актриса Пэтти Дэвис в свои двадцать девять лет не создала ни на экране, ни на сцене ничего примечательного. Она перебивалась на проходных ролях в постановках телевизионной компании Эп-би-си, как вдруг в январе 1981 года с ней был подписан годовой контракт на 100 тысяч долларов. Впрочем, слово «вдруг» вряд ли уместно. Дело в том, что Пэтти носит девичью фамилию своей матери. По отцу она — Пэтти Рейган. Да, дочь голливудского актера Рональда Рейгана, который в том самом январе 1981 года вступил на пост президента США. Существует ли связь между падающей популярностью Рейгана (что подтверждают все опросы институтов по изучению общественного мнения) и тем, что сегодня боссы телекомпания, умеющие считать деньги, отказались продлить контракт с дочерью президента? Ролей для нее не находят...

Пэтти Дэвис-Рейган, разумеется, не нуждается в пособиях, как многие ее безработные коллеги. Но вот звездой ей очень хотелось бы стать. А с этим что-то не получается.

«ШТЕРН» ФРГ.

Матч гигантов

В небольшом провинциальном таиландском городке Суриу, в 450 километрах от Бангкока, местные жители стали свидетелями не совсем обычного футбольного матча — между двумя командами слонов. Хотя «игроки» имели высоту 2,7 метра и вес около 5 тонн каждый, действовали они на хороших скоростях (около 40 км в час) и демонстрировали виртуозное владение мячом. В день проведения матча на стадион, расположенный на окраине города, прибыли и «болельщики»: свыше 200 слонов, украшенных разноцветными лентами, игрушками и коврами. После матча слоны-футболисты и слон-зрителю приняли участие в торжественном шествии по центральной улице города. Праздник слонов — традиция в Таиланде. Так местные жители проявляют любовь и уважение к животным, которые являются их главной опорой в нелегких крестьянских буднях.

«КУТЕЗАТОРИ» РУМЫНИЯ

«Миллион... еще миллион... кто больше?»

Армандо Марадона — «чернокудрое чудо» аргентинского футбола. Ему всего 21 год, но он уже признанный кумир 27 миллионов аргентинцев, самый дорогой футболист мира.

Астрономическую для футбола сумму — порядка 10 миллионов долларов — должен был выплатить клуб «Бока юниорс», решивший перекупить Марадону у «Аргентинос юниорс». Четверть ее необходимо было выплатить сразу же в качестве «платы за прокат». А чтобы получить единоличное право владения суперзвездой, «Бока юниорс» обязался перевести на счет «Аргентинос юниорс» еще 4 миллиона долларов в течение двух последующих

месяцев. Но и это не все. Марадона переходил к новому владельцу не один, а... со всеми долгами своего прежнего хозяина. И все же, несмотря на эти не очень привлекательные условия, «Бока юниорс» пошел на сделку. И — потерпел финансовый крах. «Самый дорогой футболист мира» оказался клубу не по карману. «Бока юниорс» был вынужден объявить себя неплатежеспособным. После чемпионата мира по футболу в Испании аргентинский клуб уступил «чернокудрое чудо» тому, кто больше заплатил. На этом аукционе победителем оказалась испанская «Барселона».

«ХОРИЦОНТ», ГДР

ХРАМ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

В одной из пещер Северной Испании (район Сантандер) группа испанских и американских археологов обнаружила лобоподобную каменную скульптуру, возраст которой определен в 14 тысяч лет. Каменное лицо — наполовину звериное, наполовину человеческое — занимало центральное место в пещере, которая, видимо, служила своеобразным храмом. Ученые считают, что это первый найденный храм эпохи палеолита.

Естественная вертикальная трещина в камне (его высота 35 сантиметров) разделяет лицо на две части — правая половина представляет собой часть лица мужчины с бородой и усами, а левая похожа на морду хищного животного, вероятно, льва или леопарда.

Археологи считают, что это — изображение некоего «сверхъестественного существа», несомненно, связанное с древним охотничьим ритуалом. Есть предположение, что правая часть каменного лица олицетворяет добро, а левая — зло. Подобные метафоры часто встречаются в позднейших культурах, но эта — самая древняя.

Пока еще ничего не известно о богах, которые почитались человеком палеолита, но ученые считают, что находка в Северной Испании имеет все черты святых. В пещере обнаружены обломки орудий труда и охоты, а также кости животных. Поверхность пола свидетельствует о том, что помещение эксплуатировалось весьма активно, но люди здесь, вероятно, постоянно не жили.

«САЙЕНС НЬЮС», США

ПОЛЕТ К ЗВЕЗДЕ БАРНАРДА

Группа английских ученых предложила совершить непилотируемую космическую полет к звезде Барнарда, находящейся на удивительно далеком расстоянии от Солнечной системы. Скорость корабля после 3,8 лет полета достигнет 12 процентов от скорости света — 2,16 млн. км в час. Через 50 лет посланец с Земли совершит посадку на звезде Барнарда. Контроль за полетом будут осуществлять электронно-вычислительные приборы, установленные на космическом корабле, а бригада роботов устранит возможные неполадки в функционировании бортовых систем. Мини-компьютеры роботов позволяют им принимать некоторые самостоятельные решения.

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Конец одного чуда

«Продам почку за 25 тысяч долларов. Мне 28 лет, группа крови А, положительная. Тайна гарантируется».

Объявления такого рода — отнюдь не сенсация в бразильских газетах. Причина — крайняя нужда, вызванная массовой безработицей. В настоящее время только в крупных промышленных районах Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Белу-Оризонти и Ресифи насчитывается свыше двух миллионов человек, которые не знают, как прокормить свои семьи. Все они являются жертвой политики, которая именовалась «бразильским экономическим чудом» и основывалась на обширной (но отнюдь не бескорыстной) помощи международного капитала. В итоге внешний долг страны вырос до 56 миллиардов долларов, причем одни лишь проценты за 1981 год составили 15 миллиардов долларов.

Голод вынуждает людей красть. Преступность стремительно растет, особенно среди молодежи. «Отчаявшийся человек чрезвычайно опасен», — предупреждает известный бразильский юрист Собрал Пинто. В городе Салвадор это предупреждение стало кровавой реальностью: когда «отцы города» решили увеличить стоимость проезда на городском транспорте на 61 процент, началась стихийная демонстрация протеста. Пуля одного из полицейских оборвала жизнь 17-летнего юноши, двое полицейских были убиты камнями, которые бросала разъяренная толпа...

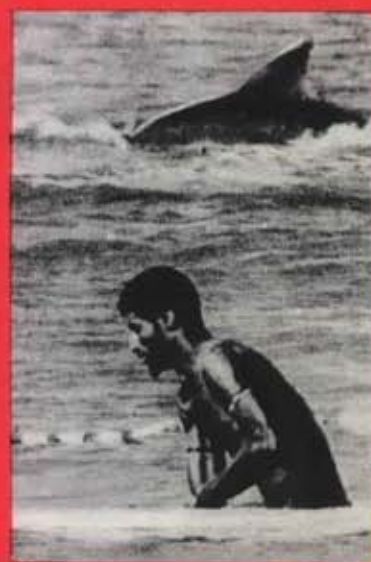
«ПОНТУ», ПОРТУГАЛИЯ

ЛЮДИ И ДЕЛЬФИНЫ

Рыбная ловля — практически единственный источник существования для племена имражен, которое населяет прибрежные районы Мавритании. Здесь проходят миграционные пути желтой кефали. Завидев рыбный косяк, местные жители расставляют концентрическими полуокружностями свои сети. Затем один из мужчин начинает ударять палкой по поверхности воды. Это привлекает охотников поблизости дельфинов. Их появление вынуждает кефаль направиться к берегу, где напуганная рыба попадает прямо в сети.

Дельфины приплывают каждый год ко времени лова. Естественно, оказывая энергичное содействие рыбакам, они также принимают участие и в пирушке — рыбы обычно бывает достаточно для всех.

«НАУКА И ТЕХНИКА ЗА МЛАДЕЖТА», БОЛГАРИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

Людмила КОХАНОВА,
кандидат
филологических наук.
Фото Валентина ГУКОВА

**ЖЕЛАНИЕ ПРИКОСНУТЬСЯ
К ИСТОРИИ ПРИВЛЕКАЕТ
СЮДА МНОГО МОЛОДЕЖИ.**

**КОЛОННЫ ИЗ ГОЛУБОВАТОГО
ПРОКОНЕССКОГО МРАМОРА —
ОСТАТКИ ДАВНЕЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ — И НЫНЕ
УКРАШАЮТ БЕРЕГ МОРЯ.**

прочная нить вдруг протягивается от этих остовов безжизненных сегодня городов, во многом бесформенных руин, от этих храмов и бывших когда-то жилыми кварталов, к нам, нынешнему поколению, живущему на этой же земле, у этого же гостеприимного Черного моря — Понта Евксинского, как называли его греки, под сводами того же неба. История по-разному распорядилась с

ТАМ, ГДЕ ШУМЕЛА АГОРА

Рассматриваю мраморную плиту, на которой неизвестный скульптор изобразил подвиги Геракла. Вот он ведет на цепи трехглавую собаку — Церберу, который, по представлениям древних греков, охранял вход в подземное царство Аида. Слева — сцена борьбы с великаном Герием, у которого Геракл увел коров. Справа — он похищает золотые яблоки из сада Гесперид.

Мифы Древней Греции. Кажется, мы их знали всегда. С первыми книжками, диафильмами, «мультфильмами» вошли они в нашу жизнь. Где-то, когда-то, в какой-то дали, и временной и географической, жили удивительно смелые и сильные люди, о которых слагались предания, песни. Но вот у этого барельефа достаточно точный адрес — Крымское побережье.

Или вспомним миф об Ифигении, которую отец принес в жертву богам. Сжалившись над невинной, трепетной, как лань, девушкой, сами боги решили спасти ее и перенести в неизвестные края. Как утверждают ученые, речь идет опять-таки о Северном Причерноморье, давшем приют и спасение бедняжке. Да, непросто свыкнуться с мыслью, что древняя античность имеет самое непосредственное отношение и к той земле, которую мы хорошо знаем. Но археологические раскопки представляют веще-

ственные доказательства буквально на каждом шагу.

И вместе с учеными ежегодно тысячи людей, приезжающих на Черное море, открывают для себя нашу «античность».

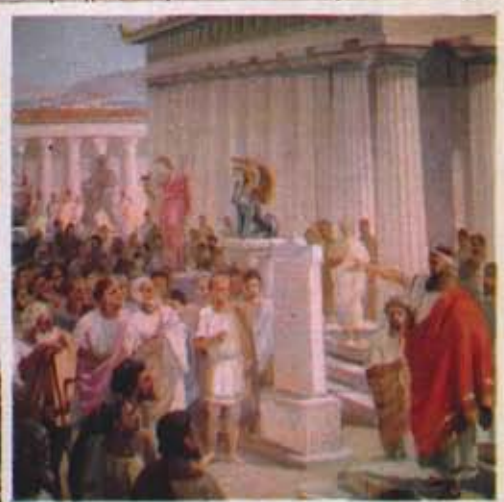
В Херсонесском музее, что в Севастополе, можно совершить целое путешествие в прошлое. С трепетным чувством внезапного открытия идешь по лабиринтам этих, словно по линейке прочерченных улиц со следами водопровода, по площадям древнего Херсонеса, где в углублениях древних плит — пригоршни воды от недавно прокапавшего дождика, где терпкий запах полыни и чебреца вперемешку с солончатой, морской, настоящим на водорослях. Непременно выходишь на площадь, нависшую над морем; здесь сохранились остатки храма. Колонны из голубоватого проконесского мрамора, увенчанные пышными капителями, мраморный пол центрального и расписанные удивительной мозаикой полы боковых нефов, любовно восстановленные археологами. И уже совсем нетрудно представить, как восходящее солнце, проникающее в мрачное с виду здание через высоко расположенные — почти над самой крышей боковых нефов — окна, заливают своим торжественным светом все пространство, создавая возвышенное настроение. А далеко внизу, на огромных валунах, греются на солнышке реальные, бронзовые от загара мальчишки,

нанярившиеся до огненных чертиков в глазах. Вот один разжимает кулак. На ладони — старая потертая монета, которую, возможно, когда-то чеканили здесь же, на монетном дворе, мимо которого, полностью восстановленного, проходят все экскурсанты. Соприкосновение с историей не оставляет равнодушным никого. Поднимаясь на гору Митридат, волнуешься, будто сдаешь трудный экзамен.

Еще у подножия вдруг обращаешь внимание, что стоишь на плитах, которым и возраста не определить. Может, их добывал в незапамятные времена в каменоломне, а потом грубо обтесывал и мостил ими площадь безмянный раб-строитель столицы древнего Боспорского царства Пантикалеи, которая была на месте нынешней Керчи.

Есть в планировке тесных митридатских дворишков и сегодня что-то от давно прошедших времен, когда каждая пядь земли внутри крепостных стен доставалась с боем, и двери, окна помещений выходили, смотрели в небольшой, увитый виноградом дворик. Но вот террасы-улицы обрываются. И опять затянута дерном, поросшие кустарниками склоны, приоткрывают каменные плиты площади, колодцы, фундаменты жилых домов, следы оборонительных башен и крепостных ворот, стены и колоннады здания...

Будто невидимая, но неразрывно

**ТАК ПРИСЯГАЛИ НА ПРАВО
ГРАЖДАНСТВА
В АНТИЧНОМ ГОРОДЕ.**

античными поселениями. Одним даровала долготлетие. Двадцать пять веков стоит Феодосия, основанная выходцами из Милета на берегу удобной бухты, выгнувшейся в форме лука, наводя на мысль о некоем сказочном Лукоморье. Двадцать веков простоял Херсонес, пережив расцвет не только античного, но и средневекового города.

Другие, не успев выйти и из юношеского возраста, были стерты с лица земли. В районе Судака и Нового Света археологи до сих пор ищут остатки Афинена, о котором упоминает еще древний автор Флавий Ариан.

Как правило, все эти города стали появляться на берегах Черного моря примерно с VII века до нашей эры. Одни раньше, другие позже. Это были самостоятельные рабовладельческие государства, или полисы, поддерживающие экономические, культурные, религиозные связи с метрополиями. Об этом более чем красноречиво говорят предметы материальной культуры, которые сегодня можно увидеть не только в местных, но и в столичных музеях. Многие, наиболее ценные, хранятся, например, в Эрмитаже. Вчитайтесь в эти названия: Пантикалея, Мирмекий, Тири-така, Нимфей, Киммерик, Феодо-

сия — это в восточном Крыму. Херсонес, Керкинитида, Калос-Лимен, что расположились на западном побережье. Музыкой утерянных инструментов звучат они.

Но не спешит прошлое расставаться со своими тайнами. На самом деле, не всегда «на местности» мы найдем отчетливые следы изначальной Керкинитиды на месте нынешней Евпатории, Калос-Лимена или Прекрасной Гавани в современном Черноморске. Мы знаем, где была античная Феодосия, она же — средневековая Кафа. Но можем долго бродить, спускаясь к морю, этими изогнутыми сразу в трех измерениях улочками, которые успевают скользить вниз, забирать вправо или влево и даже наклоняться из стороны в сторону, как палуба корабля при сильной качке, но вряд ли воочию увидим то, что искали. Разве что в раскопе возле башни Криско на Карантине найдем каменную кладку исчезнувшего города. По этому поводу еще А. С. Пушкин, путешествуя в Крыму, писал брату: «Морем мы приехали в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу следы Пантикапеи, думал я, на ближайшей горе среди кладбища увижу я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот все, что осталось от Пантикапеи».

С той поры кое-что удалось археологам отвоювать у времени, в той же, например, Пантикапее. Но далеко не все. В этом плане больше всего, пожалуй, повезло Херсонесу. Буквально у входа в музей будто из земли растет, распустился округлой чашей большого цветка античный театр — единственный известный сегодня на территории нашей страны. Рядом грандиозные, еще и сейчас готовые принять на себя удар врага оборонительные стены со знаменитой

башней Зенона, которые по сохранности не уступают фортификационным сооружениям других городов Древней Греции. И это простояв двадцать веков!

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, — писал А. С. Пушкин, — не уважать оной есть постыдное малодушие». Значение этих слов понимаешь, набродившись досыта среди этих каменных летописей, попытавшись представить, какими были эти люди, жившие так далеко от нас. Вот дорога, ведущая к Херсонесу. Петляет она асфальтовой сине-сиреневой лентой, огибая новые жилые микрорайоны нынешнего города. Где-то здесь, из-за этой Девичьей горы, по этой же дороге, только выбитой копытами лошадей, в клубках пыли неслась конница скифов, ставших грозной силой в Северном Причерноморье на рубеже зр. По ней же спешил на помощь полководец Диофант, посланный из Пантикапеи Митридатом по обоюдному договору обеих сторон. Правда, за эту помощь Херсонесу пришлось расплачиваться независимостью и войти в состав державы Митридата. Да, только такой ценой удалось избежать разрушения города. И опять же отсюда, из этой степи привел свое войско киевский князь Владимир, чтобы взять приступом город. И где-то здесь сделали херсонитяне подкопы под этими неприступными стенами и за ночь уносили всю ту землю, которую за день насыпало около них войско Владимира, чтобы поутру идти на приступ этих стен.

Вряд ли мы сегодня найдем даже среди восстановленных кварталов древнего Херсонеса дом, в котором жила Гикия, дочь Ламаха, одного из правителей Херсонеса. Ни в одном справочном бюро не дадут ее адреса. Но мы с ней знакомы. Не только ее имя, но и рассказ о ее подвиге дошел до нас сквозь века. Как рассказывают каменные надписи, царь Боспора женил на ней своего сына, чтобы спустя некоторое время воспользоваться этим обстоятельством и попытаться произвести в

ЭТОТ АНТИЧНЫЙ ТЕАТР — ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ СЕГОДНЯ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ.

УНИКАЛЬНЫЕ НАХОДКИ — ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА НАШИХ ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ — ХРАНЯТСЯ СЕГОДНЯ В ЭРМИТАЖЕ. ИХ ВОЗРАСТ ИСЧИСЛЯЕТСЯ ВЕКАМИ.

АРХЕОЛОГИ ВЕДУТ РАСКОПКИ НА МЕСТЕ ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА.

городе переворот, лишив его независимости. Боспорский царевич тайно стал прятать в подвалах своего дома воинов, с помощью которых собирался ночью напасть на горожан. Об этом случайно узнала Гикия и, рискуя своей жизнью, успела предупредить сограждан. Переворот не удался, они погибли в огне дома Гикии. Благодарные херсонитяне наградили Гикию высшей наградой — ей, увенчанной лавровым венком, была поставлена статуя на главной площади города — агоре.

И не на этом ли самом месте, где стою я, на тесноватой по сегодняшним меркам площади, когда-то окаймленной фиговыми, тузовыми, кевовыми деревьями, волнующийся юноша, доказывая свое право на гражданство, срывающимся голосом произносил перед собравшимися присягу граждан Херсонеса, в которой каждое слово было проникнуто одной главной заботой — защита и безопасность отечества. «Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной Гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которую херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа» — доносится к нам сквозь века.

А на другой площади, место которой до сих пор не могут указать точно археологи, где-то у подножия горы Митридат вел на восстание против могущественных владык рабов и городскую бедноту скиф Савмак. И не здесь же, на этой самой не найденной сегодня агоре, решилась судьба самого Митридата IV Евпатора, подчинившего себе Боспорское царство, — выдающегося правителя своего времени. Если судить по рассказам древних авторов, незадолго до похода на римлян против него поднялось войско. Мятеж возглавлял царевич Фарнак. С террасы своего дворца, который находился на горе, за стенами акрополя, престарелый Митридат видел, как врубались сыну атрибуты царской власти. Но ни договориться с восставшими, ни бежать он не мог. Бесплодной оказалась попытка отравиться: царь едва ли не с детства принимал яды, чтобы не быть отравленным, и привык к ним. Тогда Митридат приказал заколоть себя — это сделал начальник его охраны.

Какой удивительной эстафетой дошло до нас это веление древних, которое «запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть»?

Отвечать у истории хоть кусочек ушедшей жизни — это все-таки полдела. Куда сложнее добытое с таким трудом сохранить, доставить в целостности и сохранности нашим детям. К сожалению, в этом убеждаешься на каждом шагу, знакомясь с античными городами Крыма. Естественно, обо всех случаях не расскажешь. Но бесспорно одно — плохо мы еще бережем наше прошлое, позволяем себе быть с ним небрежным. Сколько еще надписей, своеобразных автографов экскурсантов встретить в таких недоступных местах, что только диву даешься — как они туда добрались, не сломав шеи. Более того, есть сооружения, которые пережили века, а под напором туристов устоять не могут. И это грустно. И не только в туристах дело. Всего лишь один пример. Достаточно интересным открытием последних десятилетий советских археологов можно считать систему земельных наделов-клеров в округе Херсонеса. Это удивительный памятник экономики и земледелия рабовладельческой эпохи, равного которому нет во всей обширной области Средиземноморья. Раскопана, например, усадьба, построенная в конце IV — начале III века до нашей эры. Она долго существовала, не раз перестраивалась. В углу ее обнаружена башня, сложенная из массивных блоков камня. Рядом баня. Но главное — удивительно хорошо сохранился винодельче-

ский комплекс с двумя давящими площадками и грузом для пресса. Древние люди были не только воинами, но и прекрасными земледельцами, виноделами, мастерами по засолке рыбы, выделыванию кож, гончарному ремеслу. Это еще раз подтверждают последние находки. Но, к сожалению, большая часть клеров уже безвозвратно погибла для нас с вами. Достаточно сказать, что если в 1955 году их было взято на учет 83, то сегодня эта цифра сократилась почти вдвое и продолжает уменьшаться. Город стремительно растет. Ему тесно в старых рамках. Он жадно тянется к морю. Это понятно. И тем не менее, не считай их охрану только делом археологов и музейных работников, и польза была бы для всех, и в воспитательном, и даже производственном отношении. Заинтересовались же, например, винодел, виноградарь, агрономы Крыма последними находками археологов. Теперь они частые гости на раскопках. Организация земледелия и древней агротехники виноградарства задает еще много вопросов специалистам. И не на все найдены ответы. Поэтому они договорились с археологами, позаимствовали у них найденный винодельческий комплекс и в целостности и сохранности перенесли его на лабораторный полигон Всесоюзного института виноделия и виноградарства «Магарач», который стараются использовать для изучения технологических процессов древнего виноделия. Будут искать, экспериментировать. Вот когда ощущаешь эту бездну времени. Спросил бы, и все дела. А спросить-то и не у кого. Разгадывай загадки, заданные твоими предками.

И как намного интереснее найти на них ответы самому, в буквальном смысле слова докопаться если не до сути, то до находки, которая приоткрывает завесу неизвестного! Об этом мне говорили студенты Московского и Свердловского университетов, Московского областного педагогического и Севастопольского политехнического институтов, с которыми познакомилась на раскопках в Херсонесе. Они работали в экспедиции, потому что их профессия в будущем прямо или косвенно связана с археологией, другие — по велению сердца, именно «чтобы приобщиться к истории». И вторых, как ни странно, было больше. «Обыкновенная рабочая сила, землекопы» — подшучивают они сами над собой, ловко орудуя то лопатой или киркой, а то и ножом и щеткой, руками, чтобы вдруг не повредить незамеченный черепок, украшение или другой предмет такого далекого быта, виртуозно провоза наполненные землей тачки по скрипящим мостикам, проложенным вдоль и поперек раскопок.

— Мы говорим — соприкосновение с историей, — наиболее точно выразил мысль Валерий Борисов, выпускник Московского областного педагогического института, староста кружка древней истории и археологии. — Лустые слова, если не потрогал эту историю своими руками, если не подержал в руках вот такой черепок. — Он наклонился и поднял с земли только найденный, еще весь в глине, кусочек. — Да еще определить надо, чья эта тонкостенная чаша с выпуклым орнаментом, о чем рассказывает, в каком веке ее мастер обжигал. Когда определишь это, такое чувство радости возникает и гордости за того мастера, мне неизвестного, но ближе которого мне в этот миг нет человека. Наверное, это и есть сопричастность. Неравнодушные к прошлому. К себе в конечном счете.

Держу на ладони зерна пшеницы, сохранившиеся с той поры, — недавняя находка археологов. Они скорее похожи на пепельно-серые дробинки. Какой пахарь их вырастил, какой земледелец не засеял ими вновь поле, не испек хлеба? Вряд ли когда узнаешь. Но вот они, как эстафетная палочка, дошедшая по назначению. И хочется верить: брось их в землю, дадут они всходы. Спустя тысячелетия. Это и есть связь времен, то, что мы называем историей...

Читательская дискуссия «Хочу быть первым»

Бумеранг

Уважаемая редакция!

Работаю я директором сельского Дома культуры. Должность эта хлопотная, забыла, когда и отдыхала по-настоящему. И так уже четвертый год. Сначала хотела уйти от трудностей, а потом привыкла. Привыкла и к огорчениям и к радости. Но это все личное.

А вот к чему никак не могу привыкнуть, что очень тревожит, так это то, насколько сейчас люди болеют «вецизмом». Той самой болезнью, о которой так ярко и красочно написано в откровении В. Владимирова. Удивляет больше всего то, что этим заболели мужчины — молодые, здоровые. Они испепеляют свои нервы, здоровье на проходящие ценности, уродуя при этом душу, сознание. Плохо, неуютно рядом с такими людьми. Они озабочены только тем, как обзавестись нужными связями и перещеголять в этом

ИСТИННОЕ

сослуживцев и соседей. Незаметно в них начинают преваляровать чувства высокомерия, неподступности. Это травмирует не только их близких и родных, но и всех, ктовольно или невольно соприкасается с этими людьми. Особенно это коверкает души детей. Но ведь что посеешь!..

Меня волнует, как быстро некоторые люди утрачивают былую душевность, чуткость, чувство взаимопомощи, уступчивости. Как мне кажется, это связано с тем, что многие достигли материального благополучия. Нам уже меньше трогают чьи-то изломанные судьбы, «неудавшиеся дети», одинокая старость пожилых людей (имеющих, кстати, здоровых, материально обеспеченных детей). А ведь всё, исключительно всё это потом возвращается к нам бумерангом, так как вся наша личная жизнь, общественная деятельность — это соприкосновение людей.

Как хочется сказать всем людям земли: будьте добры друг к другу, человечны, берегите то, что завоевано ценой горчайших утрат, в большом и малом будьте патриотами, честнейшими тружениками своей земли, настоящими хозяевами всего того, что сделано руками наших предков, чтобы и нашим потомкам досталось жить на щедрой земле, ухоженной нашими руками, пить чистую воду, дышать чистым воздухом.

Я за то, чтобы во всем быть разумными. Не всем людям дано увековечить свое имя в построенных домах, дворцах, мостах и других изобретениях, в творениях искусства. Но всем нам под силу быть добрыми, честными в большом и в малом, жить, исходя из реальных возможностей. Но только не по принципу — «урвать от жизни» все, не заботясь о том, какой ценой добыто благополучие.

А. ИВАНОВА,
Магаданская обл., Чукотка

Достойная жизнь

Михаил Федорович родился под Москвой, на станции Удельная. Он

был восемнадцатым по счету ребенком в дружной крестьянской семье. Все дети росли как-то просто, все учились, в меру озорничали, донашивали после старших ребят старенькие вещи, ели из общей миски, болели редко, работали по хозяйству, родителей слушались и особых проблем в семье не создавали. Все были рослые, костистые, белесые и немногословные. И мать частенько их путала. Михаил был в семье младшим. Когда вышел указ о присвоении почетного звания «Мать-героиня» женщинам, родившим и воспитавшим десятерых и больше детей, в старенький, покосившийся от времени деревянный дом пришла повестка, и мать Михаила, не торопясь, без излишней суеты и каких-то проявлений особой гордости надела светлую кофточку и сходилась в сельсовет. Там ей пожали натруженную руку и вручили медаль. Вернувшись домой, она положила медальку в сундучок, старый, кованный, где хранились семейные фотографии и холщовые полотенца с вышивкой, опрокинула рюмку водки, по-мужски утерла губы и, не очень-то понимая, за что ее так высоко наградили, принялась за свои обычные дела. А вскоре умер ее муж, отец многочисленной семьи. Умер смирен-

но... Взрослые дети к этому времени поразъехались, кто учился, кто был в армии, и школьник Михаил, оставшись за старшего, сам сколотил гроб из досок, давно лежавших в сарае, и похоронил отца на сельском погосте.

Учился Михаил хорошо, занимался спортом, стал мастером. Был он рослым, сутулым, любил природу, животных, любил читать и мечтал стать врачом. В начале войны поступил в медицинститут. Как смогли, ему «справили» новые брюки, купили портфель, а главное — обули. В то время в Москве не было магазина «Богатырь», и приобрести обувь 47-го размера было трудно. Он ходил гордый и счастливый, что сбывалась давняя его мечта — получить высшее образование и лечить людей.

Началась война, и сестра за студенческую парту Михаилу не пришлось. Его приняли в особый отряд по минированию Москвы. Враг в это время наступал. Осенью 41-го Миша минировал Большой театр, в котором ему прежде не довелось побывать. Страшно представить, что наша гордость, наш Большой, мог быть взорван. Но приказ есть приказ, его надо выполнять, и Михаил вместе с другими комсомольцами-москвичами минировал белокаменные колонны и несущуюся квадригу. Хотя будничная работа в самом Большом театре не прекращалась.

Когда зимой 41-го года фашистов отогнали от Москвы, Михаил добровольно вступил в партизанский отряд и пошел громить врага в глубь страны. Долг защитника страны он выполнял, как положено комсомольцу, патриоту: стиснув зубы, шел на врага. Однажды в тылу произошла встреча с предателем. Задремав в какой-то избе в перерыве между боями, Михаил вдруг проснулся от предчувствия беды. Открыв глаза, он увидел, как на него шел бородастый, свирепого вида человек со здоровым колом в руках, шел, как в старину ходили на медведя с рогатиной. Хотел пригвоздить Михаила к стене. Вот тут-то и сработала мгновенная реакция спортсмена. Ми-

хаил изловчился, выбил из рук предателя кол, схватил его за грудки и, стукнув головой об стенку, выбежал на улицу, чтобы поднять своих ребят. Так закончилась схватка с предателем, с озверевшим врагом, решившим уничтожить отряд молодых партизан.

Михаил воевал на многих направлениях и отовсюду писал домой коротенькие письма-треугольнички. Писал в свою Удельную матери и сестре, больше писать было некому. Он ушел на фронт, как и многие юноши, еще не успев никого полюбить, не успев прикоснуться к жизни. Были чистая юность, школа, дом, был комсомол, а потом война. Воевал он долго, пока не был ранен в правую руку, в локтевой сустав. Началась госпитальная жизнь, несколько операций, и правая рука согнулась неподвижно, под прямым углом в локте.

Его демобилизовали. Но Михаил не унывал, оставались юная душа и молодое сердце. На его груди появились орден Отечественной войны I степени и медаль партизана. У него были светлая голова, трудолюбие, желание идти вперед, и он стал студентом. И по-прежнему занимался спортом. Неважно, что не сгибается правая рука — ноги-то целы! — и Михаил все свободное время отдает легкой атлетике. Он стал,

пишешь эти строки, невольно думаешь, что Михаил Федорович не Павка Корчагин, но человек, с которого молодости стоит брать пример. Пример скромности, патриотизма, порядочности, трудолюбия.

**Н. МАНЖУЛО,
Москва**

«Что же мне делать?»

Уважаемая редакция!

Написать вам заставило меня письмо В. Владимиров. Я не буду ни осуждать его, ни хвалить. Хотя, конечно, превознесение его «заслуг» в данном случае просто неуместно. Расскажу о себе. В семье, кроме меня, есть старший брат. Ему скоро восемнадцать, а мне уже пятнадцать. Перешла в девятый класс. Признанных лидеров в классе у нас нет. (Я имею в виду «выскочек», «карьеристов».) Организаторами всех дел являются у нас члены комитета комсомола, комсорг. Разумеется, рядовые комсомольцы помогают, каждый выполняет часть общей работы. Отличника в классе тоже нет, но много «хорошистов». Этот-то батальон «хорошистов» и составляет актив класса. Класс наш дружный, хотя, повторю, к единоличному первенству у нас никто не стремится.

Наша дискуссия, начатая в первом номере этого года, подошла к своему пику. Вопросы «Хочу быть первым» и «Не хочу быть последним», вынесенные на обсуждение читательской аудиторией, оказались очень актуальными и взволновали многих людей. Достаточно сказать, что к сегодняшнему номеру на дискуссию откликнулись сотни авторов. Вот из этого большого количества читательских писем мы и выбираем наиболее интересные для публикации. Познакомьтесь с нашей новой подборкой.

будучи инвалидом войны, чемпионом страны по прыжкам в высоту. Окончив институт, свое спортивное умение удачно совмещал с медициной, знаниями врача. Появились и новые заботы, обязанности. Получив маленький садовый участок, Миша своими руками начал строить домик. И, несмотря на то, что правая рука не сгибалась и бывала часто не помощницей, а помехой, соорудил домик. Росли две его дочки... Он взялся за научную работу, писал статьи по спорту, по предстартовым реакциям у спортсменов, и успешно защитил кандидатскую диссертацию. Потом стал преподавателем института, так как всегда любил людей, особенно молодежь.

А годы шли, поредели волосы, появились морщины, появились болезни, стали ныть к погоде старые раны. Подрастала внучка — время-то идет. А что же осталось от прежнего? Осталась скромность, застенчивость, как у школьника.

Он не любит говорить о своих военных заслугах да и особым красноречием не отличается. Смотришь на него — энергичной жизни одаряет. В нем много чего-то детского, он любит шутить, дурачиться — большой, постаревший мальчуган! Дети, любя его, не очень-то слушались, скорее, он им сам во всем подчинялся... В институте, где проработал много лет, до последнего времени никто и не знал, что он участником войны, бывший партизан, орденносец, что прополз своим большим телом по всей России. И только однажды в День Победы, когда собрались чествовать участников войны, он смущенно сказал, что тоже причастен к светлому празднику. И однажды, когда отправился семье помочь по хозяйству, смущенно, негромким голосом сказал людям в магазине о своей инвалидности. Да и то только потому, что участвовали головокружения.

Вот такой это человек — честный, скромный, немногословный, считающий все свои заслуги вовсе и не заслугами, а исполнением гражданского и патриотического долга. Когда

Чтобы было понятнее, хочу пояснить, какую же позицию в классе занимаю я. Я хорошо учусь, член школьного учкома, член классного комсомольского бюро. Посещаю три факультатива. А дома... Существует мнение, что если в семье ребенок один, — ему все. Если же двое, трое, четверо, то всю заботу и ласку родители должны делить на две, три, четыре части. Не знаю... У нас в семье не так.

В детстве я часто и тяжело болела. И стоило мне сказать: «Хочу!..» — как все мои требования выполнялись. Уже став абсолютно здоровой, я вела себя, как больная. Я привыкла, что все мои желания исполняют. А отвыкнуть не хотела. С братом отношения у меня хорошие, мы никогда не ссорились, и он первым исполнял мои прихоти. Я получала все, что мне было надо, из родителей делала все, что хотела. Коротче говоря, не они меня воспитывали, а я их.

Все это я рассказываю к тому, что вырастили меня эгоисткой. Я знаю, что я эгоцентрична, но стараюсь скрыть это. Не только в школе, а и дома. Даже стараюсь измениться. Ведь недавно я поняла, что нельзя жить так, как живу я. Мне стало стыдно.

Да, мне нужно было многое. Нужны были и сапоги на «шпильке», и стереомагнитофон... Мало ли... Потом я поняла, что все это не то, что ни модные туфли, ни юбка и вообще ни одна фирменная тряпка не заменят ничего, что могло бы показать в тебе человека чуткого, доброго. Человека в полном смысле слова.

В наш век человек должен быть эрудированным. «Одно из величайших бедствий цивилизации — ученый дурак», — говорил Ф. Ларошфуко. Его слова актуальны и сегодня. Ничего себе — инженер, который только в 30 лет узнал, что, оказывается, кроме дубленок и «Жигулей», существует какой-то Джорджоне. Прочитав строки В. Владимиров, где он с такой ничинностью пишет о «Спящей Венере», мне стало Джорджоне и его картину жалко. А за Владимиров просто стыдно.

«Спящая Венера» для него не произведение искусства, а Вещь (с большой буквы), тем паче что она «не наша». Сама я не ставлю перед собой цель — приобрести ту или иную фирменную вещь. Ее я не ставлю выше того, чего она стоит. Джинсы — одежда, «Жигули» — средство передвижения. И не больше. Сравнить искусство с джинсами — это аморально. Выше всех фирменных лохмотьев стоят поэзия, и музыка, и живопись. Не знаю, как Владимир, но я люблю Пушкина и Лермонтова, Блока и Шекспира. Люблю Рафаэля, Веласкеса, Крампа, Леонардо да Винчи, Тициана и многих других. Есть еще Моцарт и Григ, Бетховен и Штраус, Чайковский и Вивальди. Их, гениев человечества, каждое произведение которых — шедевр, много. Они жили и творили, чтобы человек возвышался над миром пошлости, не пал до уровня вещей. Сегодня же для индустриального дубленка дороже друга.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — говорил Чехов. Одежда-то у В. Владимиров прекрасная, как никак, полгода по магазинам бегал, а вот душа, мысли... Бедность, убожество духовного мира не скроет никакая одежда. Я не понимаю людей,

имел много поощрений от администрации, вел общественную работу. Была у меня квартира, семья, но сейчас я начинаю все сначала.

А ведь было, было прекрасное время. КамАЗ — грандиозная стройка, молодой, жаждущий подвигов коллектив. Мы работали по 10—14 часов в сутки, а бывало, и не выходили из цеха. Мы понимали: КамАЗ имеет не только экономическое значение, но и политическое. И мы работали, может, совершали и подвиги, а все равно говорили: работа!

Прилетала сестра из Москвы и, увидев утром полсотни людей, шагающих на работу, заметила: «Нет, вы и ходите по-иному. Одержимо!»

А потом запела моя молодая жена: «Не хочу быть последней!» Квартира и обстановка уже были, подрастал сын. В чем она хотела быть «не последней»? Она и сама не знает, только сказала мне: «Приносил бы ты ежемесячно 400 рублей, то и домой мог не являться». И сбивала она меня со своими родственниками на «шабашку». И вот этапы моей жизни: стройка, бригадир комсомольско-молодежной бригады, награды, учеба у Н. Злобина, квартира. А потом, в 29 лет: с мая по октябрь — «шабашка» (заработок до 10 тысяч рублей), а с ноября по ап-

И МЫШЛОЕ

которые в погоне за модной тряпкой теряют главное — человеческое достоинство. Ведь человек отличается от животных не только тем, что носит одежду...

Вы можете меня упрекнуть: «Самото что? Сначала говорила об эгоизме, теперь о нравственности? О человеческом достоинстве?»

Да, я такая, какая есть. Дома у меня есть фирменные вещи, но я говорила уже о своем отношении к ним. Я всегда рада при первой возможности попасть в музей (я живу в Горьком, у нас много исторических мест). Рада, когда могу сходить в цирк, с восхищением слушаю «Лебединое озеро»...

Порой я даже думаю: а не лучше ли было бы мне жить, если бы у меня не было половины всего этого фирменного хлама, и сидела бы я не в потертых джинсах, а в обыкновенном платье, а моя подруга в соседней квартире крутила бы на японском «маге» не западные ансамбли, от пения которых сотрясаются стены, а «Лунную сонату» или вальс Штрауса?

Я понимаю, что надо оторваться от всего этого, мелочного и низкого. Но как? Недаром ведь говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Узнав обо мне, можете судить о моих друзьях. Но ссориться с ними, чтобы вылезти из этого мира вещей, я не могу.

Так что же мне делать?

Л. М., Горький

Нелегкое откровение

С А. Козарем мне трудно спорить, хотя я себя не причисляю к «обыкновенным неудачникам». Я довольно неплохо знаю себя, знаю, что не обладаю тем комплексом качеств, которые необходимы большому руководителю, потому свое «хочу быть первым» понимаю, как грамотное и своевременное исполнение порученного дела. За десять лет работы я сделал более 10 рационализаторских предложений,

рель — зимняя спячка с самогоном. А что дальше? Понимать стал только одно: из этого вряд ли что-то хорошее получится.

Вот ты, В. В., пишешь: «...пока молод, я должен взять от жизни все, чтобы радоваться ей». Так вот знай, В. В., что ты понимаешь эту мысль, как моя бывшая жена с родственниками, и твоя жена, и твои «вообще все женщины». Ибо первое: то, что вы должны брать от жизни, пока молоды (это воспитание своей культуры и своих детей), вы не берете, тем самым обкрадываете себя на будущее. И второе: то, что вы берете сейчас от жизни, так это все сугубо материальное, и, значит, вы берете его в долг.

Объяснять здесь вряд ли что надо. А вот когда постареешь, то не только тебе ничего не нужно будет, но и ты, В. В., никому не нужен будешь, даже своим детям. Детям нужны будут только твои деньги, если таковые будут.

Сейчас я работаю в г. Красноярске, строю новый завод, живу в общежитии и... радуюсь. Да, именно радуюсь. Пусть я получаю не ахти сколько, но мне хватает и на питание, и на театр, кино, и — пусть не с шиком — на одежду. Представь себе, у меня нет времени на халтуру, ведь я еще занимаюсь в свободное время литературой (пишу стихи, рассказы), шахматами, хожу на лыжах, на знаменитые красноярские столбы...

А может, ты просто не существуешь, В. В., как человек, ты всего лишь собирательный тип? Хотел бы я этому поверить, но слишком много знаю вас таких.

Ладно, хватит. Не хотел писать, но не выдержал.

**Виктор ЛЁВКИН,
инженер,
Красноярск**

Ждем ваших писем,
дорогие друзья!

МОХИЩЕННЫЕ

Винфрид ЛЕШБУРГ

Перевели с немецкого
Валентина и Иосиф СВИРСКИЕ.

Августовское утро в Париже. Солнце повисло над Сеной. Люди спешат на работу. Чудная летняя погода уже манит первых туристов на бульвары. Лувр и его парки — общепризнанная достопримечательность и главная цель всех гостей Парижа — еще тихо дремлют. 21 августа 1911 года был понедельник. Огромный дворец с множеством музеев и выставок, галерей, залов и кабинетов, как и обычно по понедельникам, закрыт для публики. Только специально допущенные фотографы, искусствоведы и мастера-ремонтники имели в этот день доступ в Лувр, а часть посетителей отдыхала.

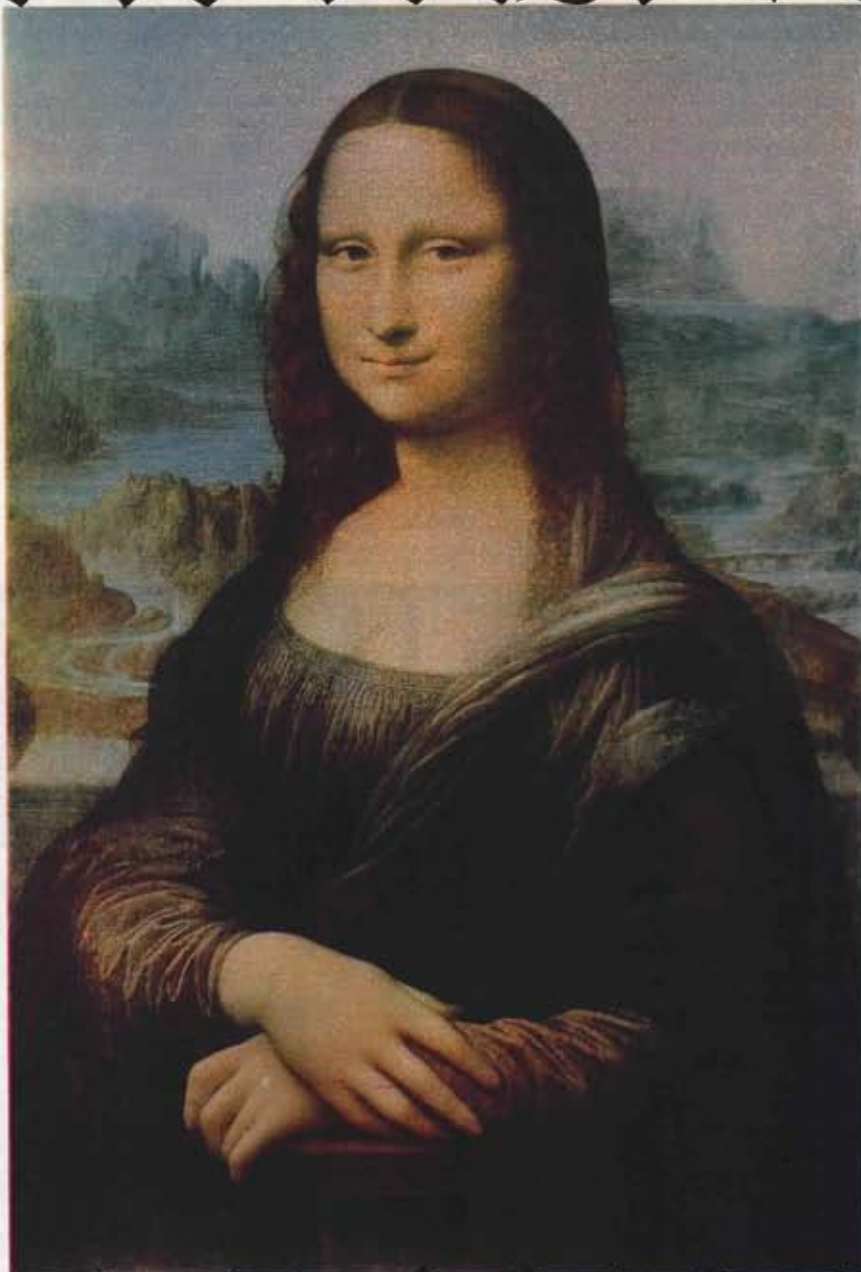
Около 7 часов утра к воротам дворца приблизился небольшого роста черноусый мужчина, одетый в спецовку. Вместе с некоторыми другими рабочими он вошел в здание, еще немного поболтал со стоящими вокруг декораторами и направился к выставочным помещениям. Торопливо, быстрым шагом устремился к первому этажу, пересек 350-метровую Большую галерею, в которой все стены были увешаны картинами, а затем повернул к салону Каре — жемчужине луврских коллекций. Казалось, мужчина хорошо знал здание, во всяком случае, лучше, чем многие местные и иностранные посетители, которые часто блуждали в его лабиринтах и лишь с трудом находили выход.

Салон Каре и прилегающие помещения были пусты, а висевшая здесь «Мона Лиза» не охранялась. Все сторожа и уборщики собрались в одном из помещений галереи на своего рода планерку. Быстрым движением мужчина снял с двух кованых крюков тяжелую картину, располагавшуюся на уровне глаз. С толстым стеклом и рамой она весила около 40 килограммов. Незнакомец привычной рукой отделил раму и бросился в соседнюю Большую галерею, затем к галерее, где висели произведения староритальянских мастеров, и через потайную дверь, скрытую обоями, — к небольшой, редко используемой лестнице.

Дверь во двор в конце лестницы была заперта. Три задвижки отодвинулись легко, замок же пришлось выворачивать. Когда он начал извлекать перочинным ножом один из шурупов, послышался шорох. Приближались шаги. Кто бы это мог быть? Теперь выручит только присутствие духа, молниеносная реакция. «Откройте-ка мне дверь!» — грубовато и настоятельно обратился он к шедшему навстречу. Жестящик Сауве принял мужчину в белом кителе, какие носят смотрители, за служащего Лувра и без особого труда открыл дверь.

С дворика Сфинксов неизвестный повернул налево к большому дворику Висконти, чтобы добраться до выхода на Луврскую набережную. В связи с уборкой в вестибюле ворота были раскрыты настежь и не охранялись; вахтер пошел в соседний двор за водой. Прежде чем выйти на улицу, человек снял свою белую куртку и завернул в нее картину. С прямоугольным пакетом под рукой он двинулся по направлению к мосту Карусель — и растворился среди ранних прохожих.

А в Лувре по-прежнему спокойно. Ворота оставались открытыми, мастера сновали туда и обратно, работа

МОШЕННЫЕ МАЗЫ

по уборке продолжалась, как будто ничего и не произошло. Когда же после обеда вахтеры не увидели на обычном месте «Мону Лизу», это не вызвало у них недоумения. Некий издатель литературы по искусству, имевший в Лувре репродукционное ателье, мог взять портрет для фотографирования. Его фотографы имели разрешение брать экспонаты, выносить их из залов, и все это без того, чтобы уведомлять или приглашать ответственного директора. На следующий день Лувр, как и обычно, был открыт для публики. И лишь в час пополудни на узкой лестничной клетке случайно обнаружили пустую раму от картины.

В Лувре кража со взломом! Что-либо подобное до сих пор считалось невозможным. Уже давно Лувр был крупнейшим хранилищем произведений искусства. Гигантский комплекс

зданий с его почти шестисотлетней историей строительства — от средневековой крепости до королевского музея — в своих драгоценных сокровищах воплощает прошлое и культуру не только французской нации, он был и есть зеркало мировой культуры. Едва ли в каком-нибудь другом музее так содержательно, целено и обстоятельно представлена западноевропейская живопись, как в Лувре. Ни один музей, например, не обладает таким количеством картин Леонардо да Винчи. Для наблюдения за экспонатами было выделено 120 вахтеров и смотрителей. Ночью вооруженные сторожа совершали каждые два часа круговой обход. В определенных местах были учреждены ночные посты, связанные друг с другом телефонами. Особые трудности возникали в дневное время. Изобилие ежедневных по-

сетителей и огромное число иностранцев, приверженцев изобразительного искусства, пытавшихся доказать свое мастерство при копировании известных картин, вносили постоянную суету и превращали здание в проходной двор.

Полиция произвела на месте происшествия эксперимент, чтобы установить, сколько человек могло осуществить кражу. С этой целью малоизвестному сотруднику Лувра поручили изъять из рамы картину и затем с ней уйти из Лувра. Эксперимент прошел превосходно! Да, в Лувре должны были и ранее иметь место кражи, оставшиеся... незамеченными.

В редакцию «Парижского журнала» явился парижанин и заявил, что вследствие неудовлетворительного надзора в последние годы из Лувра были выкрадены предметы небольших размеров. Проведенная немедленно в различных собраниях инвентаризация выявила утраты.

Лишь немногим известно, что и молодой Пикассо из-за этих краж попал под подозрение, был даже задержан полицией и предстал перед следователем. Фернан Оливье описывает этот эпизод в своей книге «Девять лет с Пикассо. Воспоминания. 1905—1913 годы». Приятель писателя Гийома Аполлинера при посещении музея похитил различные статуэтки и маски, две из которых подарил Пикассо, ничего не сказав об их происхождении. Он лишь посоветовал Пикассо не выставлять их для обозрения, и тот спрятал обе каменные маски в старом шкафу и тут же забыл о них. Несколькими годами позднее молодой человек, видимо, с ненормальной психикой, раскрыл, как говорится, из хвостовства одной газете свои мошенничества и затем дал подробные показания прокуратуре. На след художника не напали, но полиция появилась у Аполлинера и обыскала его квартиру. Аполлинер и Пикассо перепугались, почувствовали себя преследуемыми и вначале даже хотели утопить в Сене обе маски. В конце концов они передали предметы редакции «Парижского журнала» с условием сохранения в тайне источника их появления. На следующее утро Аполлинер был арестован, а через два дня Пикассо был доставлен полицейским к следователю. Дело быстро прояснилось, но еще долго они чувствовали, что полиция продолжает за ними наблюдение...

Известный парижский журнал «Иллюстрация» назначил вознаграждение в 10 тысяч франков за дачу полезных сведений и 50 тысяч франков за возврат «Моны Лизы». Если это последует до 1 сентября, дополнительно будут выданы 5 тысяч. Журнал взял на себя обязательство не называть полицию имени преступника. Таинственный незнакомец молчал. Зато в редакцию пришло свыше 500 писем, явилось лично более ста посетителей.

Для проверки их сигналов было выделено множество репортеров, которые, подобно детективам, шли по каждому следу. Теперь почти регулярно ловили как внутри страны, так и за ее пределами лиц, возбуждавших подозрение, допрашивали — и отпускали.

Что же в это время происходит в Париже? Залы Лувра были на несколько дней закрыты. Директор, известный археолог Гомолле, отстранен от должности, начальник охраны залов уволен, некоторые смотрители привлечены к дисциплинарному суду, выявленные упущения частично ликвидированы. Когда же перестали надеяться на возврат исчезнувшей «Моны Лизы», освободившееся место в салоне Каре заняла картина Рафаэля «Баль-

дассаре Кастильоне» из Большой галереи.

После первых официальных высказываний следственных органов начались версии по поводу мотивов кражи: похищение с целью проверки бдительности в музеях; месье уволненного из музея вахтера, который хотел этим насолить своему начальнику; поступок безумца (некоторые чиновники уголовного полиции намекали на сбегавших из психиатрической больницы пациентов, живших бредовой идеей войти «в интимную связь» с «Моной Лизой»); дело рук антиквара или обыкновенного вора, который предполагал продать картину либо изготовить подделку...

На следующий день после известия о краже все утренние французские газеты подтвердили сообщение и сразу высказали подозрение, что за этим может скрываться только немец. Газета «Пти паризьен» рассказывала, например, о мужчине немецкой или австрийской национальности, который в течение трех дней слонялся по Лувру и залу «Моны Лизы», где подолгу не спускал глаз с картины, — немедленно произведенное расследование тотчас опровергло сообщение. Когда недалеко от Монти были задержаны два немца, кочевавшие без копейки денег и без багажа из города в город, сразу же решили, что похитители «Моны Лизы» обнаружены. Другая газета опубликовала карикатуру, на которой изображена толпа туристов, стоящих перед стеной с торчащим из нее крючком. Гид дает экскурсантам следующее пояснение: «Мону Лизу» приобрел германский кайзер для обмена на Марокко...»

Известие о пропаже «Моны Лизы» потрясло французоз тяжелее, чем можно было предположить. Картина считалась национальной гордостью. У парижан бытовало известное изречение — чтобы представить что-то как совершенно невозможное и абсурдное, говорили: «Это так же невероятно, как если бы захотели украсть «Мону Лизу» или унести башню с Нотр-Дам».

В Париже распространились слухи, что к краже причастен известный американский миллионер Джон Пирпонт Морган. Богатый заокеанский коллекционер произведений искусства хотел завладеть драгоценными художественными сокровищами и с этой целью вошел якобы в контакт с нечистоплотными антикварами, которые должны были раздобыть для него лучшие экспонаты из Лувра. При этом на подкуп части персонала охраны музея должна была быть израсходована крупная сумма; иначе эта необычайная, не оставившая следов кража не поддается объяснению. Да, американское вторжение на рынок искусства тесно связано с именем Моргана. Джон Пирпонт Морган (1837—1913) основал в 1871 году в Нью-Йорке банкирский дом, ставший одним из ведущих и могущественнейших финансовых институтов США, создал колоссальное предприятие — стальной трест, крупнейший в то время в мире. Морган превратился в международного банкира. Он достиг такого же положения, какое ранее занимал дом Ротшильда в Европе. Но Морган стал и крупнейшим обладателем произведений искусства. С 1863 по 1913 год он вложил в свое собрание более 60 миллионов долларов. В его доме в Лондоне, перестроен-

ном в художественную галерею, и в Нью-Йорке были собраны произведения искусства из многих стран.

Агенты Моргана участвовали во всех без исключения аукционах — в Париже, Антверпене, Риме... Как одержимые, они охотились за великими именами в искусстве. Английский эксперт-искусствовед доктор Джордж К. Вильямсон многие годы колесил по свету, чтобы перепроверить подлинность и историю отдельных экспонатов моргановской коллекции и составить каталог обширных богатств. Они должны были придать могущественной монополии блеск и бессмертие.

Поэты и художники издавна воспевали остров на Сене. Он всегда был центром притяжения туристов. В этой старинной части Парижа, где когда-то возвышался и королевский замок, расположились знаменитый собор Нотр-Дам и многие другие красивейшие исторические памятники, а рядом с ними малопримечательные постройки, как, например, бывшая старая казарма, в высоких неприветливых помещениях и коридорах которой разместилась парижская полицейская префектура с ее уголовным отделом Сюрте. Рядом — дворец юстиции, верховная палата с две инстанции. Когда известие о краже «Моны Лизы» поставило на ноги всю французскую полицию, оба здания стали похожи на растревоженный улей.

При осмотре места преступления полиция нашла на дорожной резной раме эпохи Возрождения, спрятанной на лестничной клетке, след: на защитном стекле остался отпечаток большого пальца левой руки. Немедленно был снят оттиск и передан для расследования.

В обстоятельном следственном допросе следователем было допрошено 257 служащих Лувра, в том числе и директора. Все они, как тогда было принято, подверглись антропометрическому освидетельствованию. Были измерены и занесены в картотеку величина и ширина головы, плечевой кости, пальцев и прочего. Были сняты отпечатки пальцев и сравнивались с отпечатком на стекле рамы. Однако вор, укравший картину, среди работников Лувра не находился...

Время торопливо. Вскоре дело «Моны Лизы» переместилось в крупных газетах на вторую или третью страницу, а в конце концов и совсем исчезло из прессы.

Но благодаря курьезной случайности «Мона Лиза» не была предана забвению. В первые дни июля того года государственное монопольное управление начало изготавливать этикетки для спичечных коробков, на которых воспроизводились известнейшие картины из государственных собраний. Как нарочно, именно 22 августа, когда экстренные выпуски газет сообщили о похищении Джоконды, была выпущена новая серия спичечных коробков с изображением пропавшей. В размере 3×5 сантиметров знаменитая дама замелькала по всей Франции. Каждый смотрел на нее, носил ее в кармане, прикасался к ней...

Флоренция, 2 декабря 1913 года. В галерее, принадлежавшей владельцу магазина изящных искусств Альфредо Джери, царил праздничное оживление. Подъезжали экипажи; городская и окрестная знать, приглашенная видным антикваром на аукцион, со-

бралась в салоне. Имя Альфредо Джери пользовалось доброй известностью. Он поместил во всех крупных европейских газетах объявление о запланированной в его галерее на зиму 1913/14 года художественной выставке и о том, что он возьмет на время или приобретет малоизвестные полотна старых мастеров из частных собраний. Почти ежедневно из многих городов и стран поступали предложения.

Незадолго до начала аукциона флорентийский антиквар получил письмо из Парижа, в котором некто Венченцо Леонарди предлагал не что иное, как все еще не найденную «Мону Лизу». Владелец антикварных магазинов часто получают от подозрительных субъектов предложения купить у них копии, выдаваемые за подлинники и снабженные заключениями экспертов, со ссылками на пропавшие творения великих мастеров и прочее. В первый момент письмо осталось без внимания и было отложено в сторону. Торги начались. После аукциона Джери еще раз перечитал необычайное предложение. Автор письма назвался итальянцем, который полон желания вернуть своему отечеству произведение искусства, некогда вывезенное Наполеоном из Италии. Он предлагает Джери купить это творение и дать ответ в Париж, до востребования. Джери не мог серьезно отнестись к предложению. Автор, должно быть, душевнобольной и сверх этого профан, слабо разбирающийся в искусстве. В противном случае он знал бы, что Наполеон никоим образом не мог вывезти «Мону Лизу» из Италии, поскольку она уже почти 400 лет находится во Франции и была туда доставлена самим Леонардо да Винчи. Кто же тогда из-за необъяснимой бесчестности подвергает себя опасности и осмеливается на такое неосторожное предложение? Кто когда-нибудь отважится купить у этого человека подлинную «Мону Лизу», которую уж больше никогда не удастся сбрызнуть и обладание которой принесет только трудности и неприятности? Если же этот таинственный собственник портрета действительно печется о его возвращении в Италию, почему же он тогда пишет частному лицу?

Владелец магазина в конце концов обратился к профессору Дживанни Поджи, новому директору галереи Уффици. Поджи вначале тоже посмеялся над письмом, однако, поразмыслив, посоветовал отнестись к делу вполне серьезно. Джери ответил Леонарди, заверив, что Италия за возврат шедевра оплатит ему вечной благодарностью, и заявил, что предложение его заинтересовало и он хотел бы провести с ним переговоры. Поскольку автор письма затронул и финансовую сторону, Джери уведомил, что цена не станет препятствием. Как только будет установлено подлинность картины, будет принято любое требование.

Ответ не заставил себя долго ждать. Сначала Леонарди пригласил Джери для переговоров в Париж, затем предложил встретиться в Милане 20 декабря; когда же Джери от поездки отказался, он не стал выжидать и, к удивлению Джери, сообщил, что 10 декабря прибудет во Флоренцию и без промедления предстанет перед владельцем магазина. Дневник Джери позволяет восстановить последующие события.

Во второй половине назначенного дня в приемной Джери появился мужчина — маленький, худой, лицо желтое, темные волосы и небольшие, закрученные вверх усы, одет в темный костюм, примерно лет тридцати. Он представился как Леонарди из Парижа и заявил, что хотел бы вернуть своему отечеству картину, которая уже переправлена им во Флоренцию. «Вы, вероятно, шутите», — заметил Джери с удивлением.

«Я? — возразил Леонарди холодно. — Быть может, вы шутите?»

Леонарди выразил желание продать картину. Он был бы рад, если бы они как можно скорее сошлись в цене. О том, что полотно было два года назад украдено и как оно попало к нему, не было сказано ни слова. «Что должна стоить картина?» — спросил Джери с наигранным спокойствием. «Я предлагаю вам цену в 500 тысяч франков», — ответил Леонарди.

Джери дал согласие. Они договорились на следующий день совершить сделку; прежде, правда, картина должна быть освидетельствована, для чего владелец антикварного магазина хотел бы привести с собой эксперта. «Согласен», — сказал Леонарди. — Завтра в три...»

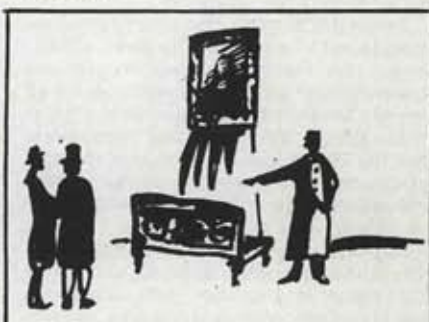
11 декабря Джери и Поджи ожидали таинственного продавца картины в конторе Джери. Когда без десяти минут три он еще не появился, ими овладело некоторое беспокойство. Быть может, какое-нибудь обстоятельство возбудило у Леонарди подозрение и вынудило его уехать? Не упустили ли они шанс? Быть может, они все-таки должны тотчас известить полицию?

Наконец в четверть четвертого ожидаемый появился и повел их в небольшую, малоизвестную гостиницу «Триполи-Италия». Портье окинул внимательным взглядом проходивших через холл прилично одетых гостей. Вверху, в мансарде, в номере 20 на третьем этаже, в бедной, неприбранной комнате покупателей ожидал самый большой сюрприз в их жизни.

Леонарди полез под кровать и вытащил плоский белый деревянный ящик, запечатый простым висячим замком. Он отомкнул сундук и открыл его: там были палитры, кисти, старые, испачканные краской тряпки, пыльные тюбики из-под олифы, обрызганная известью блуза, костюм, мандолина. Все это он отбросил в сторону. Затем поднял двойное дно и извлек завернутый в красный бархат плоский предмет, который передал Поджи. Трясутымися руками профессор развернул ткань, убрал бумагу и холщовую ленту, которыми была тщательно оклеена доска. Оба не смогли подавить возглас удивления: на убогом гостиничном столе перед ними лежала «Мона Лиза»! Портрет установили на столе. Он в отличном состоянии. На оборотной стороне — клеймо Лувра с короной, лилиями и инициалами М. Р. (королевские музеи) и номер по каталогу 316.

Каким же образом они теперь могут выманить у вора картину? С напускным безразличием Поджи сказал, что хотел бы взять полотно с собою в Уффици, чтобы с помощью фотографий и других вспомогательных средств установить с несомненностью его подлинность. Леонарди неожиданно согласился. Он вновь упрятал картину в красный бархат и проводил посетителей. Когда они проходили по первому этажу отеля мимо портье, тот остановил их и спросил, что они выносят из отеля. Леонарди ответил, что это картина, которую он несет в Уффици, и показал ее. Нет, эта картина не висела в гостинице. Они могли идти дальше. Этот простой портье оказался бдительнее, чем все вахтеры Лувра!

В Уффици они распрощались с Леонарди и условились посетить его вновь на следующий день после обеда и принести с собою деньги. Тут же из Рима во Флоренцию был вызван главный директор Музея античности и

Рисунки Александра ГРИШИНА

произведений искусств Коррадо Риччи и известна полиция. А вновь обретенная «Мона Лиза» находилась теперь в надежных руках.

Уже вечером того же дня Леонарди был арестован. При задержании он не оказал ни малейшего сопротивления. Комната подверглась тщательному обыску, деревянный сундук с содержимым конфискован. Леонарди незамедлительно доставили к начальнику полиции.

После некоторого раздумья Леонарди прежде всего сообщил для протокола свои анкетные данные: Винченцо Перуджиа, 32 года, из Деменци в провинции Комо. По профессии маляр, но охотнее называл себя художником-декоратором и к тому же утверждал, что не без успеха пробовал свои силы в живописи. Шесть лет назад Перуджиа покинул родное село и сначала направился в Милан, а затем на долгие годы обосновался в Париже, где работал маляром. Там он проживал в небольшой итальянской колонии в северо-восточной части города, примерно в четырех километрах от Лувра. В позднейших свидетельских показаниях соседи по дому охарактеризуют его как очень тихого, замкнутого, ведущего почти отшельнический и очень размеренный образ жизни. В ходе допроса он дал следующие показания:

«Вместе с французскими рабочими я в качестве художника-декоратора работал в Луврском музее. Неоднократно я останавливался перед портретом Моны Лизы, в котором столь жизненно и блестяще проявилось наше прекрасное итальянское искусство, до сих пор никем не превзойденное. Мною овладело чувство унижения оттого, что эту картину, вывезенную из нашей страны как трофей, этот шедевр я должен видеть на французской земле. Я был оскорблен, что портрет теперь составлял славу Франции. Мне недолго пришлось работать в Луврском музее. Однако я сохранил знакомство со своими бывшими товарищами по работе, которые все еще были там заняты, и я часто посещал Лувр, где меня хорошо знали. И вот однажды, когда я стоял перед картиной, у меня родилась мысль, что был бы совершен благороднейший поступок, если бы это великое творение было возвращено Италии. Чем чаще я останавливался перед портретом, тем сильнее во мне укреплялась мысль украсть его. Совершить кражу не представляло трудностей, ибо надзор в Лувре осуществлялся из рук вон плохо; достаточно было выбрать удачный момент, когда в зале никто не находился. Прежде всего я определил, каким образом картина закреплена на стене, и обнаружил, что достаточно простейшего приема, чтобы снять ее со своего места. Рама, правда, оказалась довольно громоздкой, что усложняло исполнение моего замысла, но мне казалось, что ее будет нетрудно отделить. Наконец я принял решение.

Однажды утром я снова отправился в Лувр, где застал за работой некоторых дорожно знакомых мне художников-декораторов, с которыми, как и обычно, спокойно перебрался несколькими словами. Затем воспользовался благоприятной минутой, чтобы незаметно удалиться, и поднялся в зал, где висела «Мона Лиза». Зал был пуст. Сверху, улыбаясь, на меня взирала «Мона Лиза». Настал долгожданный момент. Решение бесповоротное! Я был полон решимости выкрасть картину. В мгновение ока портрет был снят...

Два с половиной года драгоценная картина принадлежала мне, и я хранил ее как святыню. Я не решился извлекать ее из тайника, ибо каждую минуту опасался быть арестованным. Попытаться продать портрет было слишком рискованно, и я тут же отказался от этой мысли. Постепенно разговоры о «Моне Лизе» за-

тихли; весь мир и полиция потеряли надежду когда-либо обнаружить вора и его трофей. Я мог же подумывать о возврате шедевра моему отечеству не ради только денежного вознаграждения, но и чтобы доставить радость человечеству и миру искусства вновь любоваться знаменитой картиной».

Больше от Перуджиа ничего нельзя было добиться. Он снова и снова возвращался к сокровищам итальянского искусства в Париже, утверждая, что изъятие им одной из картин явилось святым и добрым делом. Он был далек от мысли о финансовой выгоде. Он не хотел продавать картину итальянскому государству, но надеялся, однако, на соответствующее вознаграждение за услугу, оказанную им этим поступком Италии, за риск, которому он подвергал себя. Когда на следующий день его препроводили в уголовную тюрьму, он оставался спокоен, лишь постоянно сетовал на неблагодарность Италии. Обратился он к Франции, то получил бы по меньшей мере миллион, тогда как здесь он довольствовался половиной.

Осмотр его квартиры в Париже принес, однако, некоторые неожиданности. В одной записной книжке были записаны адреса американских миллионеров Карнеги, Рокфеллера и Моргана. В другой — адреса немецких и итальянских коллекционеров. Перуджиа постоянно уверял, что действовал лишь из патриотических побуждений. На деле же он тщательно подготавливал сбыт похищенного с возможно большей выгодой. Покидая родное село и в письмах своим родителям он также неоднократно признавался, что возвратится только после того, как разбогатеет. Работая маляром или воруя? В октябре 1912 года он писал домой: «Я желаю вам долгой жизни, хочу, чтобы вам довелось насладиться выигрышем, который ваш сын к выгоде всей семьи намеревается обрести. Поимейте только еще немного терпения; надеюсь сделать вас всех счастливыми».

Необычайная кража, путь Перуджиа во Флоренцию занимали мысли многих людей. Его поступок был непостижим! Действительно ли он намеревался получить с помощью этой кражи упомянутую возможность возвращения картины на родину и оказания помощи своим родственникам? Был ли он всего-навсего бедолагой, который преследовал личную корысть и потом оказался слишком наивным, чтобы уметь реализовать сокровище? Почему он тогда ждал два года? Неужели действительно полагают, что у него купят всемирно известную картину, не оповестив об этом полицию?

С напряжением ожидали суда над странным похитителем.

А перед Уффици стояли длинные очереди, чтобы посмотреть «Мону Лизу». Картина была выставлена в одном из залов и задрапирована тем самым красным бархатом, в который ее когда-то завернул Перуджиа. Перед ней установили массивные скамьи со спинками, чтобы не подпускать публику близко к драгоценному портрету и сдерживать напор большого числа зрителей. Четыре охранника постоянно находились подле картины. Четыреста лет назад здесь, во Флоренции, жила Мона Лиза, но никогда не бывал здесь ее портрет. Теперь им восхищались тысячи посетителей.

Когда после прошедших с триумфом выставок в Риме и Милане «Мона Лиза» под надежной охраной прибыла в новгородный вечер в Париж, город в ее честь облачился в праздничное убранство. Вдоль дороги были вывешены флаги. Редко какому государственно-му деятелю устраивали такую торжественную встречу, как возвратившейся «Моне Лизе».

Картина завладела страницами газет, стала главной темой разговоров на бульварах и в домах. Складывалось впечатление, что выяснилась судьба

не только портрета, но и раскрылось таинственное приключение прекрасной дамы. Как загадочно она улыбалась своим почитателям, так же загадочно она исчезла и возвратилась.

Кража «Моны Лизы» вошла не только в историю политики. Она стала также в чем-то и поворотным пунктом в истории криминалистики.

В криминалистике того времени существовали две различные системы и метода идентификации и розыска преступников, которые парализовали и затрудняли международное сотрудничество. «Тут Бертильон — тут Гальтон», — раздавался боевой клич крупнейших полицейских управлений мира.

Во Франции и некоторых романских странах полиция работала по методу, именуемому «бертильонаж». Примерно сто лет назад полицейские ведомства хотя и начали с того, что завели обширные картотеки для регистрации и идентификации уголовных преступников, но содержали они только снимки и неточные характеристики, как «большой» или «маленький». С ростом числа преступлений и правонарушителей становилось все сложнее установить, является ли задержанный разыскиваемым преступником или нет. Помощник писаря Альфонс Бертильон в конце восьмидесятых годов XIX века пришел к мысли о необходимости использовать для идентификации размеры костей человека. В соответствии с выводами антропологии эти размеры у взрослого человека остаются неизменными и не совпадают с таковыми у другого индивидуума. Бертильон установил количество соматических элементов, в частности расстояние от локтя до кончиков пальцев, длину стопы, ширину скуловой кости, длину и ширину головы; он выполнил с миллиметровой точностью обмеры и составил новые картотеки идентификации. Этот метод, примененный и в деле с «Моной Лизой», сегодня может показаться курьезным и чересчур затруднительным. Но тогда он представлял собой значительный прогресс, явился первым научным методом в криминалистике и распространился на весь мир.

Другой метод разработал английский естествоиспытатель Фрэнсис Гальтон. Этот способ был гораздо проще и надежнее. Он фиксировал одинаково неглубокие бороздки папиллярных линий на поверхности подушечек пальцев, которые у каждого человека в течение всей жизни остаются неизменными и совершенно различны, поэтому самым наилучшим образом подходят для идентификации.

Дактилоскопический снимок позволяет идентифицировать не только задержанного преступника, это было возможно и с помощью бертильонажа, но и делает возможным устанавливать и разыскивать еще неизвестного виновника на основании оставленных на месте преступления отпечатков пальцев.

Кража в Лувре стала испытанием для обеих систем. Похититель оставил на раме портрета отпечаток пальца. И хотя Бертильон уже с 1894 года стал заносить отпечатки пальцев в картотеку как «особые приметы», но регистрация и классификация наказуемых все еще проводилась по телесным мерам, так что отождествление неизвестных преступников только на основании отпечатков пальцев было невозможно. Поэтому вора не смогли обнаружить. Прославленная на весь мир картотека Бертильона в деле с «Моной Лизой» оказалась несостоятельной, приемы, используемые полицией, устарели. Когда же через два месяца Бертильон внезапно скончался, его метод был также погребен. Дактилоскопия стала важнейшим средством идентификации, применяемым ныне во всем мире. Началась новая эпоха в криминалистике. «Мона Лиза» сломала последнее сопротивление.

Шумиха, связанная с внезапным появлением картины, заставила почти

забыть о предстоящем процессе над Перуджиа, который наконец был назначен на 4 июня 1914 года. Слушание дела началось при крайне скромном стечении публики. В своих высказываниях Перуджиа каждый раз утверждал, что Лувр заполнен шедеврами, похищенными из итальянцев. Эти утверждения оказали свое действие. Перуджиа защищал один из известнейших итальянских адвокатов. Он был настолько убедителен, что суд уже через 55 минут вынес приговор. Перед этим медицинский эксперт, психиатр Амальди, признал обвиняемого неопасным дурачком, не вполне отвечающим за свои поступки. Говорили о некоем фетишизме. Вследствие этих доводов суд нашел основания определить минимальное наказание: 1 год и 15 дней заключения.

Это был мягкий приговор. Но Перуджиа тем не менее подал апелляцию. Несмотря на свидетельские показания антиквара Джери, указавшего, что подсудимый запрашивал у него за портрет 500 тысяч франков, последний упрямо уверял, что мотивы его поступка в пламенной любви к отечеству. Националистические круги чувствовали его как героя. В этой атмосфере кассационное отделение верховного суда согласилось с возражением против судебного решения и сократило срок наказания на семь месяцев — с зачетом предварительного заключения он, стало быть, уже истек. Перуджиа был освобожден из-под стражи!

Примерно через две недели, 28 июня 1914 года, в Сараеве раздалась выстрелы, развязавшие первую мировую войну. Вихрь быстро сменявшихся событий обрел на завлечение историю с кражей и возвращением «Моны Лизы», невероятный процесс и «наказание» самого вора.

Спустя пятьдесят лет со дня кражи «Моны Лизы» английские газеты в августе 1961 года огласили еще одну версию похищения картины. Они обнаруживали сенсационный рассказ главы известной семьи антикваров Д. Х. Дьювина, сообщившего факты, которые едва ли согласовывались с неоднократно описанными прессой выводами процесса над Перуджиа. Какой-то незнакомец примерно через четыре недели после кражи появился в конторе на Бонд-стрит в Лондоне и предложил купить завернутый в шерстяное одеяло портрет. Дьювин опознал в нем подлинную картину, но посетителю заявил, что считает ее изысканной подделкой и она не представляет для него интереса. В ответ на это итальянец настоятельно предостерег: ни с кем об этом деле не говорить, в противном случае он станет жертвой каморры, террористической организации, близкой к мафии. Ко времени кражи «Моны Лизы» этот тайный союз совершил в Лондоне и других крупных английских городах многочисленные преступления. Из страха перед каморрой и возможной мстостью с ее стороны Дьювин не рискнул тогда заявить в Скотланд Ярд...

В последние десятилетия «Мона Лиза» приобрела «страсть к путешествиям» — знаменитое полотно не раз выставлялось в зарубежных странах.

Когда 8 января 1963 года в Вашингтоне состоялась торжественная встреча «Моны Лизы», французский владелец салона художественных произведений искусства Раймон Хеккинг воспользовался этим моментом, чтобы заявить на пресс-конференции, что он владеет «подлинной «Моной Лизой», которую через две недели выставит в своем имени под Ниццей для всеобщего обозрения. Несколькими годами назад Хеккинг приобрел этот портрет у мелкого торговца в Южной Франции и сделал попытку убедить мир искусства в подлинности своей находки...

Летом 1955 года в Париже на выставке продемонстрировалось семь портретов Моны Лизы. Все Моны Лизы загадочно улыбались...

ПУБЛИЦИСТИКА

Мост

О БАМе написано много. Вышли сборники очерков, звучат песни и стихи. И это неудивительно. БАМ—стройка века. Ее ударный марш захватывает многих. И все же, когда читаешь произведения, созданные непосредственными участниками стройки, испытываешь особое доверие. К таким книжкам относится «Наш дом—БАМ», выпущенная Бурятским книжным издательством. Ее автор Энн Лейссон, командир отряда «Комсомолец Эстонии».

Этот отряд начал путь в 1975 году, с первого колышка. Лейссон вместе с посланцами республики рубил лес и отбивался от комариного полчища, строил дома и мерз в палатках, форсировал реки и... писал дневник. И вот он предложен читателю.

Характер человека трудно понять вне его дела. А если это дело большое? Надо, как заметил А. М. Горький, «осознать смысл «социалистического труда»—труда, из коего мы должны извлечь нашу философию, этику и эстетику». Рецензируемая книга позволяет это сделать. Она основана на фактах. Жизненные наблюдения дают богатый психологический материал для раздумий. Автор по образованию не историк. Но «по своей неизменной привычке» он постоянно обращается к истории, для того чтобы полнее осмыслить суть того исторического процесса, в котором участвует вместе со своими товарищами, почувствовать масштабность будничной работы. Построили они поселок Новый Уоян. В дневнике запись, что поселков здесь не так уж много, «хотя Бурятия в полтора раза больше Великобритании и в восемь—Эстонии». Публикацию своего дневника он начинает с рассказа о том, как его земляк коммунист Александр Рууз строил магистраль Комсомольск-на-Амуре—Советская Гавань. Эта действующая дорога после окончания сооружения БАМа сольется с магистралью века. И он записывает в дневнике: «Отряд «Комсомолец Эстонии»—продолжатель дела своего земляка». Документальная литература—это мосты, перебираемые с одной опоры фактов на другую. В книге таких «опор» немало. О них размышляют и ее герои.

«Я с детства лирик!—утверждает парторг А. Г. Федотов.—Только в молодости размышлял несколько возвышенно. Фантазировал о невидимых мостах между людьми, о людском общении. Позднее понял, что строить их намного труднее, чем возводить железобетонные мосты, хотя и последнее—дело не из легких...»

Это, по-моему, главная тема книги. БАМ собрал людей со всей страны.

Через всю книгу идет рассказ о том, как налаживается совместная жизнь и работа людей разных характеров, разных национальностей. Автор тепло, порой с юмором (а ведь это тоже оптимизм) пишет о своих товарищах, о тех трудностях, которые им пришлось преодолевать, о радостях побед, пусть даже небольших, о том, как коммунисты и комсомольцы шли на самые трудные участки. Повествование охватывает пятилетний период. Автор размышляет об итогах работы отряда. Построено немало. Но главное—люди. Они незаметно выросли. Обжились на бурятской земле, обзавелись семьями. Им сопутствует счастье. Счастье общего труда. Скромно об этом сказал комсомольский бригадир Александр Руденко: «Мы на БАМе не для того, чтобы поражать, удивлять, вот, мол, какие мы отчаянные—в непроходимой тайге творим чудеса. Мы просто работаем, честно, на совесть».

Об этом написал в своей книжке Энн Лейссон. И строки этой книги, уверен, пополнят летопись комсомольского подвига, пусть небольшой, но доброй страничкой.

Владимир ЛУЦКИЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Умом, сердцем, памятью...

Книга Александра Урбана «Предрассудки не вечны» (издательство «Советская Россия», 1981 г.)—книга глубоко личная. И объяснение тому не только в обстоятельстве, так сказать, служебно-делового характера—автор несколько лет работал корреспондентом ТАСС в ФРГ и не понаслышке знакомился с разными сторонами жизни этой сложной и противоречивой страны. Есть и другое обстоятельство, самое, на мой взгляд, принципиальное, решающее...

Александр Урбан пишет: «Соженное белорусское село. По пыльной дороге бредет босиком молодая женщина с детьми. Это моя мать. Еду «на закорках», гляжу по сторонам—на пепелища хат, безжизненно торчащие дымоходы и колодезные журавли. Рядом, почти падая от усталости, плетется такая же голодная и изможденная сестренка. Ей шесть лет. Мне четыре с половиной. Вчера мы всем селом стояли у стены под дулами эсэсовских автоматов. Заложниками. За связь с партизанами. Трех- и шестидесятилетние. В домах искали спрятавшее партизанами оружие. Ничего не нашли, но село спалили, оставив людей без крова.

— Мама, а почему нас хотели убить?

— Это враги, сынок...

— А откуда пришли такие страшные люди?

— Это не люди, сынок. Это фашисты. Они пришли из Германии.

— Где эта Германия, мама? — Там, где обычно заходит солнышко, на западе...»

Пройдут годы, и Александр Урбан будет встречаться и с теми немцами, которые родились после мая сорок пятого и которые ничего или почти ничего не знают о 22 июня сорок первого—их воспитатели об этом позаботились. Будет встречаться с теми, кто воевал на Восточном фронте, и с теми, кто в эти годы носил арестантские куртки «тысячелетнего рейха». Будет подолгу беседовать с профессорами и школьниками, молодыми рабочими и профессиональными военными, сменившими мундир вермахта на мундир бундесвера, будет присутствовать на дебатах в бундестаге и на дискуссиях в прокуренных студенческих пивных, будет изучать послевоенных западных немцев в их стране, задавая себе вопрос: какие они, могут ли они найти путь от вражды и ненависти к доброжелательству и готовности мирно жить на этом континенте? И вместе с опытным германистом, многого понимающим и знающим, будет искать ответа на этот главный вопрос тот белорусский мальчишка, который стоял заложником под дулами эсэсовских автоматов. Острым будет взгляд!

Александр Урбан понимает полемику с идеологическим противником не как патетический монолог с громкими фразами, исполненными негодования и оснащенных большим числом восклицательных знаков. Его полемику отличают доказательность, точность аргументации, строгая сдержанность стиля. Он приводит факты и документы, неопровержимо свидетельствующие о том, в какой «трясине предубеждений» (так названа одна из глав книги) пытаются держать молодых западных немцев те, кто видит опасность в растущем интересе к Советскому Союзу. Мы знакомимся с отрывками из школьных учебников и из газетных статей, узнаем о деятельности реваншистских землячеств и всевозможных «научных» центров, разрабатывающих стратегию и тактику антикоммунистической пропаганды, с магнитофонными записями многих, многих бесед, рисующими в своей сумме тот неоднозначный калейдоскоп мнений и суждений о нашей стране, который характерен для сегодняшней западногерманской действительности.

По поводу запугивания западных немцев «советской угрозой» в нашей прессе рассказано немало, есть такого рода предметный материал и в книге Урбана. Об одной находке хотелось бы сказать особо... Фраза «Die Russen kommen!»—«Русские идут!» была дежурной в годы «холодной войны». И вот позднее, когда наметились позитивные сдвиги в отношениях между нашими странами, когда начался в Западной Германии трудный процесс узнавания нашей страны, по случаю гастролей советского балета в ФРГ кто-то из западногерманских художников сделал плакат с этими же словами: «Русские идут!» А изображение на плакате—не танк, не солдат с винтовкой наперевес, а... балерина в пуантах и пачке. Остроумный этот плакат с его веселым ехидством удачно использовал для оформления обложки художник Евгений Шукаев.

...На последней странице книги «Предрассудки не вечны» читаем:

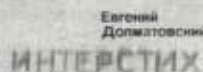
«Мы не ищем противников и врагов. Для сохранения мира нам нужны друзья и партнеры. Нельзя ведь не думать и о том, какой станет наша планета через 5, 10, 20 лет. Поэтому нам вовсе не безразлично, в каком духе воспитываются другие наро-

ды—станут ли они нашими партнерами или их увлекут за собой недруги».

Александр Урбан убедительно и неравнодушно рассказал нам и об активности сил вчерашнего дня, не складывающих оружия, и о постижении реальности, которое происходит, которое утверждает себя хоть и трудно, но с непреодолимой силой исторической закономерности.

Генрих ГУРКОВ

ПОЭЗИЯ

Евгений Долматовский

ИНТЕРСТИХИ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ОБНОВЛЕНИЕ
СОСТАВ ИЗ ПОПУЛЯРНЫХ
КОЛЛЕКЦИОННЫХ
И ВЫПУСКОВ
ПОД АВТОРА
РУКИ ГЕВАРЫ
ПОЭМЫ
ЧИЛИ В СЕРДЦЕ
ПОБЕГ

«Высокое званье планеты»

Новый сборник Евгения Долматовского называется «Интерстихи» («Молодая гвардия», 1982 г.). Само название говорит о его тематике. Поэт побывал во многих странах мира. Он увидел в них много радостного и печального. В сборнике рассказы о природе и людях Испании, Португалии, Греции, взволнованные строки о борьбе героического вьетнамского народа за свою независимость. Поэмы «Руки Гевары», «Чили в сердце», «Побег»—об освободительном движении народов Латинской Америки. Интернациональная тема то и дело врывается в такие, казалось бы, чисто бытовые произведения, как «Дома» и «Письма сына».

Многие стихи этого сборника связаны с самыми различными впечатлениями о пребывании за границей. Но вместе с образным изображением увиденного, наблюдений путешествующего они несут в себе философское осмысление жизни. И это сразу же делает стихи значительнее, сильнее, так и хочется зарыться в их гуманным пафосом. Поэт часто идет от факта, он убеждает читателя прежде всего строгой документальностью рассказа, конкретностью сюжета или события. Так, в поэме «Чили в сердце» автор возвращается на тридцать лет назад, чтобы рассказать, «как дошло до пылающей Волги боевое послание чилийского брата». Пример из Великой Отечественной войны, вошедший в поэму о Чили, не только интернационалистская дань уважения Пабло Неруде, написавшему хрестоматийную «Новую песнь любви Сталинграду». В нем как бы сфокусировано время. Прошлое. Настоящее. Будущее. Поэт исследует связь времен, говорит о невозможности их разделения. Скорбь об убитых чилийских товарищах, он одновременно думает об их бессмертии. Он верит, что они будут жить в памяти потомков.

Многие проблемы тревожат поэта. Кто не задумывается сегодня о будущем Земли, кто может остаться равнодушным к проблеме войны и мира? Наверное, нет такого человека. И поэт от имени своего поколения, от имени всех советских людей, оружием слова настойчиво ведет борьбу за мир, который он образно называет «высоким званьем планеты».

Анатолий ИВАНУШКИН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Герой бушующего мира

Название книги Георгия Анджапаридзе «Потребитель? Бунтарь? Борец?» («Молодая гвардия», 1982 г.) как нельзя лучше выражает ее тему.

Кто он, молодой герой современной западной прозы? Скажем сразу: и потребитель, и бунтарь, и борец. Автору удалось продемонстрировать, пожалуй, все главные общественные типы, характерные для литературы Запада последних двух десятилетий.

Г. Анджапаридзе не замыкается в границах социологического анализа (хотя это основной его метод); немалую роль в оценке того или иного литературного явления играют чисто художественные достоинства произведения.

В западной, как, впрочем, и в любой прозе герои «всякие». Причиной тому—и разнообразие творческих индивидуальностей писателей и различие в их взглядах на общество, историю и человека.

Анджапаридзе дает читателю возможность ознакомиться с разными точками зрения, даже если он их не разделяет. Он настолько уверен в своей правоте, что не боится, когда чаша весов склонится не в его пользу.

В этом смысле показателен такой пример. В книге разбирается роман Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». И роман и его герой—американский юноша Холден Колфилд—получили в нашей критике различную трактовку. Большинство критиков, попавших под обаяние Холдена, от лица которого ведется достаточно взволнованное и обезоруживающее доверительное повествование, видели в нем прежде всего бунтаря, благородного нигилиста, человека искренного, то есть героя, безусловно, положительного. Иначе смотрит на все это Г. Анджапаридзе.

В работе Г. Анджапаридзе содержится очень большой эмпирический материал. Он внимательно и пристально прочитал множество произведений современной западной прозы, в том числе и такие, которые советскому читателю совершенно незнакомы. Книга представляет несомненный интерес для всех, кто интересуется зарубежной литературой. Она в состоянии сослужить хорошую службу компаса в том сложном, запутанном, туманном мире, каким для нас остается западная проза. Не каждый в этом мире хорошо ориентируется.

В конце концов основная проблема литературы—проблема героя. О том, каков сегодня герой западной литературы, Георгий Анджапаридзе дает интересный ответ.

Андрей МАЛЬГИН

Налево, еще раз налево, теперь направо. Евгений Киндинов ведет по узкому коридору с высокими порогами и неожиданными ступеньками за кулисами МХАТа на улице Москвина. Здесь пахнет, как в старых московских квартирах, сухим пропыленным деревом. Входим в гримерную. Вдоль боковых стен — ряд одинаковых столов с тройными зеркалами и большими голыми лампами на высоких подставках. Сейчас комната освещена верхним светом: до начала спектакля еще три часа. Вид у ламп без абажура всегда деловой и немного суровый. Киндинов садится за стол и, вглядываясь в свое отражение, быстро подносит руку к виску, будто надо что-то поправить, но тут же опускает: грима еще нет. Потом с готовностью оборачивается. И разговор начался, но не совсем обычно: Киндинов первым стал задавать вопросы. Видимо, ему важно с самого начала понять, что за человек оказался рядом с ним. Взгляд у Киндинова пристальный, но не тяжелый, его внимание к собеседнику помогает говорить; на сцене, вероятно, это немало значит. Но вот, наконец, выдался момент, и теперь вопрос обращен к Евгению. Самый простой: какие увлечения были в школе?

Оказалось, что тогда Женя Киндинов с наибольшим рвением занимался английским, хотел поступать в институт иностранных языков, потому что больше всего на свете мечтал путешествовать, узнавать людей, другие страны... Мальчишеский романтизм? Однако подтолкнувший к самостоятельным и серьезным занятиям.

А как же театр?
Он был частью реальной жизни Жени Киндинова, а не в его планах на будущее. Была театральная студия при Доме пионеров, где он занимался со своей старшей сестрой. И трудно сказать, что было главным в его привязанности к студии: желание играть или желание жить общей жизнью со своими друзьями, потому что студия была своего рода клубом, в котором встречались, спорили, отдыхали, узнавали новое... И любили играть вместе не только в спектаклях для зрителей, но и для себя на вечерах, когда устраивали своеобразные шарады. Эта игра была для них своего рода школой актерского мастерства. Чтобы победить, нужно проявить не меньше воображения и выдумки, чем на сцене. Попробуйте, к примеру, разыграть слово «воздух». Надо разбить его на две части — «воз» и «дух» — и придумать к каждой из них какие-нибудь изображающие их сценки. Да так, чтобы было в меру и понятно и загадочно для тех, кто должен разгадать слово.

— Мне повезло, что в моей жизни была эта студия. И не только потому, что она определенным образом подготовила меня к театру, — рассказывает Евгений Киндинов. — Там я чувствовала радость долгого и непустього общения с большим кругом людей; там я узнал лучшие стороны жизни в коллективе. Мы даже вместе встречали Новый год, а ведь тогда нам было пятнадцать-шестнадцать лет, уже появлялись сердечные привязанности, возникало ощущение своей обособленности и независимости. Но студийная жизнь воспринималась нами как что-то гораздо более важное и значительное, чем все, что происходило вне ее.

В то время было еще одно страстное увлечение — коллекционирование марок. Маленькие треугольники и квадраты с разноцветными изображениями растений всех стран и континентов занимали мое воображение так же, как и любимые книги о путешествиях. У меня был довольно большой альбом фауны. Собрать его помогало то, что я вел тогда довольно обширную переписку (теперь, к сожалению, письма пишу уже не с такой легкостью и охотой). Не ленился даже писать на английском языке в другие страны. Это занятие не было в тягость, так как учить язык я любил и не упускал возможности попрактиковаться. У меня был друг, с которым мы вместе занимались английским, вместе ходили в Дом пионеров и оба хотели поступать в один институт. Дружба давалась тогда как-то легче и свободнее. Теперь она осложняется самыми разными причинами, даже моей профессией, которая отнимает уйму времени. Театральная же студия давала мне не только возможность играть, но и иметь много добрых друзей. Ходили мы вместе и в театр...

Особенно любили «Современник». Возглавлял его в то время бывший питомец их студии — Олег Ефремов. Об этом говорили всегда с гордостью и значительностью. То, что определяло театр Олега

Ефремова 60-х годов: высокий эмоциональный накал в сочетании с тонко выстроенным психологическим рисунком роли, острая полемичность и актуальность идей, выраженная в обыденных, детально обрисованных ситуациях и характерах, — все это было близко юным участникам студии, формировало их взгляд на театральное искусство.

Окончена школа, в руках у Евгения Киндинова направление в институт международных отношений. И все-таки не странствия «по городам и весям» стали уделом взрослого Киндинова.

Вместе со своим другом он пришел в школу-студию МХАТа на консультацию перед вступительными экзаменами, не решив еще окончательно, куда пойти учиться. И там уже не товарищи по студии, не школьные друзья, а мастера актерского искусства были его судьями. Их безоговорочное признание способностей абитуриента Евгения Киндинова определило его выбор.

...Наверное, в работе актера есть что-то близкое к путешественнику — гастрольи, поездки... Но не находит полного выхода тяга странствовать, жажда тревожной и радостной остроты восприятия, которую можно испытать, только оказавшись в незнакомых местах. Может быть, поэтому Киндинов время от времени возвращается к своей коллекции карт тех городов, в которых ему случалось бывать. Цветным карандашом помечены маршруты его прогулок, места, где он жил и бывал... И память восстанавливает то, что видел, что чувствовал, бродя по неизвестным улицам, переступая пороги впервые увиденных им зданий.

работе исполнитель должен рассчитывать только на свой «багаж», то рано или поздно, но скорее всего рано наступает творческий кризис. Поэтому, может быть, так особенно необходимо молодому актеру играть классический репертуар.

Могло так случиться, что Киндинов превратился бы в одного из тех актеров, которые «спасают» слабый материал и гибнут сами. Но в 1975 году у Киндинова появился герой, чье имя запомнилось надолго, — Сергей Никитин в фильме «Романс о влюбленных».

«Романс о влюбленных» заставил заговорить о себе очень широкий круг зрителей, профессионалов-критиков и любителей кино. Говорили о нем по-разному, порой незаслуженно превознося или слишком уж громко. Но не говорили равнодушно: сама тема фильма, тема любви и верности, не могла не найти отклика в сердцах зрителей.

— Было страшно трудно играть Сергея Никитина, — говорит Киндинов. — Меня на него не хватало. Это ведь человек уникальный, гений в смысле умения глубоко чувствовать. И эту глубину нужно было не просто ощущать в себе, нужно было ее обнажить до предела. Необходимость находиться все время в предельном эмоциональном состоянии делала естественным для профессионального актера момент раскрепощения и свободного ощущения себя в роли столь трудным, что иногда казалось, еще немного — и вся жизнь из меня выйдет.

Одной из сложнейших была сцена после объяснения с Таней. Двор, где происходили съемки, уже

ТРУДНЫЕ СТРАНСТВИЯ ОТ РОЛИ К РОЛИ

Киндинов как-то сказал, что работа актера привлекает его еще и тем, что можно вновь пережить то, что уже навсегда ушло из твоей жизни, испытать такие состояния, которые бы никогда не узнал вне сцены, оказаться на несколько часов другим человеком, для изображения которого найдутся в твоей внутренней «кладовой» и нужные маски и нужный наряд. Человеческие характеры, судьбы — это своего рода новые, неизведанные страны.

Куда же заносила актерская судьба Евгения Киндинова в начале его творческого пути в кино? Звучат названия хорошо известных фильмов, с которых началась работа Киндинова в кинематографе: «Городской романс», «Молодые», «Пой песню, поэт!». Разные характеры, разные жизни у его героев в этих фильмах. Но в памяти с ними происходит странная вещь: они совмещаются как бы в один кадр, различия легко ступшеваются, и выступает один обаятельный и мужественный образ героя без имени. Он не богат разнообразием красок, но в нем есть те черты, которые всегда глубоко действуют на зрителя: способность жить страстями, стремление понять другого. Актерская индивидуальность Киндинова давала возможность зрителю домыслить или, вернее, «дочувствовать» в его героях то, чего им не хватало по сценарию или режиссерскому замыслу. Конечно, наиболее удачным бывает результат работы в том случае, если происходит обоюдное обогащение между героем и его исполнителем. Ведь актер использует не только свой эмоциональный и духовный опыт, но и то, что дает ему сам драматургический материал. Если же в

изнемогал от света, шума и криков. А мы все пробовали. Я и ползал, и плакал, и метался, как безумный... Раскручивал себя до предела... А потом, пройдя сквозь все эти «пытки», нашли верный образ эпизода. Все обрело необходимую норму...

Если не забывается «Романс о влюбленных», если о нем есть еще желание говорить, то в большой степени из-за главного героя фильма.

Открытость и страстность, с которой проявляет себя герой Киндинова и в любви, и в страданиях, в радости и отчаянии, вызывает в нас, зрителях, привыкших в большинстве случаев следовать заповеди «молчи, скрывайся и тай», глубокое сопереживание и даже потрясение силой его натуры. Но если кого и «коржило» от столь открытого проявления чувств, то это скорее всего от их эмоциональной скупости, и уж им-то наверняка не было грустно наблюдать за перерождением героя во второй серии, за тем, как затухал пламень сердца, превращаясь в обыкновенный теплый огонек.

Среди режиссеров Киндинов считается талантливым актером с высокими профессиональными качествами. Его относят к категории так называемых думающих артистов, он требователен к себе, умеет много и упорно работать...

Все эти качества, безусловно, проявляются в его работе в кино. И все же пока только роль Сергея Никитина подтверждает в полной мере эту его профессиональную репутацию. В чем дело? В случае? Не было больше подходящей роли? Или дело в нем самом? Заявил о своих возможностях, а рас-

крыть их до конца не может? Нетерпелив? Берется за слабый материал?

Но, может быть, Киндинов — один из тех актеров, которым в начале пути очень нужен хорошо чувствующий и понимающий их режиссер? Потому что в Киндинове нет открытого темперамента, легко перестраивающейся, подвижной психики, то есть тех качеств, которые даже не очень прощательно режиссеру позволяют верно угадать возможности актеров в той или иной роли. Творческая индивидуальность таких актеров, как Киндинов, не проявляется ярко и явно в его внешних данных. А по ним, во всяком случае, вначале, определяют амплуа исполнителя. В Киндинове прежде всего замечали черты простого, мужественного и бесхитроу парня, и он получал соответствующие роли в фильмах. Наверное, каждый актер мечтает о «звездной» роли, и если мечта эта долго не сбывается, то бывает печальный исход: актер теряет себя. И надо иметь достаточно мужества, чтобы дожидаться счастливой возможности сыграть именно ту роль, которая в полной мере раскроет его творческую индивидуальность. Последние работы Киндинова в театре («Три сестры», «Братья Карамазовы», «Чайка») позволили ему раскрыть свое дарование гораздо полнее. Вообще-то театр давал Киндинову возможности проявить себя намного щедрее, чем кино. Особенно, считает он, ему стало интереснее работать с тех пор, как Художественный театр возглавил Олег Ефремов. Первая роль при новом главном режиссере — Якорев в спектакле «Последние» Горького.

— До этого, — говорит режиссер театра Владимир

Салюк, — Киндинов котировался больше как грубоватый герой: а здесь — острохарактерная роль. И в нем вдруг проявился вкус к остроте, к гротеску. Во время предварительной работы над спектаклем мы разбирали психологические мотивировки поведения героя, находили оправдания, зацепки, детали... Но когда пришел Олег Ефремов, он прежде всего потребовал от Киндинова гротескной характеристики, почти эстрадной свободы самовыражения. Для нас вначале это было как шок. Ефремов — и вдруг такие требования. Но оказалось, что это-то и нужно было, чтобы образ «заиграл».

— У Ефремова очень точное актерское чутье. Даже репетируя с другими, — говорит Киндинов, — он как бы проигрывает за своим режиссерским столиком то, что происходит на сцене, шепотом повторяя за актером слова роли. В какой-то момент раздается: «Стоп! Не то!» Это значит, что «голоса» Ефремова и исполнителя вошли в диссонанс. А доверять Ефремову есть полное основание, и это «стоп» наверняка значит: сфальшивил, наиграл.

Ефремов обладает еще одним ценнейшим качеством. Он приучает актера в обыкновенной, бытовой ситуации открыть глубокий смысл, вывести ее за пределы сиюминутных дел и мыслей.

Разительный пример — «Сталеваары». Критика относилась эту пьесу к разряду «производственных». Но это определяет лишь первый сюжетный уровень. Ефремов сумел выявить в ней такие психологические конфликты, такие столкновения характеров, что «производственные ситуации», не теряя

своей реальности, приобрели высший общечеловеческий смысл. То, что происходит на сцене с героем Киндинова или другими персонажами пьесы, — это не только звенья в цепи конкретных событий их жизни «на заводе и дома». Это еще и ступени, по которым идет развитие духовного мира человека. И нужно найти очень верные и точные краски, чтобы зритель увидел и понял это. Вот тут и можно говорить о «школе Ефремова».

Киндинов говорит с жаром, в его чуть сбивчивой речи чувствуется глубокая и страстная преданность своему делу. В его размышлениях нет ни театроведческого теоретизирования, ни режиссерской аналитичности. Это мысли актера.

Его отношение к работе других актеров отличается профессиональной объективностью:

— Конечно, в актерской среде, как нигде, трудно избавиться от чувства ревности. Хотя во мне «соперников» пробуждают скорее азарт. Увидев чью-то прекрасную работу, хочется тотчас попробовать самому, испытать свои силы...

Если со стороны партнеров бывает, что возникают к Евгению Киндинову претензии, то чаще всего из-за излишней дотошности, «копания» во время репетиции. В своих рассуждениях он может оказаться неправым, но его сомнения, сопротивление подстегивают других, заставляют выверять свою позицию, более убедительно и четко выразить ее. «На репетицию с ним надо идти во всеоружии», — говорит режиссер театра Владимир Салюк.

Киндинов не отличается простотой характера, хотя в общении с людьми стремится быть открытым и легким. Но взгляд всегда остается настроенным: Киндинов как бы следит за собой и собеседниками со стороны, контролируя свою и чужую реакцию. И хотя он любит, по его собственному признанию, бывать в больших компаниях, встречаться с разными людьми, но близких друзей у него мало. «Что-то мешает. Во мне самом», — с сожалением признается Киндинов. Может быть, это чрезмерная требовательность к людям? «Но так иногда вдруг тянет кому-нибудь высказаться», — вдруг вырывается у него.

Как хочется быть понятным и как страшно, что тебя поймут не так... Желание выразить себя и быть воспринятым другими — один из сильнейших импульсов к творчеству. Может быть, поэтому так много людей прошло через искус стать актером. Эта профессия дает возможность выразить свою личную боль, свою страсть и радость через сценического героя. «Только тогда, когда найдешь точки соприкосновения собственного мира и мира исполняемого тобой персонажа, только тогда роль может удалиться», — говорит Киндинов.

У профессионального актера «кладовая» эмоциональной памяти — его арсенал, которым он пользуется в своей работе. И чем богаче он, тем, вероятно, интересней работы актера. Там могут храниться и впечатления детства и воспоминания о когда-то поразивших воображение событиях...

— Бывает среди актеров такое выражение: «запомни ощущение». Происходит что-то в жизни, даже, может быть, что-то чрезвычайное, а где-то неволью возникает мысль, что нужно не упустить, зафиксировать свое состояние, потом в работе пригодится. Цинично? Но лишь с той точки зрения, с какой мы иногда говорим о профессиональном цинизме врачей, — размышляет Евгений Киндинов.

— Но это крайний пример. А вот другой. У меня осталось очень острое ощущение неловкости и стеснения, когда я очутился в буквальном смысле не в своей одежде. Случилось это в Испании, куда я приехал с советской делегацией кинематографистов. Должен был состояться официальный прием. Явиться надо было по этикету во фраке. В своем гардеробе такой одежды я не держал, и носить фрак даже в спектаклях пока не приходилось. Меня выручил один сотрудник посольства. И вот я оказался в чужом фраке на высококопированном приеме и ощущал себя настолько не в своей тарелке, что никак не мог дождаться конца вечера.

Несколько лет спустя я получаю роль Соленого. И вот то ощущение неловкости, неприкаянности среди чужой и в общем-то чуждой обстановки, которое осталось во мне после моего «фрачного» вечера, вошло точной деталью в тот комплекс ощущений, который мне был нужен для роли Соленого в «Трех сестрах».

Киндинову, как и многим из нас, пришлось, думается, не раз преодолевать это тягостное ощущение скованности и неловкости в непривычной обстановке. Может быть, поэтому, зная ему цену, Евгений старается избавиться от него других, когда это бывает в его силах. И, оказавшись впервые у

него дома, чувствуешь стремление хозяина облегчить своему гостю первые моменты привыкания к незнакомому месту. Сам дом актера располагает к себе уютно и незагроможденностью вещами. Особый уют создают книги. Подойдя к полкам, не испытываешь того цепкого, настороженного взгляда, который нередко появляется у владельца, когда чужой подходит к его сокровищам. А у Евгения есть что попросить почитать, хотя подбор книг несколько специфичен. Ведь их хозяин — актер, и большинство книг связано с театром, с теми ролями, которые ему приходилось играть, с теми великими артистами, чьим партнером ему посчастливилось быть: Тарасовой, Ливановым, Грибовым...

Первый раз Киндинов встретился с Грибовым во время ввода в спектакль «На дне».

— Ввод — тягостное занятие для актера, — говорит Евгений. — Обычно он идет помимо основной работы. Входить надо в уже сложившийся спектакль, который создавался и жил какое-то время без тебя. Это все равно, что садиться на году в поезд. Настроение у Алексея Николаевича было не из лучших. Репетиции шли внепланово. Сначала он воспринял меня с жуткой неприязнью. Говорил сквозь зубы. Чаще всего вообще игнорировал. Но постепенно — два-три слова совета, потом какое-нибудь замечание попространнее. Коллеги поопытнее сказали: «Это верный признак, что «старик» тебя принял».

Грибов был прекрасным партнером, «вытягивая» из тебя ту реакцию, которая нужна была по сцене; он всегда задавал верный тон, и ты уже не мог сфальшивить. Он принадлежал к удивительному поколению актеров, мужественных и стойких. Они даже не боялись длительное время быть без новых ролей, оставаясь при этом в форме и верными своим творческим принципам. А ведь иногда становится так жутко, что все — больше у тебя ничего не будет, тебя забыли...

Нет, кажется, ничего мучительнее для актера, чем быть в простое, получать зарплату и не получать ролей. Даже неудачи переживаются, наверное, легче. Боязнь оказаться «за бортом» порой заставляет многих актеров брать за «чужие» роли, а то и вообще за слабый драматургический материал. Когда Киндинов получил приглашение сыграть роль Мити Карамазова в спектакле Театра имени Моссовета, он воспринял это как дар судьбы.

И вот пошли репетиции... Одна из них — в декорационном зале. Большой деревянный помост, на котором расписываются задники: лес, или уходящие вдаль городские улицы, или просто небо... Но сейчас он пуст. Только скамья и низкий стол в углу. До начала работы несколько минут. Уже оставлены посторонние разговоры. Киндинов несколько раз обошел вокруг помоста, как боксер перед боем, и затем прыгнул на деревянный настил, где его уже ждал партнер. И среди еще недописанных декораций, среди случайных деталей других спектаклей начинается разыгрываться жизнь братьев Карамазовых...

Встреча Мити и Алеши в беседке... Эта сцена в романе называется «Исповедь горячего сердца». Она, пожалуй, самая значительная для раскрытия характера Мити. И труднейшая для актера. Исполнитель должен пройти сквозь столь разноречивые состояния души и в таком стремительном ритме, что нужно обладать высокой подвижностью психики, чтобы одолеть эту сцену. Искренность и притворство, благородство и подлость, вера и цинизм переплетаются в исповеди Мити. Для того, чтобы разобраться и разыграть столь насыщенное сплетение чувств и стремлений в этом небольшом эпизоде, надо проигрывать и проигрывать его, оттачивая каждую фразу, каждую интонацию, жест.

Киндинов готовился к роли основательно, прочитал десятки книг о Достоевском, перечитывал по многу раз роман. Но при этом сохранялось чисто актерское восприятие материала. Так, может быть, читает человек то, что написано о нем самом.

Митя Карамазов, пожалуй, первая роль Киндинова, в которой в полной мере раскрылось дарование актера, вступившего в пору своей зрелости.

Киндинов прошел достаточно долгий путь в кино и театре, чтобы за ним закрепилась вполне определенная актерская репутация и в театральных кругах и у зрителей. Согласен или не согласен Киндинов с тем, каким его представляют режиссеры, каким он видится публике, — это его личная боль или удовлетворение. Внести свои коррективы он может лишь новыми работами. Но, чтобы дождаться или добиться хотя бы одной роли из тех, для которых кажешься предназначенным, нужно иметь немало выносливости и веры в себя. Думается, что у Киндинова их окажется достаточно.

Треркер

Банумбир УОНГАР РАССКАЗ

Перевод с английского Светланы ДУБОВИК

Мне совсем не следовало вязаться в это; можно выслеживать животное или змею, но не человека. Белый человек никогда не поймет этого — он стремится загнать даже своего собрата.

Прошло уже, пожалуй, несколько недель с тех пор, как они заставили меня возглавить эту охоту; я не силен в счете, но мы уже сделали так много ночных привалов, что я успел забыть некоторые места, где мы останавливались на ночлег. Мы почти пересекли землю племени Мертвой Гадюки — выдохшее, безводное пространство. Раскаленное солнце целый день сидит на наших головах. Меня это не очень-то беспокоит; я могу терпеть жару еще несколько недель, но белые, идущие позади меня — Сержант, скотовод и этот человек в темных очках, — уже задыхаются от жары. День-другой пути вовсе доконали их.

Жаль, что они еще не сломались, тогда охота прекратилась бы. Но нет, мне не везет на хорошее, так зачем же даже думать о нем. Однако на этот раз не повезет нам всем. Это преследование нас доконает, и хотя бы раз в жизни белый человек не добьется своего.

— Тпру! — Сержант требует сделать остановку.

Белые столпились в тени дерева, но я лучше останусь на солнце, чем присоединюсь к этой компании. Солнце меня не беспокоит. Если ты рожден в этой стране и у тебя темная кожа, лучи солнца прикасаются к тебе, как руки матери.

— Когда же наконец мы поймем этого чертова ублюдка? Эй ты, або¹! — кричит человек в темных очках.

— Он не слышит тебя, — говорит Сержант.

— Похоже, к тому же он и не говорит.

— Время от времени он бормочет несколько слов на родном языке.

— Неужели нельзя было найти кого-нибудь получше?

— Он никогда не подводил до сих пор.

— Подозрительный тип. Как вы с ним общаетесь?

— Або знают, что от них требуется.

— Как гончая, — говорит скотовод. — Ты указываешь на след, и она бежит вперед.

Белые люди не говорят о том, почему преследуют бедного парня, даже не произносят его имени. Но пусть они не пытаются одурочить меня — я знаю: это Малу. Нет надобности долго идти по следу, чтобы узнать, кого ты преследуешь. Когда выслеживаешь животное — даже ящерицу, — всегда можно сказать, какова будет добыча, стоит ли ее преследовать и в каком направлении побежит зверь. Если же преследуешь человека, ты можешь судить даже о том, будет ли он пойман и когда. Да, больно сознавать это, но лучше знать заранее, чтобы иметь время подумать об этом человеке. Ребята, которые выросли в поселениях, плохо знают буш. Они, не думая, носятся, как молодые бычки. Малу поймали бы в первый же день, если бы эта банда наняла кого-нибудь другого.

Интересно, почему они преследуют его, что он мог сделать им плохого? Никто из них не говорит об этом, потому что, может быть, нечего особенно и сказать. Белые придумали странные правила, называемые «законом», и очень трудно жить в соответствии с ними. С того момента, как я себя помню, я мечтал найти заклинание, которое освободило бы меня от правил и дало возможность идти своей дорогой. Но стоит только сделать это, как целый мир, небо и все остальное обрушатся на тебя.

Они не поймут его, я об этом позабочусь. Для Малу было бы хуже всего, если бы парень в очках добрался до него: он напоминает мне лезвие ножа. Он сбит в ботинках у костра, с ружьем наготове. Несколько дней тому назад я поймал на себе его пристальный взгляд, когда он протирал свои очки, и этот взгляд был похож на удар кнута. Я не хотел бы попасть в его руки, холодные, бесчувственные: он мог бы ради забавы переломить человека пополам.

Граница тени передвигается вслед за деревьями к пересохшему руслу ручья: на песке следы четко видны. Лучшее всего ходить босиком. Босые ноги приведут тебя на край света, а белый человек может идти следом только до тех пор, пока не сносятся его башмаки, но так не уйдешь далеко по этой каменной земле. Жажда, однако же, — общий враг, потому что если даже твои ноги еще несут тебя, сухой рот приковывает ближайшая тень, и тогда через несколько часов наступает смерть.

Белые замедляют шаг — все. Их шаги словно глухой стук по каменной земле.

— Как далеко смог уйти этот сукин сын? — спрашивает человек в очках.

— Мы все время приближаемся. Он должен быть теперь где-то рядом.

— Хорошо бы его не было. Проклятая страна! С меня довольно.

Сержант легко проведи; Малу еще хорошо движется. Должно быть, он нашел воду, потому что, похоже, способен еще на один рывок. Черный человек никогда не умирает от жажды — по крайней мере в своей стране. Если покопать в песке русла реки, можно найти лягушку или две; проколи ей живот, и вода выплеснется наружу. По вкусу это не лучшая вода, но когда находишься в бегах, то выбирать не приходится.

Я никогда не думал, что Малу сможет так искусно прятаться в буше; мне кажется, он с легкостью перехитрит эту компанию.

Он разводил костер здесь, на дне пересохшего колодца, и ты бы не заметил этого, даже если бы прошел в нескольких шагах. Неподалеку находится выступ песчаника — крутой и довольно высокий. Да, он забрался туда; молодец! Никогда не следует спать близко к костру, когда находишься в бегах.

Вероятно, у него кончились спички, и он разводил теперь огонь трудным способом — при помощи палочек. Тяжелая работенка для парня из поселения — у них там мало практики. Но я давным-давно обучил его этому способу, и ему не следовало бы забывать его. Он должен помнить, как держать палочку между ладоней, прямо и точно по отношению к дереву внизу, и не давать ей отклоняться вправо или влево. Дурачок, он не сообразил зачистить палочку, ведь ладони будут скользить по ней, если ее не отстрогать. Он, конечно, развел костер, но наверняка у него будет две пригоршни мозолей.

Он был маленьким мальчиком, когда я учил его разводить костер. Мы вместе путешествовали по земле племени Мертвой Гадюки и делали привал где-то поблизости... Нет, пожалуй, немного выше ручья, ближе к холмам. Это было до того, как белый человек пришел и построил первый дом внизу, в долине. У нас тогда не было спичек.

— Я просто хочу поймать его и получить это чертово вознаграждение, — говорят Очки.

— Эти або умны, как динго, — замечает скотовод словно бы в оправдание тому, что они еще не поймали Малу. — Посмотрите, он ел какаду.

¹ Треркер — австралийский абориген, нанятый белыми переселенцами для поимки туземца, скрывающегося в буше. Буш — неводеланная земля, покрытая кустарником (внутренние районы Австралии).

² Або — австралийское сокращение от абориген. Звучит пренебрежительно, уничижительно.

— Это лапка ящерицы, а не птицы.

Они оба не правы: это лапка лягушки. Малу получил еду и питье от обладателя этой лапки, так что он делает все правильно.

Белые люди опять шумно спорят. Гораздо лучше, когда они молчат, и я могу закрыть глаза и представить, что я один вместе с животными и птицами — они не приносят вреда роду человеческому. Если я буду держать глаза закрытыми, вот так, достаточно долго, моя мысль возвращается назад, в прошлое. Иногда я даже могу слышать трещотку, зовущую меня из далекой Мечты. Несколько дней назад — нет, вчера — я увидел себя танцующим у колодца среди холмов. Все люди племени Мертвой Гадюки были там. Старики и молодые парни. И мы танцевали так неистово, что облако пыли поднялось и закрыло солнце, и середь бела дня стало темно. Приятно было увидеть моих старых товарищей: все они давным-давно умерли. Они исчезли, как звезды в утреннем небе, — нелегко вспомнить, что случилось с каждым из них. Однако время от времени ты натыкаешься на блуждающий дух, и он напоминает тебе, что все мы принадлежим к племени Мертвой Гадюки.

Белые люди пытаются подгонять меня, но я не люблю, когда мне угрожают. Скоро они узнают, что неважно, какой дорогой мы идем и как быстро продвигаемся вперед, потому что конец пути очень близок.

Я хотел бы снова увидеть себя танцующим, но картина не возникает. Позже, когда я закрываю глаза, люди появляются друг за другом. Их много, но каждый сам по себе. Не помню, чтобы я преследовал столько, но, должно быть, это правда: духи всегда говорят правду. Хорошо будет сказать им, что пришла и моя очередь, и я скоро приду — и не один, другие тоже.

В этом месте я могу замедлить шаги; мы взбираемся на крутой скалистый склон. Вблизи не видно ни дерева, и солнце, как камень, вынутый из раскаленного пепла, лежит у тебя на голове.

Идти все еще довольно далеко; у белых людей слишком много причин жить, чтобы они легко сломались, а эти по-прежнему толкуют о вознаграждении, чтобы отвлечь свои мысли от палящего солнца. Интересно, каково вознаграждение за поимку Малу?.. Оно, наверно, большое, если завело охотников так далеко и так быстро.

— Я просяжу всю свою долю на пиво, — мечтает скотовод. — Получился бы целый бассейн, в котором можно было бы плавать.

Остальные молчат. Должно быть, во рту у них пересохло и трудно выдавить из себя слово.

Мы уже больше не идем по следу, но хозяева этого не заметили: настолько они уверены, что я не отклонюсь от правильного пути. Теперь мы приблизились к холмам — среди валунов можно различить разбросанные кое-где деревья. Они сойдут с ума, эти белые люди, когда узнают, что обратной дороги нет. Очки, возможно, воспользуются ружьем. Но сейчас мне это совершенно безразлично. Мне нечего делать в поселении, где от всего племени Мертвой Гадюки осталось несколько старух: все мужчины умерли один за другим. Когда преследуешь черного по приказу белого, его или ловят, или он убегает — в любом случае он уходит. Им не следовало заставлять меня выслеживать Малу — даже динго не охотится на своих собратьев, но белые... у них нет понятия об этом.

В воздухе не чувствуется ни малейшего дуновения ветра; среди этих скал становится очень жарко, и даже в тени земля настолько раскалена, что на ней можно поджарить человека. Должно быть, сейчас около полудня: солнце высоко и палит немилосердно. С заходом солнца должно кончиться. Это самый лучший путь, и мне не придется смотреть в лицо старухам из поселения. Раньше каждый раз, когда я возвращался с работы, предложенной белым человеком, подобно этой, они долго с ненавистью глядели на меня, проклиная без слов, выкрикивая ругательства своими страшными глазами. Это сбивает с ног, как удар боевой палки. Дети бросают в меня камни и кричат: «Прочь, прочь, Злой Дух!» Они убегают и прячутся, если я подхожу близко, но дразнят меня и кричат, следуя на безопасном расстоянии, куда бы я ни шел.

Хорошо, что не придется возвращаться: белые люди теперь почти совсем обессидели. Они уже больше не разговаривают и продолжают лежать на земле. Незадолго до этого у них произошла настоящая ссора: они кричали и вопили так, что я думал, что они начнут стрелять друг в друга или в меня. Я не мог уловить всего, о чем они говорили, и, возможно, вообще это не имело бы для меня смысла, но в основном разговор шел о вознаграждении. Должно быть, их мысли сковало солнце или жажда.

Им показалось, что они получили вознаграждение прямо здесь: целую кучу денег, — здесь, среди скал. Сержант и человек в очках хватили все, что могли, я никогда не видел такого зрелища: они оба, протягивая руки к пустоте и царапая пальцы о камни и грубый песок, запикивали их в карман и за ворот рубашки. Скотовод попытался взять свою долю. Они оттолкнули его, он разозлился и прорвался к тому месту. Те двое набросились на него и отпихнули назад. Он покатился, как пучок травы на ветру, и затих, так как они, должно быть, довольно сильно его ударили.

Те двое некоторое время были счастливы, набив карманы и рубахи камнями и песком. Затем, хотя тяжесть «вознаграждения» притягивала их к земле, они поползли прочь, наверно, пытаясь удрать со своими сокровищами. Но жажда — еще более тяжелая ноша, чем камни, — догнала их там, на склоне холма. Уже у них давно пересохло во рту, а губы потрескались и кровоточили. Они продвинулись всего на несколько футов, затем вырыли ямки, чтобы спрятать там дерьмо из карманов и рубах. Внезапно между ними возникли ненависть и подозрение, и они повернулись лицом друг к другу, рыча, как динго, пытаясь дотануться рукой до горла другого, прежде чем ринуться в драку.

Скотовод поднял голову, но даже пальцем не пошевелил, чтобы остановить драку. Оттуда, где он лежал всего в нескольких футах, донесся сдавленный смех: «Драка за деньги... сокровища всего мира... даже и они здесь не могут купить мир...» Он перекатился на спину и, продолжая смеяться, бил каблуками по пыли.

Теперь все они лежат неподвижно; тень от дерева переместилась, но никто из них этого не заметил. Я легко могу теперь уйти. За этим скалистым хребтом есть глубокий колодец; надежно укрытый между двумя валунами. Это священный колодец племени Мертвой Гадюки; когда кто-нибудь из нас умирает, дух уходит отдохнуть на дно этого колодца, ожидая возвращения к жизни. Все мои соплеменники возрождаются, но не как люди, а превращаются в деревья, в птиц или звезды. Если бы я мог родиться динго, ни один белый человек никогда не поймал бы меня.

Должно быть, к этому времени Малу уже миновал священный колодец — он знает это место. Я показал ему колодец, когда рассказывал о священных местах нашего племени, так же как он научит своего сына, когда придет время, а тот мальчик — своего. Таким образом, это будет продолжаться до тех пор, пока черный человек живет в этой стране, и однажды, когда мы все превратимся в животных и птиц, мы встретимся у этого колодца, чтобы напиться. Между этими валунами белые люди нас никогда не найдут.

Владимир БУТ

Парни сорок первого

Под луною рыжею
Чаплинский фокстрот,
Рвет подметки стриженный
Сорок первый год.

Был последним праздником
Тот прощальный бал
Парню, что под Вязьюю
Без вести пропал.

Был последней роскошью
Он для тех ребят,
Что в степи под Россосью
С той поры лежат.

Им печаль свою нести
Полям заревым,
Но убитым в юности
Хочется к живым!

Во дворцах по пятницам
Танцы, песни, джаз.
Хорошо бы, братцы, там
Побывать хоть раз!

Но кирзовых, этаких,
Как швейцар сказал,
Нынче «из-за этики»
Не пускают в зал.

Разрешите все-таки,
Мы недолго тут:
Отпустили ротные
Нас на пять минут.

Пять минут от вечности
Люди нам простят,
Пять — лишь этим вечером,
Пять — у вас в гостях!

Музыканты, очень мы
Просим нас понять,
«Синенький платочек» бы
Хорошо опять!

Девушки, наверно, вы,
Помните тот вальс...
Парни сорок первого
Приглашают вас!

Не бойся быть настигнутым в пути
Ни ветром, ни метелью, ни печалью —
В глухой ночи звезда есть впереди,
В пустыне есть родник за дальней
далью.

Страшнее, если ты привык к теплу
И быть самим собою разучился,
Страшнее, если в пепел и золу
Огонь души и сердца обратился.

Не бойся, если женщина уйдет,
Удача, изменив, отдаст на муку, —
Любовь в огне к тебе отыщет брод,
И старый друг в беде протянет руку.

Страшнее, если жил ты, не любя,
И близких растерял по белу свету,
Страшнее, если все есть у тебя
И только друга, только друга нету.

Еще не все свершили мы сполна,
Еще кругом высот невзятых
столько...

Не бойся жизни — вправе все она:
Казнить любя и миловать жестоко...

Рис. Олега ЭСТИСА.

Подтянув ремень потуже,
Помню, мог шагать больной,
Мерзнуть, спать в степи не хуже,
Чем в гостинице иной.
Мог легко забыть утрату,
Мог, идя домой с войны,
Завернуть в любую хату,
Словно к теще на блины,
Сесть на поезд без билета
И, сказав дружку: «Пиши...» —
Вдруг сойти за Клязьмой где-то,
Где знакомых ни души.
Жаль мне с прошлым расставаться,
Только вижу все ясней,
Что простым казалось в двадцать,
Нынче выглядит сложней.
Годы, годы... Стать бы строже,
Только ты меня прости,
Я, мне кажется, не прожил
Этих самых двадцати.
Хоть убей, охоты нету
Обрастать «своим» добром.
Мне еще бродить по свету,
Жить в степи, дружить с костром,
Мне б на БАМ, в Саяны двинуть!
В бой с сибирской рекой
И хоть горсть земли в плотину
Уложить своей рукой.
Юность, стой, давай отсрочку!
Мне на сборы — пять минут,
Допишу, поставлю точку,
Дальний поезд, где ты тут?
И не спрашивай, куда я,
Мне б успеть, не опоздать...
Как да что — пускай гадают
Те, кому не лень гадать.

Маки

Поверь словам солдат бывалых,
Судьба солдатская крута:
Был голод, страх, тоска бывала
И роковая высота.

«Долиной смерти» не однажды
Прошли мы в громе и огне.
И потому я жив, что дважды
Не убивают на войне.

Винить нас, если в чем не правы,
Уже за то ты не вели,
Что нынче так душисты травы
Долин, которыми мы шли.

И тех высот крутые скаты,
Где мы стояли до конца,
Штурмуют нынче не солдаты.
А молодые деревца.

В саду мальчишки строят доты
И рвутся в бой, крича «ура!»
А мне, ребятам нашей роты
Другая помнится игра.

А нам все видятся атаки,
И лица мертвых и живых,
И степь весной. И маки, маки...
И кровь солдат в разливе их.

ЛЕТОПИСЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Объявленный в начале марта этого года журналом «Смена» конкурс «Наша Родина» продолжается. Он посвящен 60-летию образования СССР и вызвал особый интерес у широкого круга наших читателей. «С нетерпением ждем вопросы третьего тура», — написали многие из тех, кто участвовал во втором туре. Мнение большинства читателей единодушно: чтобы ответить на вопросы конкурса, приходится читать и перечитывать много самой разнообразной литературы, что необычайно обогащает знания о нашей великой стране, побуждает глубже изучать ее историю, экономику, географию, государственное устройство, узнавать любопытнейшие факты из жизни населяющих ее народов.

Вопросы третьего тура — «Летопись десятилетий» — как и двух предыдущих, составлены по вашим письмам, дорогие читатели. Участвовать в этом туре могут все желающие, в том числе, разумеется, и те, кто пропустил один или оба первых тура. Правильные ответы на все пятнадцать вопросов, как и прежде, могут принести претенденту 50 очков. Тридцать участников третьего тура, набравших наибольшее количество очков, будут награждены альбомами, почетными дипломами, годовой подпиской на «Смену».

Напоминаем, что конкурс «Наша Родина» редакция «Смены» проводит совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Одновременно с итогами третьего тура жюри подведет итоги и всего конкурса. Трое его участников, чей общий результат по очкам окажется самым близким к цифре 150, будут премированы путевками для путешествия по СССР.

Письма с ответами на вопросы третьего тура вы можете отсылать по 15 октября включительно. Жюри обращается ко всем читателям с настоятельной просьбой отвечать на вопросы строго в том порядке, как они заданы, и писать при этом разборчивым почерком на одной стороне листа. Можно присылать письма с ответами на любое число вопросов.

Приводим вопросы третьего, заключительного тура конкурса «Наша Родина»:

1. Сколько в нашей стране музеев дружбы народов

В скобках после каждого вопроса указано число очков, которые даются за правильный ответ

и в каких городах они находятся? (3)

Л. НАЙДЕНОВ, Саратов

2. Когда впервые на обмундировании красноармейцев появилась пятиконечная красная звезда? Что вначале на ней было изображено? Назовите автора эмблемы. (3)

В. КУРОЧКИН, Ижевск

3. Когда был учрежден орден Трудового Красного Знамени РСФСР? Кто и за какие заслуги был первым удостоен этой награды? (4)

Л. МОСКВИТИН, Бирюсинск Иркутской области

4. Чабаны этой республики веками мечтали о «золотой овце», как называли ее в сказаниях. Но только в тридцатые годы переселившийся сюда русский селекционер, который позже стал академиком в сотрудничестве с семьей бывших кочевников вывел местную породу тонкорунных овец. Назовите республику, а также ученого и чабанов, чьи имена стоят рядом с именем академика во многих научных трудах. (5)

В. СИДОРКИН, Алатырь Мордовской АССР

5. Кому принадлежат слова: «Каждый грузин — поэт, а каждый грузинский поэт — дважды поэт»? (4)

6. Зимой 1943 года полесский крестьянин повторил подвиг Ивана Сусанина. Назовите героя, его возраст и деревню, где он жил. (2)

В. ТИЛИШЕВСКАЯ, Ростов-на-Дону

7. В каком году и в связи с чем Москва во время Великой Отечественной войны салютовала рядовому советскому селу? Что это за село? (4)

М. САРКИСЯНЦ, Ереван

8. Где в нашей стране носят одежду, в которой в стужу тепло, которая в дождь не промокает и которую раззубрит не всякая сабля? Как она называется и из чего ее делают? (3)

В. ХАРИТОНОВА, Челябинск

9. Назовите самую первую награду знаменитого вратаря Льва Яшина. (3)

А. ПАНАСЮК, Гайсин Винницкой области

10. В книге К. Чуковского «От двух до пяти» есть слова четырехлетнего мальчика, которые легли в основу всемирно известной песни. Назовите эту песню, а также авторов музыки и слов. На каком фестивале эта песня заняла первое место? (3)

Н. ГОЛУБОВСКАЯ, Калуга

11. Где находится место, от которого тремя лучами расходятся аллеи, ведущие в три союзные республики? Какие деревья растут на этих аллеях? (3)

В. ОБУХОВСКИЙ, Воронеж

12. Кто из комсомольцев-шахтеров, когда и в ознаменование какой годовщины повторил трудовое достижение Алексея Стаханова? Сколько сменных норм он при этом выполнил? (3)

В. КАЛИН, Ворошиловград

13. Назовите самую многодетную семью в нашей стране. Где она живет? (5)

14. Какой советский город в древности был крепостью-Севастополис? (2)

С. и М. КОРТНЕВЫ, Воронеж

15. Когда и где открылась первая летняя спартакиада строителей БАМа? Какая команда стала победительницей? (3)

И. БАДАЛЯН, Новосибирск

Ждем ваших писем с ответами на вопросы третьего тура. Последний срок их отсылки — 15 октября этого года (по штемпелю почтового отправления).

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией международного гроссмейстера Алексея СУЭТИНА

Конкурс «Смены»

ТУР ПЯТЫЙ

1. Ход белых. Какие пешки опаснее: белые или черные? (3 очка).
Белые: Крf4, пп. b2, e5, g5, g2(5)
Черные: Кра5, пп. a7, b5, f7, e6, g3(6).

2. Ход белых. Могут ли они «поймать» черного ферзя? (3 очка).

Белые: Крd2, Kb5 и d8, Се6, пп. a4, g3, h4(7)
Черные: Кре5, Фа6, пп. e7, f6, g6(5)

3. После ходов: 1. e4 g6 2. d4 Cg7 3. c4 d6 4. Кс3 черные могут продолжить 4...Кf6 или 4...Кс6 5. Се3 e5 6. d5 Ke7. Назовите принятые в дебютной теории наименования этих вариантов? (1 очко.)

ПОЗИЦИОННАЯ ЖЕРТВА

В ряду современных стратегических средств особое место занимает позиционная жертва материала. Именно она заметно расширила горизонты шахматного творчества. Новатором в этом отношении был чемпион мира Александр Алехин (1892—1946 гг.). Именно он стал первым регулярно прибегать к жертве пешки за инициативу, по-новому решая сложные проблемы шахмат. Это было еще в 30-х годах, когда теория по сравнению с настоящим временем была развита довольно слабо и дебютные варианты смыкались в основном на несколько однообразных позиционных канонах. Сейчас общая картина заметно изменилась. Разработано множество дебютных систем, где уже с первых ходов партии возникает острая борьба, сопровождающаяся жертвой материала и возникновением необычных ситуаций на доске. Позиционная жертва материала стала неотъемлемым свойством совре-

менной стратегии. Особенно это заметно у представителей нового поколения, в числе лучших представителей которого стоит имя бакинца Гарри Каспарова. Эта позиция возникла после дебютных ходов системы Паульсена в сицилианской защите в партии Каспаров — Полугаевский, 46-й чемпионат СССР, 1978: 1. e4 c5 2. Кf3 e6 3. d4 cd 4. К:d4 a6 5. Кс3 Фс7 6. Се2 b5 7. Cf3 Сb7 8. 0—0 Кс6 9. К:с6 dc 10. e5!7 Ф:e5 11. Ле1 Фс7 12. Ch5 Се7.

Последовало 13. Л:e6!?

Интуитивная жертва фигуры, ценной чего белые стремятся задержать черного короля в центре.

13. ...g6 14. Ле1 Лd8 15. Фf3 c5 16. Cf4 Фb6 17. Фg3 gh 18. Сс7. После 18. Се5 Кf6 19. Сс7 Фс6 20. С:d8 Лg8! 21. С:e7 Л:g3 22. С:f6+ Крf8 23. Ке4 Лg6, или 21. Л:e7+ Кр:d8 22. Фb8+ Кр:e7 ситуация складывается в пользу черных (Анализ Тиммана).

18. ...Фg6 19. С:d8 Ф:g3 20. hg Кр:d8 21. Лад1+ Крс7 22. Кd5+ С:d5 23. Л:d5 h6! 24. Л:h5 Лh7 25. Лhe5 Крd7 26. Л5e3! Лg7 27. Лd3+ Крс7 28. Лa3 Лg6 29. Лf3 Сf6! 30. с3 Крd7 31. Лd3+ Крс7 32. Лe8 Ке7?

Черные не выдерживают напряжения. Правильно было 32. ...Се7 33. Лf3 Лg7 34. Лf5 a5 и далее a4 или b4, с примерно равной игрой.

33. Леd8! Кс6 34. Л8d7+ Крb6 35. Л:f7 Се7 36. Ле3 Сd6 37. f4 c4 38. Крh2 Сс5 39. Ле2 b4 40. Ле4 bc 41. bc Cf2 42. Л:c4 С:g3+ 43. Крh3 Се1 44. a4! Ка5 45. Лb4+ Крс5 46. Лf5-. Черные сдались.

Открытки с ответами на вопросы пятого тура посылаются в «Смену» не позднее 1 ноября 1982 г.

Наш адрес: 101457. ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.08.82. Подписано к печати 17.08.82. А 05162. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2254. Заказ № 2965. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИЗ ПАМЯТИ УХОДЯТ ИМЕНА

Музыка Марка МИНКОВА
Стихи Оксаны ЛУКЬЯНОВОЙ

(Песня из кинофильма «34-й скорый»).

Из памяти уходят имена,
Уходят лица, даты, дни мелькают;
Лишь тенью у открытого окна
Воспоминанья в сердце возникают.
И этот мерный лиц водоворот,
Как лунный свет,
Далекий и печальный,
Напоминает мне, что жизнь идет,
И плата есть за встречи и прощанья...

ПРИПЕВ:
Верю я, что настанет день,
День надежд на пути прощаний.
Верю я, что настанет день,
День — судьбы моей.

Из памяти уходят имена,
Как стаи птиц,
Готовых к небу взвиться,

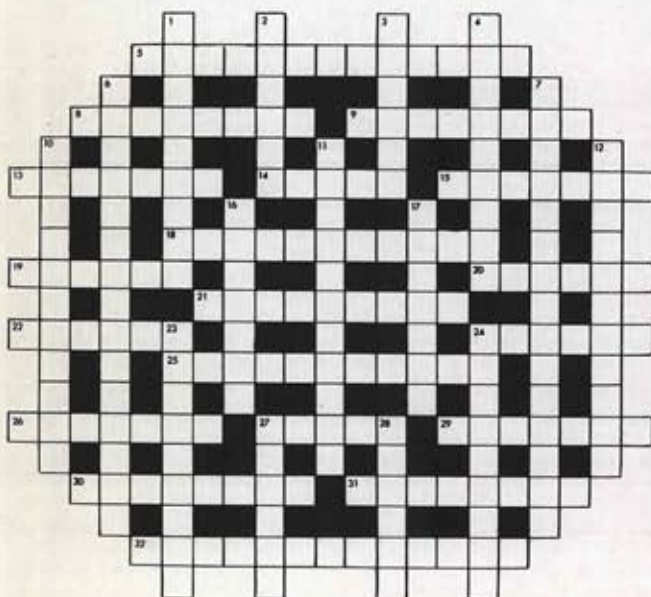
Влечет меня всю жизнь мечта одна:
Смотреть на небо так,
Как смотрят птицы.
И я прошу: спаси и сохрани
Цвета, и запахи, и ощущения,
И будущего вечные огни,
И прошлого забытые мгновенья.

ПРИПЕВ.

Из памяти уходят имена.
Во мне надежды тают и стремленья.
Но лишь настанет утра тишина,
Благословляю каждое мгновенье.
И каждый день, дарованный судьбой,
Хочу прожить я полной
Мерой счастья,
И снова солнце всходит над землей,
И снова в сердце боль
Тревоги гаснет...

К Р О С С В О Р Д

составил Ю. УРУШАНЯН,
Ереван

По горизонтали:

5. Художественная проза. 8. Отвага, мужество. 9. Народное творчество. 13. Воспитанник военной школы. 14. Антилопа. 15. Врач. 18. Коренное население автономной советской республики. 19. Советский искусственный спутник Земли для ретрансляции телевизионных программ. 20. Конструктор ракетно-космической техники, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 21. Исполнитель былин. 22. Остров Филиппинского архипелага. 24. Крупная скульптура. 25. Стихотворение Н. А. Некрасова. 26. Птица семейства утиных. 27. Рассказ М. Горького. 29. Одно из главных действующих лиц романа Л. Н. Толстого. 30. Научное предположение. 31. Центр автономной области в РСФСР. 32. Спортсмен, легкоатлет.

По вертикали:

1. Ягодное растение. 2. Композитор, автор оперы «Молодая гвардия». 3. Эстонский актер, народный артист СССР. 4. Коллективное посещение достопримечательных мест, музеев. 6. Создание машин, приборов. 7. Город в Донбассе. 10. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Волки и овцы». 11. Общественное объединение, государственное учреждение. 12. Отрасль тяжелой промышленности. 16. Коренное население Северной Америки, группа индейских племен. 17. Река в Австралии. 23. Специалист по выращиванию одного из видов корнеплодов. 24. Кормовое бобовое растение, медонос. 27. Вершина в центральной части Большого Кавказа. 28. Соль уксусной кислоты.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 17**

По горизонтали:

7. Калабрия. 8. Фазотрон. 10. Романенко. 11. «Враги». 13. Збруч. 15. Шатер. 16. Коралл. 18. Логика. 19. Винтер. 20. Метчик. 24. «Юбилей». 25. Секция. 26. Солид. 28. Кросс. 30. Айбек. 31. Котангенс. 32. Мезенцев. 33. Фотометр.

По вертикали:

1. Камертон. 2. Юбари. 3. Кишмиш. 4. Лайнер. 5. Рогоз. 6. Форсунка. 9. Гнатюк. 12. Гладиолус. 14. Багрицкий. 17. Литий. 18. Лотос. 21. Абориген. 22. Былина. 23. Ритенуто. 26. Сеттер. 27. Джером. 29. Скандь. 30. Астон.

Центральному комсомольскому издательству — 60 лет

ПОЧЕРКОМ ЮНОСТИ

Наш корреспондент попросил директора «Молодой гвардии» Владимира ДЕСЯТЕРИКА рассказать о творческом пути издательства.

— 11 октября 1922 года, в день открытия V Всероссийского съезда РКСМ, газета «Правда» объявила о создании «Молодой гвардии». За два с лишним месяца, оставшихся до конца 1922 года, читатели получили сорок небольших молодогвардейских брошюр. И вот спустя шесть десятилетий эта цифра умножилась почти в прямом смысле слова тысячекратно. Библиографы «Молодой гвардии» по книжным летописям, справочникам и каталогам прежних лет составили практически полное описание всего изданного нашим издательством. И выяснилось, что к знаменательной дате своей истории «Молодая гвардия» выпускает девятнадцатитысячную книгу. Общий же тираж всех книг и брошюр, вышедших с маркой комсомольского издательства, превышает один миллиард триста миллионов экземпляров. Цифры поистине впечатляющие. Но разве только в них суть? Если по первым молодогвардейским брошюрам постигали жизненную науку комсомольцы двадцатых годов, то прошло время, и их сыновья и дочери в годы Великой Отечественной как верное боевое оружие получали малоформатные, малообъемные издания «Молодой гвардии», адресованные юным патриотам фронта и тыла. В новые десятилетия с книгами комсомольского издательства вершили и вершат трудовые подвиги покорители целины, строители БАМа — внуки первых читателей молодогвардейских изданий. Нерасторжима связь этих поколений. И точно так же нетрудно обнаружить то общее, что присуще всем книгам молодогвардейского издательства.

Их главное общественное предназначение заключается в том, чтобы служить выразителем дум и чаяний молодого поколения советской эпохи, нести в массы молодежи свет ленинских идей, исторический опыт КПСС, героические революционные, боевые и трудовые традиции народа, быть летописцем

славных свершений комсомольцев и юношества, залечивать на своих страницах величественный образ нашего молодого современника.

Если мы вправе применить к характеристике многолетней живой практики издательства такие понятия, как творческая манера, собственный почерк, то можно было бы говорить по крайней мере о нескольких принципиальных подходах коллектива к работе по подготовке книг для юношества.

Прежде всего легко заметить, что «Молодая гвардия» всегда стремилась к тому, чтобы к разговору с молодежью привлечь самых авторитетных в народе людей. Видные представители революционной гвардии, партийные деятели, знатные труженики, прославленные ученые с первых дней существования комсомольского издательства активно сотрудничают с ним. Интересно, что уже среди первых брошюр, выпущенных «Молодой гвардией» в 1922 году, были сборники работ В. И. Ленина — «Речи и статьи о молодежи», «О революционном студенчестве», «Парижская Коммуна и вопросы революции», книги Н. К. Крупской «Организация самообразования (чему и как учиться)», Ем. Ярославского, А. Луначарского, Г. Чичерина и других партийных и общественных деятелей.

Придавая большое значение в воспитательной работе с молодежью художественной литературе, комсомол всегда нацеливал свое издательство на укрепление дружбы с советскими писателями. В 1922—1923 годах в молодогвардейской «Библиотеке красной молодежи» вышли инсценировка по рассказу М. Горького «Страсти-мордасти», книги В. Короленко, Н. Ляшко, А. Платонова, Л. Сейфуллиной, А. Новикова-Прибоя. И в последующие годы лучшие произведения советской литературы занимают прочное место среди литературы издательства. Видные мастера советской литературы активно участвуют также в создании научно-художественных и публицистических книг. Можно вспомнить хотя бы такие примеры. В тридцатые годы Максим Горький обратился к ком-

сомолу с предложением выпускать в комсомольском издательстве серию «Жизнь замечательных людей». Благодаря сотрудничеству с видными советскими писателями, публицистами, учеными «Молодая гвардия» с тех пор выпустила уже более шестисот томов жэззоловских книг, имеющих огромное воспитательное значение для молодежи. Дороги и другие свидетельства истории. В 1942 году для молодогвардейской серии «Герои Отечественной войны» написал небольшую книжечку «Твой брат Володя Куриленко» Леонид Леонов. По специальному заказу комсомола Александр Фадеев пишет роман «Молодая гвардия», и первую его публикацию осуществляет комсомольское издательство. Многие годы творческого содружества связывают «Молодую гвардию» с такими известными мастерами советской литературы, как Михаил Шолохов, Георгий Марков, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Чингиз Айтматов, Анатолий Алексин, Василь Быков, Сергей Залыгин, Нодар Думбадзе, Егор Исаев, Анатолий Иванов, Василий Белов, Роберт Рождественский, Валентин Распутин, и многими многими другими.

Всегда и во всем следовать в фарватере читательского интереса, чутко улавливать малейшие изменения в духовных исканиях молодежи, откликаться на реальные общественные потребности, веления времени — это также присуще молодогвардейскому почерку. «Библиотека Ленинского призыва», «Первый круг чтения комсомольца», «Ответы на вопросы молодежи», «Жгучие вопросы», «100 вопросов — 100 ответов», «Компас», «Университет молодого марксиста», «Мир твоих увлечений» — вот только некоторые библиотечки и серии, которые в разные годы объединяли книги по актуальным вопросам современности, содействовали формированию у юношей и девушек активной жизненной позиции. Жгучие вопросы, вечные вопросы... Они всегда вставали и встают перед молодым человеком в пору его социального мужания, формирования характера. И в этом

непростом процессе становления личности для юноши и девушки добрым, отзывчивым другом должна стать искренняя и умная книга. Дать ее каждому молодому человеку — в этом видит свой первоочередной долг коллектив молодогвардейского издательства.

Есть у «Молодой гвардии» еще одна ответственная и благородная обязанность — открывать молодые дарования, растить литературную смену, поддерживать юные таланты. В стране давно уже сложилась определенная система работы с творческой молодежью, в том числе с начинающими литераторами. И «Молодая гвардия» всегда непосредственно участвует в этом процессе. Еще в 20-е годы начали закладываться принципы ее взаимоотношений с молодыми авторами. С годами накапливался опыт. Сегодня это неотъемлемая часть повседневной практики издательства, его творческой и организаторской работы. «Молодая гвардия» — непрерывный участник всесоюзных, зональных, региональных совещаний и семинаров молодых литераторов. Молодые авторы группируются вокруг альманаха «Истоки». Им предоставляют свои страницы другие молодогвардейские альманахи — «Поэзия», «Подвиг», «Парус», «Фантастика». В серии «Молодые голоса» ежегодно издаются десятки авторских книг наиболее талантливых молодых прозаиков и поэтов.

Это всего лишь несколько черт, характеризующих стиль деятельности коллектива комсомольского издательства, его многочисленного авторского актива. И хотя «Молодой гвардии» исполняется шестьдесят, но ему всегда оставаться молодым. В напряженном ритме вместе с комсомолом страны живет издательство и сегодня. Свои перспективы оно связывает с будущим страны, мира, его молодого поколения, которому предстоит жить уже в новом тысячелетии. И поэтому сейчас «Молодая гвардия» разрабатывает планы своих изданий, темы новых произведений, которые будут поступать к читателю и завтра и послезавтра...